

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
ИНСТИТУТ ЕВРОПЫ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

П. В. Осколков

**ПРАВЫЙ
ПОПУЛИЗМ
В ЕВРОПЕЙСКОМ
СОЮЗЕ**

МОСКВА
ИЕ РАН
2019

**Федеральное государственное
бюджетное учреждение науки**

**Институт Европы
Российской академии наук**

П.В. Осколков

**ПРАВЫЙ ПОПУЛИЗМ
В ЕВРОПЕЙСКОМ СОЮЗЕ**

Монография

**Доклады Института Европы
№ 365**

Москва 2019

УДК 329.17(4)
ББК 66.64(4)
О74

Редакционный совет:
Ал.А. Громыко (председатель),
Е.В. Ананьева (шеф-редактор), Ю.А. Борко,
В.В. Журкин, М.Г. Носов, В.П. Фёдоров

Ответственный редактор О.Ю. Потемкина,
редакторы Е.В. Ананьева, Е.В. Дрожжина

Рецензенты:
Хенкин Сергей Маркович, доктор исторических наук, профессор
Прохоренко Ирина Львовна, доктор политических наук

Тема НИР:
«Современные проблемы европейской интеграции»

Осколков П.В. Правый популизм в Европейском союзе – Right-Wing Populism in the European Union : [монография] / П.В. Осколков. – М. : Ин-т Европы РАН , 2019. – 164 с. – (Доклады Института Европы = Reports of the Institute of Europe / Федеральное гос. бюджетное учреждение науки Ин-т Европы Российской акад. наук ; № 365) – Парал. тит. л. англ. – ISBN 978-5-98163-144-3.

В работе представлен критический разбор современных теоретических подходов к проблеме популизма, сформулировано авторское видение проблемы. Особое внимание уделено теоретическим и эмпирическим аспектам взаимосвязи национального правого популизма с наднациональным уровнем политического процесса и участия правопопулистских партий в европейской интеграции. Также в работе углублённо рассматривается опыт правопопулистских партий в странах Бенилюкса, в Балтии и в ЦВЕ.

Мнение авторов может не совпадать с мнением редакционного совета.

ISBN 978-5-98163-144-3

© ИЕ РАН, подготовка текста, 2019

Russian Academy of Sciences

Institute of Europe RAS

P.V. Oskolkov

**RIGHT-WING POPULISM
IN THE EUROPEAN UNION**

Monography

**Reports of the Institute of Europe
№ 365**

Moscow 2019

Аннотация

В монографии рассматривается партийный правый популизм в Европейском союзе в общетеоретической перспективе, а также на примере правопопулистских партий стран Бенилюкса, Балтии и Польши. Основные характеристики правого популизма связаны с политической историей и политической культурой конкретной страны/региона и определяют идеологическую модальность создаваемых партий, характер партийного национализма, пределы влияния правопопулистских партий, выбор объектов стигматизации, роль религиозных, биополитических и геополитических проблем в дискурсе. Одна из основных характеристик риторики правых популистов в ЕС – евроскептицизм, степень которого не коррелирует с успешностью партии на национальных выборах. В Европейском парламенте правые популисты присутствуют на уровне национальных партий, европартий и фракций, выступая одновременно как объект и субъект европейской интеграции.

Annotation

The monograph deals with the party-based right-wing populism in the EU from the theoretical point of view, demonstrated on the cases of right-wing populist parties of Benelux countries, the Baltics, and Poland. The main characteristics of right-wing populism stem from the particular country's/region's political history and political culture; they determine ideological modality of the parties created, the nature of party nationalism, limits of right-wing populist influence, choice of stigmatization objects, the role of religious, biopolitical and geopolitical narratives. One of the European right-wing populist rhetoric's basic features is Euroscepticism. The degree of Euroscepticism is not associated with party's success at the national elections. In the European Parliament, right-wing populists act at the levels of national parties, European political parties and political groups, as an object and as a subject of European integration.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	7
1. Теоретические основания исследования правого популизма в Европейском союзе	12
1.1. Природа популизма, отличительные признаки и классификация.....	12
1.2. Основные теории.....	27
1.3. Типы политической культуры и национализма как основания популизма.....	34
1.4. Мультикультурализм в правопопулистском дискурсе.....	54
2. Особенности и тенденции развития правого популизма в отдельных странах и субрегионах ЕС	63
2.1. Правый популизм в странах Бенилюкса.....	63
2.2. Правый «популизм власти» в Центральной и Восточной Европе. Случай Польши.....	85
2.3. Правый популизм в странах Балтии.....	97
3. Правый популизм в контексте европейской интеграции	117
3.1. Евроскептицизм: идейно-теоретические основы.....	117
3.2. Страновые случаи евроскептицизма.....	124
3.2.1. Евроскептицизм в Западной Европе.....	124
3.2.2. Евроскептицизм в ЦВЕ и в странах Балтии.....	130
3.3. Евроскептицизм и правый популизм в Европейском парламенте.....	139
Заключение	149
Основная литература	156
Об авторе	161

CONTENTS

Introduction	7
1. Theoretical Foundations of the Study of Right-Wing Populism in the EU	12
1.1. The Nature of Populism, Basic Features and Typology.....	12
1.2. Main Theoretical Approaches.....	27
1.3. Types of Political Culture and Nationalism as Foundations of Populism.....	35
1.4. Multiculturalism in Right-Wing Populist Discourse.....	54
2. Specific Features and Trends of Right-Wing Populism in Individual Countries and Sub-Regions of the EU	63
2.1. Right-Wing Populism in the Benelux Countries.....	63
2.2. Right-Wing «Populism of Power» in Central and Eastern Europe. The Case of Poland.....	85
2.3. Right-Wing Populism in the Baltics.....	97
3. Right-Wing Populism in the Context of European Integration	117
3.1. Euroscepticism: Ideological and Theoretical Foundations.....	117
3.2. Country Cases.....	124
3.2.1. Euroscepticism in Western Europe.....	124
3.2.2. Euroscepticism in Central and Eastern Europe and in the Baltics.....	130
3.3. Euroscepticism and Right-Wing Populism in the European Parliament.....	139
Conclusion	149
Basic Literature	156
About the author	161

ВВЕДЕНИЕ

Для современного Европейского союза характерны политические явления самого разного порядка, в том числе правый популизм. В качестве одного из закономерных следствий демократического развития он одновременно способен угрожать стабильности и единству ЕС. Влияние популистских партий выросло с 1960-х по 2016 гг. вдвое по электоральным показателям¹ и втрое по представленности в legislatures². В большинстве стран Европы есть хотя бы одна успешная популистская партия, в трети европейских стран популисты входят в тройку наиболее влиятельных партий³. Согласно исследованию, проведённому Chatham House в 2017 г., 45% опрошенных представителей европейской элиты назвали деятельность «популистских и антиевропейских партий» главной угрозой, стоящей перед Европейским союзом⁴. Важность исследований популизма и актуальность данного феномена оказались столь велики, что слово «популизм» стало «словом года – 2017» по версии Кембриджского словаря английского языка⁵, а на ежегодной конференции Европейской ассоциации политической науки в 2018 г. было представлено 20 докладов, в названии которых содержался поисковый терм «populis» (в 2011 – 1, в 2015 – 3, в 2017 – 15) (напомним, само слово «популизм» вошло в широкое употребление в политической науке после конференции в Лондонской школе экономики в 1967 г., посвящённой данному явлению⁶). Как отмечает Л.Г. Фишман, «если описывать современность в

¹ 5,1% => 13,2%.

² 3,8% => 12,8%; источник данных: Inglehart R., Norris P. Trump, Brexit, and the Rise of Populism: Economic Have-Nots and Cultural Backlash. HKS Faculty Research Working Paper Series, 2016, RWP16-026. P. 2.

³ Mudde C., Rovira Kaltwasser K. Populism: A Very Short Introduction. Oxford: Oxford University Press, 2017. P. 52.

⁴ Raines Th., Goodwin M., Cutts D. The Future of Europe: Comparing Public and Elite Attitudes. London: Chatham House, 2017. P. 31.

⁵ «Populism» revealed as 2017 Word of the Year by Cambridge University Press. University of Cambridge. URL: <https://www.cam.ac.uk/news/populism-revealed-as-2017-word-of-the-year-by-cambridge-university-press> (дата обращения: 09.03.2019).

⁶ См.: Ionescu G., Gellner E. (Eds.) Populism: Its Meaning and National Characteristics. Oakland: University of California Press, 1969.

категории «пост-» (постполитики, постмодерна, постдемократии, постидеологии и т.д.), популизм предстаёт едва ли не системообразующим феноменом политического поля»⁷.

После многочисленных электоральных успехов (как, впрочем, и неудач) правопопулистских партий влияние правого популизма на европейскую политику нельзя преуменьшать. Особенно это очевидно в контексте миграционного кризиса, по-прежнему служащего раздражающим фактором для электората правых популистов, волны террористических актов в Западной Европе, проблем функционирования Экономического и валютного союза ЕС и референдума о выходе Великобритании из Союза. Следовательно, налицо насущная потребность совершенствовать теоретическую и эмпирическую базу исследований правого популизма и заполнить лакуны в изучении этого явления, столь важного для понимания функционирования современных европейских политий.

За единицу измерения в этой работе приняты политические партии, т.к. наиболее зримо феномен популизма проявляется именно в институциональном, партийном поле. Безусловно, правый популизм можно рассматривать и в более абстрактном контексте политической философии и теории идеологий, однако в таком случае предмет и объект исследования становятся слабо обозримыми и выходят за рамки нашего исследования.

По замечанию голландско-американского исследователя К. Мюдде, «мы знаем, что это за партии, но не знаем точно, как их определить»⁸ (он писал о правых радикалах, однако эти слова относятся и к правым популистам). С одной стороны, термин «популизм», как было показано выше, сейчас весьма распространён в академическом и журналистском дискурсе, некоторые исследователи даже пишут о «популистском хайпе»⁹, а также

⁷ Фишман Л.Г. Популизм – это надолго. Полис. Политические исследования, 2017, №3. С. 58.

⁸ «We know *who* they are, even though we do not know exactly *what* they are». Mudde C. The War of Words: Defining the Extreme Right Party Family. West European Politics, 1996, April. P. 233.

⁹ De Cleen B., Glynos J., Mondon A. Critical Research on Populism: Nine Rules of Engagement. Organization, 2018, vol. 25, № 5. P. 657. Слово «хайп» (шумиха, ажиотаж) было включено в «Словарь перемен» М. Вишневецкой как одно из

предостерегают против наклеивания ярлыка «популистский» на все партии, которые по той или иной причине нам не нравятся, либо на всех политических аутсайдеров¹⁰. С другой стороны, рассматривая примеры действительно популистских партий, мы сталкиваемся с вопросом, как обосновать их отнесение к популистским партиям вообще, к правым и левым популистам в частности, как отдельные правопопулистские идеологемы соотносятся с другими укоренившимися понятиями, такими как национализм, радикализм, евроскептицизм. Поэтому актуальным для политической науки представляется критический разбор вышеупомянутых проблем, в том числе на конкретных примерах.

Тема популизма получила достаточно широкое освещение в мировой и отечественной политической науке в последние годы, уместно даже говорить о взрывном характере интереса к этой тематике в связи с событиями 2010-х гг. в партийно-политическом поле европейских стран и США. Как пишет М. Березин, «современная политическая ситуация в США и в других странах породила мини-индустрию новоиспечённых специалистов по фашизму и популизму»¹¹; известный нидерландский политолог М. Роудейн был более лаконичен, заявив, что «популизм – это сексуально»¹². Однако очевидно, что необходимо рассматривать популизм и правый популизм комплексно, и как на общетеоретическом уровне, так и на более конкретном уровне тех или иных казусов.

Поскольку одним из ключевых элементов правого популизма является национализм, в целях исследования необходимо избрать ту или иную концепцию понимания нации. Здесь за основу взята парадигма *социального конструктивизма*, понимающего нацию как социальный и психологический конструкт с доста-

заимствований, получивших распространение в русской речи приблизительно с марта 2016 г. См.: Вишневецкая М. Словарь перемен 2015–2016. М.: Три квадрата, 2018. С. 189.

¹⁰ De Cleen et al. Op. cit. P. 654.

¹¹ Berezin M. Fascism and Populism: Are They Useful Categories for Comparative Sociological Analysis? *Annual Review of Sociology*, 2019, vol. 45, №18. P. 346.

¹² Rooduijn M. State of the field: How to study populism and adjacent topics? A plea for both more and less focus. *European Journal of Political Research*, 2018, №58. P. 362.

точно гибкими и условными границами. Применена концепция «воображаемых сообществ» Б. Андерсона, который обозначает нацию как «воображённое политическое сообщество, неизбежно ограниченное и суверенное»¹³. Данную концепцию развивали многие зарубежные и отечественные политологи и социологи, её экстраполировали на другие ключевые понятия этнополитологии – этнос и этническую идентичность. По мнению отечественных этнополитологов-конструктивистов, «в основе возникновения и самоподдержания этносов лежат сгустки коммуникационных, информационных связей»¹⁴, «этнические группы и их характеристики являются результатом исторических, экономических и политических обстоятельств, а также ситуативных воздействий»¹⁵, а этническая идентичность – «ключевой элемент субъективной реальности, который поддерживается благодаря механизмам социального конструирования»¹⁶. Именно такое понимание нации и этничности даёт возможность объяснить различное использование популистами националистических построений в рамках эксклюзивных/инклюзивных стратегий, обосновать важнейшую роль «значимого Другого» в конструировании популистами гомогенной национальной общности. Интересы этой общности они, по собственным утверждениям, представляют, и зачастую декларируют необходимость её очищения (по крайней мере, дискурсивного) от инородных элементов. Значимый Другой, идентификация которого является одним из важнейших методологических приёмов конструктивизма, для популистов имеет не только этническое измерение; в терминах «мы – они»¹⁷ выступают и национальные элиты, и Европейский союз, и Россия как «агрессивный сосед».

Европейский союз на данный момент состоит из 28 госу-

¹³ Андерсон Б. Воображаемые сообщества. М.: Кучково Поле, 2001. С. 30.

¹⁴ Арутюнов С.А. Этничность – объективная реальность. Этнографическое обозрение, 1995, №5. С. 7.

¹⁵ Тишков В.А., Шабаев Ю.П. Этнополитология: политические функции этничности. М.: Изд-во Московского университета, 2013. С. 54-55.

¹⁶ Дробижева Л.М. Этническая идентичность. В кн.: Идентичность: личность, общество, политика. М.: Весь Мир, 2017. С. 418.

¹⁷ Важность этой дихотомии для социальных наук была в полной мере раскрыта ещё, к примеру, советским историком Б.Ф. Поршневым. См.: Поршнев Б.Ф. Социальная психология и история. М.: Наука, 1966. С. 64-66.

дарств с уникальными характеристиками, и, дабы избежать поверхностности, необходимо выбрать некоторые из них для более подробного исследования. Выборка предполагает анализ правого популизма в странах Бенилюкса, Балтии и в Польше, что отвечает исследовательской стратегии «максимальных различий»¹⁸.

Во-первых, в указанных странах на развитие популизма оказывали влияние факторы, обусловленные историей государств. Применительно к Нидерландам можно говорить о преимущественном влиянии разрушения системы опор (пилларизации) и трансформации идеологии основных системных партий в направлении всеохватных партий¹⁹. В Бельгии большую роль играют этнорегиональные противоречия, в Люксембурге – стремление титульной нации обеспечить культурное доминирование. Что касается Польши, там велико воздействие католического консерватизма. В Латвии, Литве и Эстонии доминируют факторы длительного пребывания в составе СССР (откуда вытекает дополнительное обоснование евроскептицизма как опасения участия в «новом союзе») и наличие крупного национального меньшинства. «Популизм власти», при котором правопопулистская партия становится правящей и определяет внутривнутриполитическую динамику страны, характерен для двух крупнейших стран ЦВЕ – Польши и Венгрии. Отсюда представляется возможным рассмотреть именно Польшу как показательный случай в рамках всего региона, тем более что на примере польских правопопулистских партий очевидны ключевые характеристики подобных партий в целом в Восточной Европе.

Во-вторых, если часть рассматриваемых государств уже сформировались как нации-государства (Нидерланды, Люксембург, Польша, Литва), то часть относится к странам т.н. замороженного проекта построения национального государства (Бельгия, Латвия, Эстония) из-за отсутствия на данный момент возможности сформировать единую гражданскую нацию. Также

¹⁸ Przeworski A., Teune H. *The Logic of Comparative Social Inquiry*. NYC: Wiley-Interscience, 1970. P. 34-46.

¹⁹ См.: Kirchheimer O. *The transformation of Western European party systems*. In: *Political parties and political development*. Princeton: Princeton University Press, 1966. P. 184.

выборка предложена, исходя из относительно малой изученности именно этих случаев, а также открывающейся возможности сопоставить не просто отдельные страны, но региональные кластеры (страны Балтии – ЦВЕ – страны Бенилюкса).

1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ ПРАВОГО ПОПУЛИЗМА В ЕВРОПЕЙСКОМ СОЮЗЕ

1.1. Природа популизма, отличительные признаки и классификация

В последние годы на политической сцене появился целый ряд партий, программа которых характеризуется сочетанием националистического дискурса с левыми социальными требованиями, антиэлитизмом и, шире, антисистемностью. Несмотря на то, что эти партии часто весьма различны в своих идеологических установках, на дискурсивном уровне они весьма часто объединяются в одну группу и зачастую демонстрируют стремление к взаимодействию как раз на основе причисления к одной условной партийной семье. Среди тех эпитетов, которыми их награждают, кроме «правопопулистские», встречаются обозначения «праворадикальные», «крайне правые», «правозэкстремистские», «радикальные правопопулистские», «антисистемные», «антииммигрантские», «крайне правые популистские», «националистические»²⁰; также встречаются наименования «challenger parties» («партии, бросающие вызов»)²¹, «постиндустриальные крайне правые»²².

Крайне актуален вопрос терминологического разграничения. Почему мы говорим именно о популистских партиях, а не о радикальных или экстремистских? Различие, хотя и иногда кажется трудно уловимым, на самом деле, лежит на поверхности.

²⁰ Деркач М.А. История популистских партий в Швеции и Финляндии в 2006–2015 гг. Дис. ... канд. ист. наук : 07.00.03. Науч. рук. Г.М. Михалёва. РГГУ, М., 2017. С. 7-8.

²¹ Вайнштейн Г.И. Электоральный фактор в эволюции партийного ландшафта Европы. В кн.: Электоральные процессы в Европейском союзе (середина второго десятилетия XXI века). М.: ИЕ РАН, 2016. С. 12.

²² Партии и партийные системы: современные тенденции развития. М.: РОССПЭН, 2015. С. 40.

Радикализм и экстремизм лежат вне системного политического поля, предлагают решения, которые способны нарушить сложившийся либерально-демократический консенсус (экстремизм при этом лежит за пределами не только политической системы, но и правового поля). Между тем, популизм позиционирует себя в качестве органического элемента политической системы и стремится прийти к власти, привлекая электорат в рамках сложившихся демократических процедур²³.

Л. Ренсманн предполагает, что организации, изначально охарактеризованные как правоэкстремистские, стали относить к правому популизму только после того, как они получили значительную долю голосов на выборах, а сам популизм можно расположить в «серой зоне» между правым экстремизмом и национал-консерватизмом²⁴. Однако такое утверждение, предполагающее размывание границы между экстремизмом и правым популизмом, достаточно сомнительно, так как экстремисты прибегают к неправовым методам политической борьбы, а популисты всегда остаются в парламентских рамках. Другие отличия правопопулистских организаций от ультраправых состоят в том, что первые не имеют парамилитарного крыла/подразделения, а также, как правило, стремятся действовать в рамках уже устоявшихся либеральной демократии и парламентаризма, хотя и пытаются время от времени расширять границы дозволенного²⁵. Правые экстремисты, в отличие от многих правых популистов, отвергают представительную демократию как модель, а не только отдельные демократические методы²⁶. М.К. Арчаков определяет радикализм как «тип социальной деятельности, основанный на решительных, но не связанных с применением насилия (*применение нелегитимного политического насилия – уже*

²³ См.: Тэвдой-Бурмули А.И. Этнополитическая динамика Европейского союза. М.: Аспект-Пресс, 2018. С. 35-36.

²⁴ Функе Х., Ренсманн Л. Новый правый популизм в Европе: сравнительный анализ политических партий и движений. Актуальные проблемы Европы, 2004, №2. С. 75-76.

²⁵ Grabow K. Mapping Present-Day Right-Wing Populists. In: Exposing the Demagogues: Right-wing and National Populist Parties in Europe. Berlin, 2013. P. 19.

²⁶ Фон Байме К. Популизм и правый экстремизм в партийных системах эпохи постмодерна. Берегиня. 777. Сова: Общество. Политика. Экономика, 2014, №4. С. 105.

признак экстремизма, а не радикализма. – П.О.) действиях, направленных на противодействие или изменение существующей политической системы и её институтов»²⁷. Популисты же, напротив, стремятся трансформировать существующий политический порядок, не меняя политическую систему, и демонстрируют возможности идеологической гибкости, в отличие от радикалов всякого рода²⁸. Кроме того, в отличие от экстремистских/радикальных групп, популизм предполагает политические программы, способные объединить широкие и различные по интересам социальные слои²⁹.

Остаётся спорным вопрос о том, что такое собственно популизм. Его можно рассматривать как идеологию, дискурс, стиль либо стратегию³⁰. Так, популизм считают «полем в политическом спектре, границы которого определяются основными политическими линиями разлома»³¹ (т.е. участком на пересечении основных идеологических противоречий), «формой политики»³², «прагматическим политическим течением», а также «умонастроем и этосом»³³. Некоторые учёные называют популизм одной

²⁷ Арчаков М.К. Политический экстремизм: сущность, проявления, меры противодействия. М.: Юрайт, 2018. С. 41.

²⁸ Taguieff P.-A. La revanche du nationalisme. Paris: PUF, 2015. P. 92; несмотря на все вышеизложенные соображения, в политической науке до сих пор сохраняется определённая терминологическая неясность относительно изучения *правого экстремизма* и *правого радикализма*. К. Арцхаймер считает, что именно неоднократно цитируемые в данной работе работы К. Мюдде, не будучи бесспорными, привели *правый экстремизм*, *правый радикализм* и *правый популизм* к общему знаменателю и способствовали повышению концептуальной точности; однако последняя всё ещё не достигнута. См.: Arzheimer K. Conceptual Confusion is Not Always a Bad Thing – The Curious Case of European Radical Right Studies. In: Demokratie und Entscheidung. Beiträge zur Analytischen Politischen Theorie. Berlin: Springer, 2018. P. 23-40.

²⁹ Погорельская С.В. «Вечно вчерашние»: правый популизм и правый радикализм в Западной Европе. Мировая экономика и международные отношения, 2004, №3. С. 51.

³⁰ Vossen K. Populism in the Netherlands after Fortuyn: Rita Verdonk and Geert Wilders Compared. Perspectives on European Politics and Society, 2010, vol. 11, №1. P. 24.

³¹ Jasiewicz K. The New Populism in Poland: The Usual Suspects? Problems of Post-Communism, 2008, vol. 55, №3. P. 9.

³² Альтерматт У. Этнационализм в Европе. М.: РГГУ, 2000. С. 257.

³³ Баранов Н.А. Возрождение популизма: европейский опыт и европейские практики. Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 6. Политоло-

из форм искажения демократии³⁴, системой «социально-психологических установок, предполагающих особый тип реакции общества и элиты на быстрые и раздражающие социальные изменения» и типом негативной социальной мобилизации³⁵, «политическим проектом» («скоординированным и устойчивым набором политических действий»)³⁶. Одно из определений мы находим у Яна-Вернера Мюллера: он считает, что популизм – это «особое моралистическое воображение политики, способ восприятия политической действительности, предполагающий моральную чистоту и внутреннюю однородность (...) народа, который противопоставляется коррумпированным и морально деградировавшим элитам»³⁷. Наиболее известно определение популизма, данное К. Мюдде: «идеология, которая рассматривает общество однозначно разделённым на две гомогенные и антагонистические группы, *истинный народ* против *коррумпированной элиты*, и которая утверждает, что политика должна быть выражением народной общей воли, *volonté générale*»³⁸.

Однако мы всё же предпочитаем понимать популизм не как самостоятельную идеологию, а как стратегию политической борьбы, некий образ действия, основанный на противопоставлении «элиты» «народу» и обладающий рядом других специфических черт. Как мы писали ранее, «идеология, даже и, в терминологии К. Мюдде, “с разреженным центром”, подразумевает наличие более развитой концептуальной основы и позитивной программы»³⁹ (что не исключает понимания популизма, как правого, так и левого, в виде комбинации отдельных идеологем).

Популизм привносит в политику оценочный, субъективный,

гия. Международные отношения, 2015, №3. С. 28.

³⁴ Урбинати Н. Искажённая демократия: мнение, истина и народ. М.: Издательство Института Гайдара, 2016. С. 248.

³⁵ Медушевский А.Н. Популизм и конституционная трансформация: Восточная Европа, постсоветское пространство и Россия. Политика, 2018, №3. С. 114.

³⁶ Jansen R. S. Populist Mobilization: A New Theoretical Approach to Populism. *Sociological Theory*, 2011, №29(2). P. 82.

³⁷ Мюллер Я.-В. Что такое популизм? М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2018. С. 37-38.

³⁸ Mudde C. *Populist Zeitgeist. Government and Opposition*, 2004, №39 (4). P. 543.

³⁹ Осолков П.В., Тэвдой-Бурмули А.И. Европейский правый популизм и национализм: к вопросу о соотношении функционала. Вестник Пермского университета. Серия «Политология», 2018, №3. С. 20.

даже «моралистический» элемент, однозначно утверждая, «что такое хорошо, что такое плохо», играя таким образом на эмоциях и чувственном восприятии аудитории, а также сводя демократию к народному суверенитету⁴⁰ (таким образом, демократия Вестминстера редуцируется до демократии Афин), конструируя разделение общества на априори эгоистические элиты и молчаливое большинство⁴¹. В результате создаётся «манихейский дискурс»⁴², основанный на видении политического процесса как противостояния «добра» и «зла». Как верно отмечает К. Флад, «повышение эмоционального накала влечёт за собой обострение суждений, и спектр когнитивных категорий, предлагаемых для интерпретации события или явления, сужается»⁴³, приводя в итоге к жёсткой двухполюсной оппозиции.

Однако присутствует в научном дискурсе также мнение, что популизм следует считать фрагментарной идеологией (т.е. не тотальной, в терминологии К. Манхейма; основанной на ограниченном количестве идей). Существенный вклад в подобное понимание популизма и его, если угодно, реабилитацию в идеологическом спектре внёс отечественный политолог Г.И. Мусихин. Он обосновал право популизма на статус идеологии пониманием идеологий как «интерпретационных рамок». Таким образом, популизм ограничен логикой собственного использования, является «эмпирически и ситуативно проявляющейся идеологией», склонной к «браку по расчёту с более цельными идеологиями»⁴⁴, не заимствует позиции других идеологий, а «добавляет» себя к ним⁴⁵. П.-А. Тагиефф назвал это «положением Золушки»: популизм, по его мнению, можно рассматривать как «хрустальную туфельку», которую общество примеряет к раз-

⁴⁰ Jagers J., Walgrave S. Populism as political communication style: An empirical study of political parties' discourse in Belgium. *European Journal of Political Research*, 2007, vol. 46, №3. P. 337.

⁴¹ Betz H.-G. Rechtspopulismus: Ein internationaler Trend? *Aus Politik und Zeitgeschichte*, 1998, №9-10. S. 5.

⁴² Hawkins K. Is Chávez Populist? Measuring Populist Discourse in Comparative Perspective. *Comparative Political Studies*, 2009, vol. 42, №8. P. 1042.

⁴³ Флад К. Политический миф. М.: Прогресс-Традиция, 2004. С. 81.

⁴⁴ Мусихин Г.И. Популизм: структурная характеристика политики или «ущербная идеология»? *Полития. Анализ. Хроника. Прогноз*, 2009, №4. С. 45.

⁴⁵ Там же. С. 51.

личным партиям и идеологиям⁴⁶.

К. Мюdde и М. Фриден предложили для популизма вышеупомянутый термин «идеология с разреженным центром», ведь идеологическая база популизма «не содержит полного или широкого диапазона концепций и политических позиций, которые можно найти в идеологических семьях мейнстрима, и паразитирует на тех идеологиях, которые дают ей приют»⁴⁷. Существует и противоположная точка зрения, согласно которой популизм не *лишён* идеологической основы, а, напротив, *перенасыщен* ею, олицетворяя консенсус основных идеологических «семей»: так, Л.Г. Фишман считает, что популизм «олицетворяет (...) общую идеологическую основу прежнего либерально-консервативно-социалистического консенсуса»⁴⁸.

Чрезвычайно интересна точка зрения нидерландского политического социолога М. Ауденампсена, который помещает популистский дискурс в контекст теории фреймов, которую разработали Ч. Филлмор и Дж. Лакофф⁴⁹. М. Ауденампсен считает, что популизм – лишь «особая форма фрейминга», основанная, в первую очередь, на фреймировании народа и народной воли, а также «конституирующего Другого»⁵⁰. Ч. Филлмор определяет фреймы как особые унифицированные конструкции знания или связанные схематизации опыта⁵¹. М. Ауденампсен понимает их

⁴⁶ Simeoni M. A Morbid Democracy: Old and New Populisms. Brussels: Presses Inter-universitaires Européennes, 2014. P. 101.

⁴⁷ Freedon M. Conclusion: ideology – balances and projections. In: Reassessing political ideologies: the durability of dissent. New York, 2001. P. 203.

⁴⁸ Фишман Л.Г. Популизм – это надолго. Полис. Политические исследования, 2017, №3. С. 59.

⁴⁹ Фрейминг – «процесс отбора отдельных аспектов отображаемой журналистами реальности и усиления представленности этих аспектов в целях фиксации определённых причинно-следственных связей, формулирования морально-нравственных интерпретаций и выработки рекомендаций относительно того, как нужно поступать в той или иной ситуации». Фрейм – «стержневая идея коммуникационного текста, раскрывающая суть и содержание основного сюжета информационного сообщения». См.: Казаков А.А. Теория установления повестки дня vs. фрейминг: к вопросу о соотношении подходов. Полития, 2016, №1(76). С. 106-107.

⁵⁰ Oudenampsen M. Creatief met taal: Framing en populisme. De Helling, 2011. URL: <https://bureaudehelling.nl/artikel-tijdschrift/creatief-met-taal> (дата обращения: 17.04.2017).

⁵¹ Филлмор Ч. Фреймы и семантика понимания. В кн.: Новое в зарубежной

как «ментальные рамки, в соответствии с которыми люди организуют свой ежедневный опыт и конструируют мировоззрение» (таким образом, он рассматривает популизм как одну из идеологий, каждая из которых также представляет собой фрейм). В рамках популизма, таким образом, происходит рефрейминг идентичности политического сообщества (в направлении гомогенности и присвоения позитивных качеств), преимущественно путём негативной идентификации (т.е. противопоставления, поиска и выбора «конституирующего Другого»). Народ определяет себя, определяя сначала, «чем он *не* является».

Для понимания природы популизма также очень ценна теория политических мифов Р. Жирарде. Р. Жирарде определяет политический миф как «легендарное повествование», которое «выполняет объяснительную функцию, помогает понять настоящее, превратить хаос фактов и событий в стройную и логичную картину», «играет мобилизующую роль»⁵². Менее дескриптивное и более академическое определение политического мифа мы находим у К. Флада: «идеологически маркированное повествование, претендующее на статус истинного представления о событиях прошлого, настоящего и прогнозируемого будущего и воспринятое социальной группой как верное в основных чертах»⁵³. Р. Жирарде выделяет четыре ситемообразующих мифа: миф о заговоре, миф о золотом веке (подразумевающим сочетание невинности, счастья и безопасности патриархальной власти), миф о спасителе и миф о единстве. Теорию Жирарде творчески переосмыслил и наложил на правопопулистскую практику румынский исследователь М.С. Стойка. Он отмечает: поскольку популизм не имеет ярко выраженной собственной идеологической базы, постольку ему приходится опираться на основополагающие политические мифы⁵⁴. Действительно, среди этих четырёх мифов мы находим основы популистской ритори-

лингвистике. Вып. XXIII. Когнитивные аспекты языка. М.: Прогресс, 1988. С. 52.

⁵² Цит. по: Леруа М. Миф о иезуитах: от Беранже до Мишле. М.: Языки славянской культуры, 2001. С. 12.

⁵³ Флад К. Указ. соч. С. 43.

⁵⁴ Stoica M.S. Political Myths of the Populist Discourse. Journal for the Study of Religions and Ideologies, 2017, vol. 16, №46. P. 70.

ки: заговор элит, палингенезис/возвращение к «золотому веку», спаситель – харизматический лидер (по М. Веберу) и, наконец, гомогенный, единый народ, чью волю популист выражает.

Популизм, как чрезвычайно многогранное явление, непременно нуждается в определённой классификации. Отсюда, подразделять его на «истинный и ложный», как предложил в 1968 г. И. Берлин, уже недостаточно. Маргарет Канован подразделяет популизм на аграрный (фермерский, крестьянский и интеллектуальный) и политический (популистскую демократию, популистскую диктатуру, реакционный популизм и популизм политиков⁵⁵). Именно «популизм политиков» П. Таггарт впоследствии назвал «новым популизмом» (обозначив все остальные типы, выделенные Канован, как «старые»), поскольку именно он конструирует собственное понимание народа.

Я. Ягерс и С. Валgrave разделяют «разреженное» и «плотное» видение популизма⁵⁶. «Разреженный» популизм характеризуется лишь стратегией прямого обращения к «народу». Как верно отмечает Т. Паппас, «популистский дискурс» свойствен далеко не только собственно популистским партиям, его можно обнаружить и у многих других партий. «Плотный» популизм добавляет к «разреженному» протест против истеблишмента (т.е. демонстративное неприятие «элитарных» государственных институтов) и гомогенность (холизм), что подразумевает исключение из «народа» нарушающих эту гомогенность групп⁵⁷. Иными словами, «разреженный популизм» – всего лишь приём борьбы, в то время как «плотный» – уже сама борьба. (В то же время, Л. Марч считает, что обозначение риторики «близости к народу» как популизма, пусть и «разреженного», неоправданно размывает данный термин, и предлагает называть упомянутую риторику «демотизмом»⁵⁸).

⁵⁵ Canovan M. Populism. London: Junction Books, 1981. P. 136.

⁵⁶ Автор хотел бы поблагодарить профессора НИУ ВШЭ О.Ю. Малинову за столь изящное разрешение вопроса о переводе на русский язык терминов «thin populism» и «thick populism», соответственно. «Thin populism» также можно было бы перевести как «неполный» либо «частичный», однако в таком случае «thick populism» становится «полным популизмом», что в русском языке вызывает неоднозначные коннотации.

⁵⁷ Jagers J. Op. cit. P. 323.

⁵⁸ March L. Left and right populism compared: The British case. The British Jour-

П.-А. Тагиефф выделяет «популизм протеста» и «популизм идентичности». Первый основан на противодействии какому-либо одному явлению (к примеру, повышению налогов или власти экономических советников – см. движение Occupy Wall Street), ограничен тематически и локально. Он быстро сходит на нет, либо его абсорбирует та или иная партия. Он способен, однако, при определённых условиях перейти в «популизм идентичности», опирающийся на региональную/национальную идентичность, понимаемую в традиционалистском ключе, политику памяти и символизма. Такой популизм проявляется в придании конституирующего смысла культурной со-принадлежности через отвержение «Других»⁵⁹.

Классификация, которую предложил В.С. Литвин, выходит за рамки традиционной лево-правой дихотомии. Украинский исследователь предлагает двухфакторную матрицу, разделяя популизм на семь (радикальный левый/правый популизм, социал-популизм, национал-популизм и центристский/новый популизм) и формы (мягкий и жёсткий)⁶⁰. Радикальный правый популизм, по мысли учёного, синтезирует черты популизма (имеется в виду политическая техника), национализма, ксенофобии и авторитаризма, а также опирается на опыт организованного национализма межвоенного периода; социал-популизм объединяет аграрные и маргинальные антиэлитистские партии (Самооборона РП, Народный союз Эстонии, Союз зелёных и крестьян). Категория же национал-популизма, по нашему мнению, достаточно размыта и на практике представляет собой скорее одно из проявлений «радикального правого популизма», хотя П.-А. Тагиефф и считает данный термин наиболее корректным. Особенный интерес для нас представляет понятие центристского популизма, для которого характерен «отход партий от различных идеологических обязательств (как перегибов демократии), апеллирование к здравому смыслу и рациональным реше-

nal of Poitics and International Relations, 2017, vol. 19, №2. P. 301.

⁵⁹ Priester K. Wesensmerkmale des Populismus. Aus Politik und Zeitgeschichte, 2012, №5-6. S. 6-7.

⁶⁰ Литвин В.С. Популістські партії у структурі модерних партійних систем країн Центральної Європи: порівняльний аналіз. Освіта регіону: Політологія, психологія, комунікації, 2012, №2. С. 77.

ниям, отрицание всех предыдущих конфигураций политической элиты»⁶¹. Соответственно, отмечается тяготение данных партий к социалистической и консервативной риторике одновременно. Мы считаем возможным в дополнение к классификации В.С. Литвина отметить подвижность партий внутри данной категориальной схемы, особенно же тенденцию ряда партий переходить из разряда «радикального популизма» в направлении популистского центризма. Данная классификация, среди прочих, применена нами в анализе национальных особенностей популизма в странах Балтии и Центрально-Восточной Европы.

В условиях размывания традиционной дихотомии «правые – левые» и создания ситуации двойной биполярности – противостояния «традиционных системных партий, с одной стороны, и антисистемных политических сил, оспаривающих власть системного мейнстрима, с другой»⁶², как нам кажется, уместно говорить о формировании особой партийной семьи, которую можно назвать правопопулистской. В развитие упомянутого тезиса Г.И. Вайнштейна о двойной биполярности можно предположить, что становится возможной принципиально иная типологизация партий: на смену линейному, «право-левому» спектру приходит объёмная трёхмерная типологизация, учитывающая не только традиционные «правые» и «левые» референтные идеологические позиции, но и критерий системности и антисистемности.

Партийные семьи – понятие, которое по умолчанию применяли ещё такие теоретики как М. Дюверже (он не называл кластеры партий именно *семьями*, но, тем не менее, выделял эти самые кластеры) и Д.-Л. Сейле (он писал о *политических семьях*⁶³). Наиболее значимую попытку концептуализации предприняли П. Мэйр и К. Мюдде. Они предложили выделять партийные семьи на основе таких критериев, как происхождение партий и общие идеологические позиции. Таким образом, они отказались от критерия членства в транснациональных партийных

⁶¹ Романюк А.С., Литвин В.С., Панчак-Бялоблоцка Н.В. Політичні інститути країн центрально-східної Європи: порівняльний аналіз. Львів: ЛНУ імені Івана Франка. С. 332.

⁶² Вайнштейн Г.И. Указ. соч. С. 17.

⁶³ Seiler D.-L. Clivages et familles politiques en Europe. Bruxelles: Les Editions de l'Université de Bruxelles, 2011. P. 73.

объединениях как весьма изменчивого и от критерия партийного нейминга как далеко не всегда отражающего реальные идеологические предпочтения⁶⁴. Среди авторов, предлагавших наделить *правоэкстремистские* партии статусом отдельной партийной семьи, стоит назвать К. фон Байме⁶⁵ и К. Мюдде⁶⁶. Именно о *правопопулистской* партийной семье пишет С. Борншир. Однако критерии, из которых он исходит (антиэлитный дискурс и иерархическая внутренняя структура⁶⁷), с нашей точки зрения, не совсем оптимальны. Так, антиэлитный дискурс встречается и у левых, и у центристов, а внутренняя структура (как показывают случаи, обобщённые в главе 2) может быть различной. К тому же, С. Борншир считает, что правопопулистские партии – лишь подгруппа партий правоэкстремистских⁶⁸, что нам представляется в корне неверным в силу указанных выше концептуальных различий.

Мы предлагаем считать правопопулистские партии отдельной партийной семьёй, прежде всего, на основе их места в указанной трёхмерной «двойной биполярности»: будучи умеренно антисистемными (не требуя полной перестройки либерально-демократической системы), они придерживаются популистской стратегии достижения электоральных успехов и ряда ключевых идеологических позиций (перечисленных нами в данной главе). Классификация правопопулистских партий как отдельной партийной семьи именно с таких позиций позволяет обосновать, почему возможно уделять внимание партиям, столь разным по своему происхождению, истории, организационной структуре и даже членству в транснациональных объединениях⁶⁹.

⁶⁴ Mair P., Mudde C. The Party Family and Its Study. *Annual Review of Political Science*, 1998, №1. P. 223-225.

⁶⁵ Von Beyme K. *Political Parties in Western Democracies*. London: Ashgate, 1985. P. 3.

⁶⁶ Mudde C. *The Ideology of the Extreme Right*. Manchester: Manchester University Press, 2000. P. 1.

⁶⁷ Bornschieer S. *Cleavage Politics and the Populist Right*. Philadelphia: Temple University Press, 2010. P. 32.

⁶⁸ *Ibid.* P. 33.

⁶⁹ Не все исследователи согласятся с такой трактовкой: к примеру, авторы Индекса авторитарного популизма Тимбро (Швеция) однозначно утверждают, что популистские партии партийную семью собой не представляют. Однако ука-

В числе специфических черт, присущих популизму, наряду с вышеупомянутыми ключевыми свойствами, К. Фоссен упоминает приверженность конспирологии, «народническую» риторику (при которой популисты стремятся показать, что именно они – часть «чистого», «простого» народа, а никак не представители «злой коррумпированной элиты»). К специфическим чертам Фоссен также относит волюнтаристский подход к решению проблем (включая возможность и даже необходимость, если того требуют «интересы народа», нарушать международные договоры и конституции), предпочтение методов прямой демократии и харизматическое лидерство⁷⁰. Из определений Я.-В. Мюллера и К. Мюнде следуют такие важные признаки, как интерпретация народа и элиты в качестве гомогенных и антагонистических категорий и акцент на народном суверенитете. Карин Пристер указывает на антиэлитаризм, враждебное отношение к государственным институтам, стремление к поляризации и персонификации политики⁷¹. Известный исследователь дискурса Р. Водак акцентирует внимание на том, что она именует «высокомерной невежественностью» – на сочетании антиинтеллектуализма и призывов к «здравому смыслу»⁷². Также в числе признаков популистской партии отмечают универсальность программы (направленной на различные социальные группы, без выделения специфической аудитории), лидерский тип партии, который сочетается с ограниченностью внутривыборной демократии, гипертролизацию социальной направленности предвыборных обещаний⁷³. Я. Ягерс и С. Валграве утверждают, что «популизм

занный индекс идёт по пути максимального обобщения, включая в себя практически все партии, в дискурсе которых присутствует хотя бы один популистский индикатор. Действительно, если относить к популистским партии от радикально-националистических до умеренно-консервативных, включая левые, правые и центристские, говорить о единой партийной семье становится трудно. В данной работе применяется более эксклюзивный и дифференцированный подход, позволяющий выделить общие характеристики партийной семьи.

⁷⁰ Vossen K. Op. cit. P. 24.

⁷¹ Priester K. Op. cit. S. 4.

⁷² Водак Р. Политика страха. Что значит дискурс правых популистов? Харьков: Гуманитарный центр, 2018. С. 28.

⁷³ Романюк А. Популізм і розвиток партійної системи в Україні. В кн.: Парти́йна система сучасної України: еволюція, тенденції та перспективи розвитку: матеріали міжнародної науково-практичної конференції, 24-25 листопада

всегда обращается к народу и оправдывает свои действия самоидентификацией с народом; он основан на антиэлитарных настроениях и рассматривает народ как монолитную группу без внутренних различий, кроме некоторых особых категорий, подлежащих исключению»⁷⁴.

Наконец, А.В. Минаева указывает на свойственный популистским программам протекционизм, понимаемый как ориентация на государственное регулирование экономики, а также социальный патернализм как необходимость расширения социальных программ⁷⁵. Данное положение имеет смысл подчеркнуть особо: несмотря на то, что мы говорим о *правом* популизме, экономические аспекты программ соответствующих партий часто имеют традиционно *левый* характер. На инструментальный право-левый синтез экономических идей правых популистов указывают и авторы доклада международного дискуссионного клуба «Валдай» «Глобальный “правый бунт”: трампизм и его база»⁷⁶.

П. Таггарт выделяет в особую группу «новый (правый) популизм», в центре внимания которого находятся вопросы миграции, налогов, преступности и национализма. Выделение этой группы необходимо, чтобы отделить современные право- и левопопулистские партии и движения от «классических» южно- и североамериканских случаев. Учёный также указывает на самоограничители, заложенные в популистской риторике⁷⁷: противостоя институционализации и элите, сами в случае успеха становясь частью институционализированной элиты, популисты чаще всего демонстрируют неспособность к эффективному решению государственных проблем. Таггарт выделяет пять черт, характерных для популизма как идеального типа: враждебность к представительной демократии, самоидентификация с хартлендом – идеализированной концепцией сообщества, отсутствие

2011 p. K.: ШПЕНД, 2012. С. 246.

⁷⁴ Jagers J. Op. cit. P. 322.

⁷⁵ Минаева А.В. Российский популизм: политическая реальность или перспектива? Вестник Пермского университета. Политология, 2017, №4. С. 125.

⁷⁶ Глобальный «правый бунт»: трампизм и его база: доклад международного дискуссионного клуба «Валдай». М.: МДК «Валдай», 2017. С. 10.

⁷⁷ Taggart P. Populism. London: Open University Press, 2000. P. 100.

каких-либо (самостоятельных) ключевых ценностей, реактивность по отношению к кризисам (т.е., по мнению П. Таггарта, популизм не возникает в стабильной политике – тезис, ныне уже оспоренный) и указанное выше самоограничение в том, что касается долговременной политической стратегии⁷⁸.

Таггарт впервые вводит понятие популистского «хартленда» (не в геополитическом его значении, а в значении конструирования эксклюзивной идентичности). Его «хартленд» – идеалистический гомогенный конструкт, который опирается на некий ушедший «золотой век» нации, воплощение идеальных ценностей⁷⁹, несколько суженная до хронотопа форма стремления к палингенезису. Демос популистов, гомогенная нация (этническая или гражданская в зависимости от страновой специфики) – народ, с этим конструктом ассоциирующийся и его населяющий. Интересно, что возможно существование и т.н. антихартленда – того сочетания места и времени (а как правило – режима/эпохи), которого (или возвращения к которому) необходимо не допустить всеми возможными методами.

Б. Де Клейн вводит важное понятие транснационального популизма. Транснациональный популизм выводит концепты гомогенного народа и гомогенной элиты на глобальный уровень, как и их противостояние. Необходимо отличать его от понятия «интернациональный/международный популизм», которое не нагружено специфическим содержанием и всего лишь объединяет национальные популистские партии/движения⁸⁰.

К. Мюдде считает, что правый популизм характеризуется сочетанием «просто» популизма («разреженного») с нативизмом (пропаганда гомогенного понимания нации и отторжения элементов, вносящих гетерогенность) и авторитаризмом (предпочтение жёстко управляемого общества). В качестве характерных черт популизма в этом трёхсоставном ядре Мюдде называет ви-

⁷⁸ Taggart P. Populism and representative politics in contemporary Europe. *Journal of Political Ideologies*, 2004, vol. 9, №3. P. 273-276.

⁷⁹ Ibid. P. 278.

⁸⁰ De Cleen B., Galanopoulos A. Populism, nationalism and transnationalism. *Open Democracy*, 25.10.2016. URL: <https://www.opendemocracy.net/can-europe-make-it/antonis-galanopoulos-benjamin-de-cleen/you-can-use-populism-to-send-migrant-s-back> (дата обращения: 17.04.2017).

дение общества разделённым на две «гомогенные и противостоящие друг другу группы»: коррумпированную элиту и честный народ⁸¹.

Специфические отличия правого популизма от левого сформулировала К. Пристер. По её мнению, левый популизм основан на стратегии включения/инклюзии «подавленных» слоёв населения в «квазигосударственную, напрямую подконтрольную “вождю” и не подконтрольную парламенту клиентельную систему». Правый популизм, напротив, программно направлен на исключение из «единого общества» определённых групп (социальных, этнических, политических) и предоставление права на политическое и социальное участие лишь автохтонному населению⁸², предположительно гомогенному (в терминологии П. Таггарта, только и исключительно населяющему популистский хартленд). К. Мюдде, впрочем, не согласен с К. Пристер, считая, что разница между правым и левым популизмом состоит не в том, «включают» они или «исключают» определённые группы населения из «народа», но в том, какие именно группы они исключают⁸³. Наконец, Г.И. Вайнштейн справедливо отмечает, что эксклюзивный характер дискурса идентичности характерен именно для европейского популизма (как правого, так и левого), в то время как, к примеру, латиноамериканский популистский дискурс носит преимущественно инклюзивный характер⁸⁴.

Интересен механизм выделения объектов ксенофобии в правом популизме. Популисты утверждают, что упомянутые «элиты» сознательно отдают предпочтение определённым меньшинствам за счёт «нашего народа». Подобная «враждебная группа» может быть как этнической (евреи, цыгане), так и социальной или религиозной (мусульмане, католики)⁸⁵, и, как правило, её представляют как связанную с некой могущественной внешней

⁸¹ Mudde C. The Populist Radical Right: A Pathological Normalcy. West European Politics, 2010, vol. 33, №6. P. 1173-1175.

⁸² Priester K. Op. cit. S. 3.

⁸³ Mudde C. The problem with populism. The Guardian, 17.02.2015. URL: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2015/feb/17/problem-populism-syriza-po-demos-dark-side-europe> (дата обращения: 17.04.2017).

⁸⁴ Вайнштейн Г.И. Популизм. В кн.: Идентичность: личность, общество, политика. Москва, 2017. С. 609-610.

⁸⁵ Vossen K. Op. cit. P. 24.

силой (Израиль, США, Саудовская Аравия, Ватикан).

Таким образом, *правый* популизм подразумевает наличие двух дихотомий⁸⁶ (в отличие от обычного, «разреженного» популизма, ограничивающегося одной – вертикальной): вертикальной (элита vs. народ) и горизонтальной («свои» vs. «чужие»). Впрочем, существует и точка зрения, согласно которой популизм подразумевает только вертикальную дихотомию, а горизонтальная – уже национализм⁸⁷. Однако, поскольку данная концепция фактически отрицает понятие правого и левого популизма и правопопулистской эксклюзивности, она не получила широкого распространения в политической науке.

1.2. Основные теории

Наиболее популярную на настоящий момент теорию популизма создал Э. Лакло (другой вариант русскоязычной транскрипции – Лаклау). Политическое поле, согласно Лакло, расколото между «народом» и «властным блоком»/институциональной системой или же просто «институционализированным Другим»⁸⁸. «Отверженные» выдвигают требования к системе в случае дефицита или отсутствия требуемого. Когда требования не исполняются, когда несколько требований объединяют и артикулируют в одном дискурсе, возникает популизм⁸⁹. Таким образом, для возникновения популизма необходимо наличие «отождествляющей артикуляции» различных требований, образование антагонистической границы между народом и институциональной системой и образование стабильного дискурса⁹⁰. Также Лакло приводит интересное объяснение частой структурированности популистских партий/движений вокруг харизматического лидера. Так, любой дискурс строится вокруг т.н. «пустого означающего», которое создаёт иллюзию его цельности. Оно пустое, так как репрезентирует *все* идентичности дискурса и, следовательно, сверхдетерминировано. Иными словами, кон-

⁸⁶ Grabow K. Mapping Present-Day Right-Wing Populists. In: Exposing the Demagogues: Right-wing and National Populist Parties in Europe. Berlin, 2013. P. 18.

⁸⁷ De Cleen B. Op. cit.

⁸⁸ Казула Ф. «Популизм» и «гегемония» у Эрнесто Лакло — десять лет спустя. В кн.: Символическая политика. Вып. 4. М.: ИНИОН РАН, 2017. С. 335.

⁸⁹ Laclau E. On Populist Reason. London: Verso, 2005. P. 74.

⁹⁰ Казула Ф. Указ. соч.

центрируя в себе всё содержание дискурса, само «означающее» теряет собственную дискурсивную нагрузку. Вождь и «пустое означающее» функционально схожи, оба способны конституировать и выразить популистский дискурс, изначально размытый вследствие своей гетерогенности⁹¹. Отсюда следует существенная роль авторитарных лидеров. Другие исследователи, не придававшие такой гипертрофированной роли дискурс-анализу, традиционно объясняют структурированность популистских партий/движений вокруг авторитарного лидера специфическим психотипом популистского электората⁹²; нам подобное «классическое» объяснение кажется более инструментальным.

Наконец, Э. Лакло также говорит (хотя и достаточно специфично) об эксклюзивности. Её он приписывает, впрочем, не только правому, но любому популизму. Для популизма, согласно Лакло, «народ» меньше, чем совокупность членов сообщества; народ вообще меньше, чем сообщество: в популистском дискурсе его можно рассматривать как некую элитарную группу. Иными словами, подчёркивая гомогенность народа, популисты используют аргумент *pars pro toto* («часть за целое», синекдоха), выдавая мнение своих сторонников за общенародную точку зрения.

Полностью соотносится с точкой зрения Лакло концепция отечественного политолога Н.А. Баранова, который рассматривал популизм как «комплекс непосредственных политических реакций индивидов на развитие событий, систематически ущемляющее их ближайшие интересы»⁹³. Таким образом, и Лакло и Баранов располагают популизм в парадигме «ответ – вызов».

Другой известный политический философ, С. Жижек, хотя и считается одним из теоретиков популизма, в действительности попытался сформировать весьма упрощённое видение: он отказался от критериального деления и представил популизм в

⁹¹ Laclau E. Op. cit. P. 99.

⁹² Как правило, подобные теоретики опираются на идеи Г. Лебона, высказанные им в работе «Психология масс». Из последних работ, написанных в рамках данной парадигмы, необходимо упомянуть книгу P. Norris & R. Inglehart «Cultural Backlash: Trump, Brexit, and the Rise of Authoritarian Populism» (CUP, 2019).

⁹³ Баранов Н.А. Указ. соч. С. 25.

долговременной перспективе как неизбежный протофашизм, поскольку популизм замещает социальный антагонизм антагонизмом «мы и они»⁹⁴. Аргумент Жижека, однако, достаточно слаб, т.к. практически невозможно разграничить два эти антагонизма – один переходит в другой. Достаточно удачную попытку зафиксировать этот переход предпринял П.-А. Тагиефф (см. выше) – но у него оба антагонизма порождают популизм.

Теорию постдемократии, которую изначально разработал К. Крауч, дополнила Шанталь Муфф. Бельгийский политолог пришла к выводу, что в условиях постдемократии происходит размывание традиционного идеологического спектра и, таким образом, создаются условия для развития популизма⁹⁵. Построения Муфф подтверждают слова самих правопопулистских лидеров. Так, М. Ле Пен открыто заявила, что право-левая дихотомия сейчас уступила место противостоянию «глобалистов» и «патриотов», а те, кто «якобы противостоят друг другу, на самом деле обманывают [народ]»⁹⁶.

В этом контексте необходимо также упомянуть всё большее «поправление» партий истеблишмента, особенно центристских, и перенятие части правопопулистского дискурса (Р. Водак назвала это явление «хайдеризацией политики» по имени бывшего лидера «Австрийской партии свободы» Й. Хайдера⁹⁷). Такие упреки заслужил, к примеру, председатель нидерландского Христианско-демократического призыва С. Бюма. В публичной лекции он выступил против элиты и исламской экспансии; соратники по партии упрекнули его в «чрезмерно правом» и националистическом курсе с «популистскими элементами»⁹⁸. Подоб-

⁹⁴ Žižek S. Against the Populist Temptation. *Critical Inquiry*, 2006, vol. 32, №3. P. 557.

⁹⁵ Муфф Ш. Большинство стран Европы находится в постполитической ситуации. Гефтер, 17.01.2014. URL: <http://gefter.ru/archive/11075> (дата обращения: 17.04.2017).

⁹⁶ Régionales 2015: pour Marine Le Pen, «le clivage politique sépare désormais mondialistes et patriotes». *Le Monde*, 13.12.2015. URL: http://www.lemonde.fr/elections-regionales-2015/video/2015/12/13/marine-le-pen-le-clivage-n-est-plus-gauche-et-droite-mais-mondialistes-et-patriotes_4831014_4640869.html (дата обращения: 26.02.2018).

⁹⁷ Водак Р. Указ. соч. С. 27.

⁹⁸ Logtenberg H. Niemantsverdriet T. Onderhuidse onvrede over het «veel te rechte» CDA. *NRC Handelsblad*, 22.09.2017. URL: <https://www.nrc.nl/nieuws/2017/>

ных упрёков, хотя и не от своих сторонников, не избежали и новоизбранный председатель центристской французской партии «Республиканцы» Л. Вокье, а также лидеры правящей «Австрийской народной партии», которая позаимствовала у «Австрийской партии свободы» запрет на ношение бурки и ограничение прав мигрантов на социальную защиту⁹⁹. Представитель ХСС, министр финансов Баварии М. Зёдер заявил, что, если его партия не будет выступать по вопросам безопасности и ограничениям миграции, то у неё возникнут проблемы с привлечением избирателей¹⁰⁰. Влияние правопопулистских партий на дискурс партий истеблишмента не ограничивается, однако, сферами миграции и этнополитики. Поскольку популисты указывают не только на предполагаемый «провал» миграционной политики, но и на плохо функционирующую (по их представлениям) социально-экономическую сферу, традиционные партии также стремятся не уступить популистским акторам и эту повестку. И если правоцентристским партиям свойственно перенимать именно секьюритизационный дискурс в связи с миграцией, то для левоцентристов влияние популистской риторики проявляется именно в подчёркивании проблем социального обеспечения и в целом социально-экономической политики¹⁰¹.

Принято считать, что, в то время как правые (и частично левые) партии мейнстрима перенимают у правых популистов отдельные постулаты, сами правые популисты постепенно сдвигаются к центру, в сторону истеблишмента. Данный тезис имеет весьма спорный характер, так как правые популисты лишатся

[09/22/onderhuidse-onvrede-over-het-veel-te-rechtse-cda-13133282-a1574491](https://www.underhuidse-onvrede-over-het-veel-te-rechtse-cda-13133282-a1574491)

(дата обращения: 26.02.2018).

⁹⁹ Europe's populists are waltzing towards mainstream. The Economist. 03.02.2018. URL: <https://www.economist.com/news/briefing/21736137-they-and-their-ideas-are-both-being-picked-up-established-parties-europes-populists-are> (дата обращения: 26.02.2018). Карикатура в газете «Курьер» даже изобразила обнажённого Х.-К. Штрахе, лидера АПС, со словами «Они всё забрали».

¹⁰⁰ Shalal A. Bavaria's CDU urges rightwing shift after election losses. Reuters, 28.09.2017. URL: <https://uk.reuters.com/article/uk-germany-politics-csu/bavarias-csu-urges-rightwing-shift-after-election-losses-idUKKCN1C30XY> (дата обращения: 26.02.2018).

¹⁰¹ Krause W., Giebler H. Shifting Welfare Policy Positions: The Impact of Radical Right Populist Party Success Beyond Migration Politics. Representation: Journal of Representative Democracy, 2019, vol. 55, №3. P. 13.

электората, если потеряют свой главный козырь (максимально возможный в либерально-демократическом континууме радикализм). Здесь важно нащупать эту весьма тонкую грань: как пишет болгарский политолог И. Крастев, крайне правые, вдохновлённые победой Трампа и брекзитом, решили «отойти от центра» именно тогда, когда заручились необходимой поддержкой. «Отбросив с трудом давшуюся умеренность»¹⁰², они проиграли, уступив более умеренным кандидатам (как демонстрируют результаты парламентских выборов в Нидерландах и президентских в Австрии и во Франции).

Вслед за Лакло и Муфф некоторые исследователи рассматривают популистов как «проигравших от модернизации»¹⁰³ или «вечно вчерашних»¹⁰⁴. Считается, что рост правого популизма связан с электоральной активизацией «проигравших от глобализации», стал итогом давнего кризиса политического представительства, который был усугублён финансовым кризисом и работой СМИ¹⁰⁵, либо же что популистские партии и движения сами по себе – продукт общественной модернизации¹⁰⁶, «кризисный феномен модернизации» (У. Альтерматт). Согласно последнему, популизм – не просто порождение модернизации, но и орудие борьбы с ней¹⁰⁷. Таким образом, *популизм – это один из множества возможных ответов на вызов глобализации*, ответ, который предлагает кажущиеся достижимыми решения в случае победы соответствующей партии на выборах.

Одна из наиболее молодых теорий популизма – теория популист-авторитаризма, предложенная П. Норрис. Она сознательно гипертрофирует авторитарный элемент, по Мюдде, изначально присущий правому популизму, и выделяет его во второй конституирующий элемент идеологии ряда современных евро-

¹⁰² Крастев И. После Европы. М.: Дело, 2018. С. 138.

¹⁰³ Баранов Н.А. Указ. соч. С. 26.

¹⁰⁴ Погорельская С.В. «Вечно вчерашние»: правый популизм и правый радикализм в Западной Европе. Мировая экономика и международные отношения, 2004, №3. С. 51-63.

¹⁰⁵ Завадская М. Вызовы популизма. Полит.Ру, 09.01.2017. URL: <http://polit.ru/article/2017/01/09/populism/> (дата обращения: 17.04.2017).

¹⁰⁶ Декер Ф. Популизм как вызов либеральным демократиям. Актуальные проблемы Европы, 2004, №2. С. 61.

¹⁰⁷ Альтерматт У. Указ. соч. С. 257.

пейских партий, называя их популист-авторитарными. Таким образом, П. Норрис уделяет особое внимание государственной поддержке правопопулистских идей, которая зачастую проявляется в «державном» дискурсе. Однако список популист-авторитарных партий, составленный П. Норрис, идентичен традиционному правопопулистскому перечню, поэтому необходимость и операциональность данной теории вызывает вопросы. К тому же, авторское понимание авторитаризма весьма специфично: согласно П. Норрис, авторитарные партии и лидеры выступают за жёсткое обеспечение безопасности, ксенофобию, строгое соблюдение норм морали и нетерпимость к мультикультурализму¹⁰⁸, в то время как классические определения авторитаризма всё же делали упор на способах отправления публичной власти.

Не стоит рассматривать перечисленные теории популизма как неизбежно противостоящие друг другу. Сугубо теоретический подход Ш. Муфф, к примеру, находит явные точки пересечения с прикладной теорией К. Мюдде во взгляде на популизм как на «патологическую нормальность», свойственную современной демократии, или даже «патологический дух времени»¹⁰⁹.

В общий кластер взглядов на популизм как на неизбежный и зачастую необходимый элемент современной демократии входит концепция К. Ровира Кальтвассера. Он назвал правый популизм «демократической коррективой», которая предоставляет возможность быть услышанными тем группам, о чьих интересах элиты забывают¹¹⁰. Ф. Декер говорил о «необходимой коррективе», что, в общем-то, весьма близко; он делал акцент на том, что популистская агитация в политической борьбе с иными силами может привести к развитию или стабилизации демократии, установлению политического баланса между противоборствующими сторонами¹¹¹. Некоторые другие авторы полагают популистские практики не альтернативой или противоположностью демократии, а одной из её форм (употребляя термин «механизм

¹⁰⁸ Norris P., Inglehart R. *Cultural Backlash: The Rise of Populist Authoritarianism*. Cambridge: CUP, 2019. 300 p.

¹⁰⁹ Mudde C. *The Populist Radical Right: A Pathological Normalcy...*

¹¹⁰ Rovira Kaltwasser C. The ambivalence of populism: threat and corrective for democracy. *Democratization*, 2012, vol. 19, №2. P. 185.

¹¹¹ Декер Ф. Указ. соч. С. 65.

корректировки»¹¹²), или даже «чистейшей формой демократии»¹¹³ (вспомним, что популизм возводит в абсолюте идею народного суверенитета – и эта идея уже не покажется нам абсурдной) – здесь просто встаёт вопрос, предпочитаем ли мы *либеральную* демократию (т.е. представительную и ограниченную институтами), или же *радикальную* (т.е. максимально приближенную к прямой демократии *форума*; впрочем, здесь также важно нащупать грань, отделяющую «радикальную демократию» от охлократии – власти толпы)¹¹⁴. Э. Лакло считал, что без популизма не обходится ни одна политическая система: где есть антагонизм, там присутствует и популизм, таким образом, популизм – естественная черта политики¹¹⁵. Ш. Муфф утверждает, что «в демократии обязательно есть популистский аспект»¹¹⁶.

К тем, кто рассматривает популизм как необходимую «корректировку» и клапан для «гласа народа», относится также мексиканский политолог Б. Ардити. Он пишет, что популизм ведёт себя как пьяный гость на званом ужине – не уважает общепринятые правила, но артикулирует насущные проблемы, о которых другие, «трезвые», предпочитают умалчивать¹¹⁷. По словам К. Мюдде, популизм – «нелиберальный демократический ответ на недемократический либерализм»¹¹⁸. Если в какой-либо стране возникает «спрос на популизм», если идеи правых или левых популистов находят отклик, значит, наличие популистских партий и движений является объективной на данный момент потребностью той или иной политики. В перспективе подобный спрос и порожаемое им предложение действительно может привести к установлению формы правления, отличной от демократической. Однако пока этого не происходит, любое ограничение, налагаемое условной «властью» на популистские партии, если оно не следует из сложившейся законотворческой

¹¹² Jasiewicz K. The New Populism in Poland: The Usual Suspects? Problems of Post-Communism, 2008, vol. 55, №3. P. 12.

¹¹³ Tännsjö T. Populist Democracy: A Defence. London: Routledge, 1992. 139 p.

¹¹⁴ Rovira Kaltwasser C. Op. cit. P. 199.

¹¹⁵ Laclau E. Op. cit. P. 225.

¹¹⁶ Муфф Ш. Указ. соч.

¹¹⁷ Arditi B. Politics on the Edges of Liberalism: Difference, Populism, Revolution, Agitation. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2007. P. 78.

¹¹⁸ Mudde C. The problem with populism...

практики, само по себе – антидемократическая мера.

Н. Гидрон и Б. Бониковски разделили подходы к пониманию популизма на три группы: идеационный подход (популизм – некая идеология «с разреженным центром», сторонники данного подхода – К. Мюдде, К. Ровира Кальтвассер, Б. Стэнли, М. Роудейн), дискурсивный подход (популизм как дискурсивная практика – К. Хокинс, Э. Лакло) и мобилизационный подход (популизм как метод политической мобилизации – П. Таггарт, Т. Паувелс, Т. Паппас)¹¹⁹. Однако очевидно, что эти подходы во многом пересекаются и в целом трудно отличимы. Подобное разделение может иметь определённую эвристическую пользу, но вряд ли принесёт существенные плоды в практическом политологическом исследовании. Восприятие популизма как идеологии «с разреженным центром», в силу слабости собственной идеологической базы «прилепляющейся» к другим, более крупным и развитым идеологиям, совершенно не исключает, а даже подразумевает специфические черты политического дискурса (национализм, антиэлитизм¹²⁰, холизм в отношении народа как единого целого с общей волей) и использование специфических популистских методов политической мобилизации. Очевидно, что в изучении феномена популизма необходимо не ограничиваться некой узкой объектной рамкой, а включать в исследовательский фокус все политические объекты, способные нести на себе популистские индикаторы: партии, партийных лидеров, программные тексты, публичный дискурс и пр.

Здесь мы будем придерживаться следующего определения правого популизма: *политическая стратегия, основанная на сочетании национализма, антиэлитизма, антиплюрализма (представления о народе как о гомогенной группе и стремлении исключить «нарушителей» гомогенности) и самоотождествления с народной волей, направленная на достижение электоральных успехов*. Вместе данные элементы составляют комбинацию идеологием, которые, однако, не воплощаются в полноценную

¹¹⁹ Gidron N. Bonikowski B. Varieties of Populism: Literature Review and Research Agenda. Weatherhead Center for International Affairs Working Paper Series, 2013, №13-0004. P. 5.

¹²⁰ См.: Маслова Е.А. Евроскептицизм и популизм в Италии: пример «Движения пяти звёзд». Контуры глобальных трансформаций, 2017, т. 10, №1. С. 143.

идеологию. Как уже было сказано, некоторые элементы этой комбинации в силу специфики запросов популистского электората успешно претворяются в политическую стратегию, что делает правопопулистские партии достаточно конкурентоспособными. Таким образом, в своём определении мы стремимся не ограничиваться идеационным подходом, но и включить в него элементы дискурсивного и мобилизационно-стратегического подходов, выделенных Н. Гидроном и Б. Бониковски.

Представляется целесообразным согласиться с Н. Урбинати, считающей, что говорить о политическом популизме имеет смысл только в контексте партийной политики. Американский исследователь справедливо утверждает, что «без лидера или центрального руководства, которое стремится к контролю над большинством, народное движение с популистской риторикой (...) ещё не является популизмом»¹²¹. Мы считаем также необходимым добавить критерий электоральной успешности партии (представленность в национальном парламенте), так как партийный популизм не имеет смысла, не будучи встроенным в парламентскую систему. С одной стороны, это сужает предметное поле исследования. Однако, с другой стороны, отсутствие представительства в центральном законодательном органе демонстрирует неэффективность популистской риторики партии, а чаще всего – чрезмерный радикализм. С высокой степенью вероятности такая партия так и останется политическим маргиналом, если вообще выживет. К примерам таких партий относятся Лига польских семей и «Гордость за Нидерланды», которые в силу различных причин полностью утратили поддержку электората. Непарламентские партии всё же будут упоминаться, однако, прежде всего, в историческом и контекстуальном ключе.

1.3. Типы политической культуры и национализма как основания популизма

Политическая культура – чрезвычайно сложное и многослойное понятие. О.Ю. Малинова и М.В. Стрежнева указывают на многообразие определений данного феномена в отечественной и зарубежной науке¹²². Дело в том, что данное понятие относит-

¹²¹ Урбинати Н. Указ. соч. С. 249.

¹²² См.: Стрежнева М.В. Политическая культура в различных интерпретаци-

ся к срединному уровню концептуализации, который расположен между микро- и макроуровнями политики¹²³, тем самым вызывая споры между теми, кто понимает её как свойство индивида или же как свойство сообщества¹²⁴. Впервые понятие «политическая культура» употребил И. Гердер в 1784 г.; в современном значении использовать термин предложил Г. Алмонд в 1956 г. в своей работе «Сравнительные политические системы», где трактовал его как «определённую модель ориентаций по отношению к политическому действию»¹²⁵. О.В. Гаман-Голутвина в числе важнейших политико-культурных характеристик общества называет менталитет, доминирующие взгляды, теории, концепции, нормативно-ценностную систему общества, доминирующие модели и стереотипы поведения¹²⁶. С.В. Погорельская определяет политическую культуру как «присущий определённому обществу в определённый отрезок времени характер восприятия внутри- и внешнеполитических проблем, тип концептуализации и реализации внутренней и внешней политики»¹²⁷. А.И. Тэвдой-Бурмули считает, что политическая культура – совокупность «элементов политического поведения, характерных для данной группы и основанных на определённых ценностных ориентациях и стереотипах восприятия реально существующего и значимого для этой группы политического процесса»¹²⁸, таким образом подчёркивая особую роль системы политического поведения в проявлениях политической культуры.

В общем виде можно свести понятие политической культу-

ях: анализ специального понятия. *Общественные науки и современность*, 2002, №5. С. 141-155.

¹²³ Малинова О.Ю. «Политическая культура» в российском научном и публичном дискурсе. *Полис. Политические исследования*, 2006, №5. С. 107.

¹²⁴ Подробнее о теориях среднего уровня см.: Merton R. *Social Theory and Social Structure*. NYC: Free Press, 1968. P. 51

¹²⁵ Almond G.A. *Comparative Political Systems*. *The Journal of Politics*, 1956, vol. 18, №3. P. 396.

¹²⁶ Гаман-Голутвина О.В. Развитие категории «политическая культура» в общественно-политической мысли. *Политическая экспертиза*, 2005, №2. С. 40.

¹²⁷ Погорельская С.В. Введение. Методологические проблемы исследования политических партий на примере консервативных и либеральных партий стран Евросоюза. *Актуальные проблемы Европы*, 2007, №1. С. 10.

¹²⁸ Тэвдой-Бурмули А.И. *Этнополитическая динамика современной Западной Европы*. М.: МГИМО-Университет, 2010. С. 131.

ры к двум её интерпретациям: психологической, понимающей политическую культуру как «совокупность социально-психологических свойств, которые проявляются на индивидуальном уровне»¹²⁹, и социетальной, рассматривающей политическую культуру в качестве «свойства социальных коллективов»¹³⁰, укоренённого в исторически сложившихся социальных практиках и, следовательно, зависящего от истории данного коллектива. Первый подход основан на принципе методологического индивидуализма, второй – на принципе холизма. Нам представляется возможным объединить два данных подхода: ведь индивидуальное восприятие формируется под воздействием коллектива, а коллективное сознание, хотя и обладает собственными свойствами, строится на совокупности восприятия индивидов. Таким образом, наше определение политической культуры следующее: *исторически сложившаяся в том или ином сообществе совокупность представлений о сфере политического и традиций бытования социума, определяющая восприятие данным сообществом и его индивидуальными членами политических процессов и формы участия в них.*

Конечно, было бы некорректно говорить о том, что какие-либо страны в силу своей политической культуры более подвержены влиянию правой идеологии и популистских стратегий, чем другие, – мы наблюдаем существенную популярность правых популистов практически во всех странах Европейского союза. Однако можно говорить об особенностях правопопулистского дискурса, подстраивающихся под те или иные свойства политической культуры страны. В частности, И.Б. Киянка отмечает, что, популизм «в отличие от традиционных систем в значительной степени зависит от особенностей различных национальных политических культур, конкретной совокупности условий социально-экономической и политической жизни той или иной страны»¹³¹. Б. Макаренко считает, что партиципаторная политическая культура (в терминологии Г. Алмонда и С. Вербы) служит

¹²⁹ Малинова О.Ю. Указ. соч. С. 107.

¹³⁰ Там же. С. 109.

¹³¹ Киянка И.Б. Популізм в історії та сучасності: ідеологічні течії, рухи та політичні технології. Львів: Простір, 2016. С. 343.

ограничителем популизма благодаря тому, что «народ» в этих случаях подразумевает гражданскую нацию; в парохильной же политической культуре популизм имеет гораздо больше шансов на распространение и закрепление в политическом поле благодаря этническому пониманию нации¹³².

Европейский союз по принципу политической культуры (в принятом нами истолковании) подлежит разделению на несколько субрегионов, где правопопулистские партии используют ту или иную риторику и где они более или менее успешны в силу исторических, политических и экономических особенностей. Так, в странах Южной Европы до недавнего времени правопопулистские партии не пользовались успехом, были сильно маргинализированы (если вообще существовали) и скорее рассматривались как радикальные. Тем не менее, на досрочных выборах в Андалусии 2 декабря 2018 г. 12 мест в региональных Кортесах получила праворадикальная партия Vox, по ряду критериев подпадающая под определение правопопулистской¹³³. Vox («Голос») была образована в 2013 г. оппозиционными членами Народной партии Испании, наследниками национал-синдикалистской франкистской «Испанской фаланги» («синерубашечников»). Партия выступает с правоконсервативных позиций, противопоставит в своей риторике «либеральным ценностям», «государству регионов» (сложившейся в Испании модели унитарного квазифедерализма), «миграционной угрозе». Генеральный секретарь партии Хавьер Ортега Смит заявил в Европейском парламенте, что Европу надо спасти от «глобализма Меркель, Макрона и Сороса», а также мультикультурализма, который призван «вырвать душу Европы», открывая двери «миграционному вторжению»¹³⁴. Трибуну для таких заявлений представитель Vox полу-

¹³² Макаренко Б.И. Популизм и политические институты: сравнительная перспектива. Вестник общественного мнения, 2017, №1-2 (123). С. 9.

¹³³ Хенкин С.М. Андалусское землетрясение: в Испании теряют позиции левые и крепнут праворадикальные силы. Российский совет по международным делам, 05.12.2018. URL: <http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/andalusskoe-zemletryasenie-v-ispanii-teryayut-pozitsii-levye-i-krepnut-pravo-radikalnye-sily/> (дата обращения: 01.01.19).

¹³⁴ Rios B. Spanish far-right joins Orban in his defense of the Europe of nations. EurActiv, 07.03.2019. URL: <https://www.euractiv.com/section/eu-elections-2019/news/spanish-far-right-joins-orban-in-his-defense-of-the-europe-of-nations/> (дата

чил 6 марта 2019 г. благодаря приглашению польского консервативного депутата К. Златовского. Мероприятие было посвящено ситуации вокруг каталонского сепаратизма. Популярность Vox приобрела на фоне референдума о независимости Каталонии как сила, жёстко выступающая против акторов, ориентирующихся на возможный распад испанского государства по регионалистскому сценарию (в первую очередь – баскского и каталонского национальных движений). Симптоматично, что Андалусия, где «Голос» прорвался в публичную политику, традиционно считалась «левым» регионом, где у власти более 30 лет находятся социалисты¹³⁵. На выборах в Генеральные Кортесы Испании, состоявшихся в апреле 2019 г., Vox получил 10,26% голосов избирателей и 24 места в национальном парламенте, разделив условный правый лагерь с Народной партией и правоцентристами из партии Ciudadanos («Граждане»)¹³⁶.

В странах Центральной и Восточной Европы, как правило, дискурс также более радикален, чем в Западной Европе, при этом наряду с «новым Другим», мигрантами из стран Азии и Африки, традиционно присутствуют «старые Другие», занимающие даже более важное место в правой риторике (преимущественно цыгане и евреи, также наблюдаются случаи перекрестной алиенации – венгров в Словакии и Румынии). К тому же, в странах ЦВЕ можно говорить о повышенном значении религии в правопопулистском дискурсе. Б. Макаренко выделяет три модели современного «западного» популизма: 1) «староевропейскую», подразумевающую экономический евроскептицизм, сильные антииммигрантские настроения, страх утраты идентичности, антилиберализм и антикосмополитизм; 2) «посткоммунистическую», определяющуюся недостаточным качеством политического представительства и вторичностью антииммиграционных настроений вкупе с их большей агрессивностью; 3) «средиземноморскую», которая характеризуется, прежде всего, ле-

обращения: 29.09.2019).

¹³⁵ Хенкин С.М. Указ. соч.

¹³⁶ De Waal M. Met doorbraak hard rechtse partij Vox wordt Spanje een doorsnee Europees land. NRC, 03.12.2018. URL: <https://www.nrc.nl/nieuws/2018/12/03/met-doorbraak-hard-rechtse-partij-vox-wordt-spanje-een-doorsnee-europees-land-a-2999389>.

вым характером базовой идеологии¹³⁷.

Целый ряд политологов утверждает, что политическая культура, сложившаяся в той или иной стране, может определять степень поддержки праворадикальных партий. Р. Итвелл пишет о том, что праворадикальные партии имеют повышенные шансы на успех, если могут представить себя в качестве легитимной части «национальной [политической] традиции»¹³⁸. А. Шеховцов обращает внимание на политико-культурные причины, которые могут ослабить возможное влияние праворадикальных и правопопулистских партий. К ним он относит традиции антифашизма (что наглядно демонстрируют случаи Испании, Португалии и Греции, где правоавторитарные режимы существовали до 70-х гг. XX в.), традиции толерантности (преимущественно это касается бывших колониальных империй – Нидерландов, Великобритании, Испании, Бельгии, Португалии; однако, как мы можем видеть в случае Бельгии и Нидерландов, данная предпосылка далеко не всегда «работает») и «культура раскаяния» за массовый коллаборационизм населения в годы Второй мировой войны¹³⁹. Последняя наиболее ярко проявляется во Франции и в Нидерландах¹⁴⁰, что предопределило широкомасштабные общественные дебаты по поводу деятельности праворадикальных партий и повлияло на риторику «Национального фронта» (при Марин Ле Пен; с 2018 г. – «Национальное объединение») и «Партии свободы». То же относится и к Германии, где до 2017 г. ни одна правопопулистская партия не входила в Бундестаг. Г.И. Вайнштейн пишет о популизме как о явлении, «весьма многоликом в своих региональных проявлениях»¹⁴¹.

Э. Налевайко уделяет особое внимание понятию социального страха, укоренённого в политической культуре и эксплуа-

¹³⁷ Б.И. Макаренко. Указ. соч. С. 17.

¹³⁸ Eatwell R. Ten theories of the extreme right. In: Right-Wing Extremism in the Twenty-first Century. London, 2003. P. 62.

¹³⁹ Шеховцов А.В. Особливості політичної культури і електоральна підтримка нових праворадикальних партій в європейських країнах. В кн.: Політологічний вісник. Зб-к. наук. праць. Київ, 2008. С. 243.

¹⁴⁰ Бурума И. Убийство в Амстердаме: смерть Тео ван Гога и границы толерантности. М.: КоЛибри, 2008. С. 32.

¹⁴¹ Вайнштейн Г.И. Популизм. В кн.: Идентичность: личность, общество, политика. Москва, 2017. С. 607.

тируемого популистскими партиями. Популисты придают конкретную форму общественным страхам, указывая на себя в качестве защитников и эксплуатируя народный ресентимент. По мысли Э. Налевайко, ресентименту более подвержены общности, в прошлом на протяжении долгого времени не имевшие возможности влиять на свою судьбу и уязвимые перед внешними угрозами¹⁴². Также речь можно вести о «культуре конфликта», в которой в качестве образцов закреплены конфронтационные реакции¹⁴³. Румынско-американский политолог В. Тисмэняну причисляет к «культуре конфликта» весь регион Центральной и Восточной Европы, в силу исторического прошлого, длительной невозможности контролировать свою судьбу и закреплённой традициями конфронтацией с соседями: «эти общества избавились от старых авторитарных институтов, но остались заложниками памяти, страхов и неврозов»¹⁴⁴.

Можно было бы предположить наличие прямой корреляции между высоким индексом спроса на праворадикальный экстремизм DEREKX (DEmand for Right-wing EXtremism; это один из показателей политической культуры общества в холистском, социоцентричном понимании) и присутствием успешной правопопулистской партии (критерием успешности выступала доля голосов, отданных за правых популистов на последних парламентских выборах в данной стране). Однако при низком индексе DEREKX, характерном для западноевропейских стран, поддержка правопопулистских партий там оказывалась гораздо сильнее, чем в странах Южной Европы и Балкан. Отметим, что индекс DEREKX в этом регионе зачастую выражается двузначными числами, но было трудно идентифицировать успешную правопопулистскую партию (до успешного выступления испанской партии Vox на национальных выборах 2019 г.). Это, однако, также объясняется преобладанием парохильной и подданнической (в терминологии Г. Алмонда и С. Вербы) политической культуры в данных странах. Именно она обуславливает

¹⁴² Налевайко Э. Политический популизм и социальный страх. Социология, 2009, №4. С. 38.

¹⁴³ Там же. С. 40.

¹⁴⁴ Tismaneanu V. *Fantasies of Salvation: Democracy, Nationalism, and Myth in Post-Communist Europe*. Princeton: Princeton University Press, 2009. P. 36.

недостаточную волю граждан создавать стабильные политические партии, выражающие их интересы. Запросы, определяющие индекс DEREХ, поэтому проявляются либо в абсентеизме, либо в «протестном» голосовании за существующие партии, либо выплёскиваются на улицы в виде экстремистских объединений, не имеющих партийного статуса или утративших его.

Из типа политической культуры как одного из базовых оснований правого популизма часто проистекает национализм как один из основных элементов правопопулистской дискурсивной концепции¹⁴⁵. К. Мюдде называет национализм (нативизм, в его терминологии) среди трёх компонентов идеологического «ядра» правого популизма. Й. Рюдгрэн говорит о том, что в деятельности правопопулистских партий важен не столько популистский аспект, сколько националистический¹⁴⁶. П.-А. Тагиефф настаивает на необходимости употребления термина «национал-популизм», которое позволяет избежать уже неоправданной в нынешних условиях право-левой дихотомии и обозначить сочетание национализма с популистским стилем риторики¹⁴⁷. Из множества определений национализма наибольшего внимания заслуживает определение отечественного исследователя А.И. Тэвдой-Бурмули, т.к. оно позволяет «примирить» между собой несколько концептуальных подходов к сущности нации и природе национализма: «осознание – на концептуальном либо иррациональном уровне – принадлежности к культурной общности, сформированной на базе одного или нескольких этносов, и стремление сохранить имеющуюся идентичность посредством создания для этого необходимых политических, социально-экономических и иных условий»¹⁴⁸.

Европейские националисты в большинстве случаев принимают в свой дискурс радикализированную форму вышеупомянутого стремления, рассматривая как «необходимые политиче-

¹⁴⁵ Подробнее см.: Осколков П.В., Тэвдой-Бурмули А.И. Европейский правый популизм и национализм: к вопросу о соотношении функционала. Вестник Пермского университета. Серия «Политология», 2018, №3. С. 19-33.

¹⁴⁶ Rydgren J. Radical right-wing parties in Europe. What's populism got to do with it? *Journal of Language and Politics*, 2017, vol. 16, №4. P. 495.

¹⁴⁷ Taguieff P.-A. *Op. cit.* P. 221.

¹⁴⁸ Тэвдой-Бурмули А.И. Указ. соч. С. 16.

ские, социально-экономические и иные условия» культурно-этническую гомогенизацию общества – что полностью совпадает с идеологическими нуждами правых популистов, стремящихся сконструировать гомогенный «народ» для объективации своих требований (по словам Н. Урбинати, «превратить весь народ в одну большую партию»¹⁴⁹). Правый популизм подразумевает формирование негативной идентичности – т.е. идентичности, основанной на оппозиции «мы – они». В то же время в корне неверно проводить параллели между современными правыми популистами и эксклюзивистскими националистическими движениями первой половины XX в. – нынешний правый популизм в первую очередь декларирует свой оборонительный характер¹⁵⁰, цели «защиты» «своего народа» и «своей страны» от Других (хотя современные правые, особенно в странах ЦВЕ, иногда и заявляют о своей преемственности от межвоенных националистов: особенно показателен пример Народной партии «Наша Словакия» Мариана Котлебы, подчёркивающего преемственность от фашистского режима Й. Тисо).

И.Б. Киянка отмечает, что особое значение национализм приобрёл в восточноевропейском популизме¹⁵¹. Истинность данного утверждения зависит от того, как понимать национализм; если понимать его в широком смысле (А.И. Тэвдой-Бурмули), то можно утверждать, что национализм характерен в равной степени для восточно- и западноевропейского популизма (хотя в случае Западной Европы в последние десятилетия он часто принимает форму цивилизационизма). Несомненно, для восточноевропейских правых характерны «другие Другие» – во многом из-за отличной от западноевропейской этнополитической структуры общества.

Ключевыми виктимными группами, играющими роль «Другого» в странах Европы, исторически были евреи и цыгане, в последние десятилетия к ним прибавились выходцы из мусульманских стран Ближнего Востока и Северной Африки, а также

¹⁴⁹ Урбинати Н. Указ. соч. С. 274.

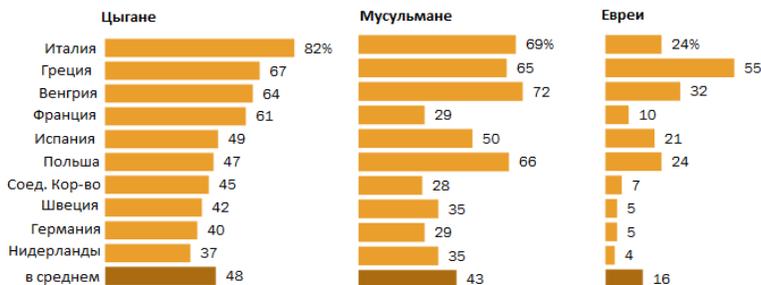
¹⁵⁰ Паин Э., Федюнин С. Нация и демократия: перспективы управления культурным разнообразием. М.: Мысль, 2017. С. 238.

¹⁵¹ Киянка И. Указ. соч. С. 340.

Турции¹⁵². Как показывают последние опросы, примерно 48% населения европейских стран негативно относится к цыганам, 43% «не любит» мусульман, 16% плохо относятся к евреям (см. рис. 1).

Рисунок 1

Негативное отношение к различным аллохтонным группам в некоторых странах Европы (2016 г.)

Источник: Pew Research Center¹⁵³.

В странах германской студенческой культуры – Австрия, Германия, Швейцария, Бельгия – акторами антисемитизма часто становятся традиционные студенческие сообщества. Широкий резонанс получил случай с корпорантским песенником австрийской студенческой корпорации Germania (г. Винер-Нойштадт), содержащим слова «жми на газ, мы организуем вам седьмой миллион»¹⁵⁴. Нельзя забывать и о «новом европейском антисемитизме» – антисемитизме, вытекающем из антисиионизма, в тех случаях, когда неприятие политики Израиля органично переходит в неприятие евреев. В то же время Европейский центр мониторинга расизма и ксенофобии в марте 2004 г. определил как проявления антисемитизма, в том числе, такие действия как «отрицание права еврейского народа на самоопределение, заявления, что существование Государства Израиль – дело рук ра-

¹⁵² Данные три группы выделяют, в частности, эксперты Pew Research Center, а также П. Водак. См.: Водак П. Указ. соч. С. 60.

¹⁵³ Wike R., Stokes B., Simmons K. Europeans Fear Wave of Refugees Will Mean More Terrorism, Fewer Jobs. Washington: Pew Research Center, 2016. P. 10.

¹⁵⁴ Goldenberg A. Secretive Fraternities Are Feeding Anti-Semitism in Austria. The Atlantic, 22.02.2018. URL: <https://www.theatlantic.com/international/archive/2018/02/austria-fraternities-jews/552929/> (дата обращения: 26.02.2018).

систов», «сопоставление современной политики Израиля с политикой нацистов», «попытки сделать евреев коллективно ответственными за действия Государства Израиль»¹⁵⁵, а в декабре 2019 г. Национальная ассамблея Франции официально назвала антисюионизм новой формой антисемитизма.

«Новый антисемитизм» характерен как для самих европейцев (тенденция прослеживается примерно с начала т.н. «второй интифады» в 2000 г.), так и для традиционно антиизраильски и антиеврейски настроенных иммигрантов из стран Ближнего и Среднего Востока¹⁵⁶. Этот термин приписывают П.-А. Тагиеффу¹⁵⁷. Считается, что использование ярлыка «сионист» не в первоначальном (и истинном) значении («сторонник основания еврейского государства на Ближнем Востоке»), а как «политкорректная» подмена слова «еврей» при желании обвинить оппонента в его «еврействе», возник после Шестидневной войны 1967 г.¹⁵⁸ Антисемитизм Средневековья и Нового времени имел в качестве основания религиозную инаковость, антисемитизм XIX и первой половины XX в. – этническую/расовую. Сейчас же одно из главных оснований антисемитизма – существование и деятельность Государства Израиль, а также мнение, что все евреи поддерживают израильскую политику и должны нести за неё ответственность. Характерна в данном контексте деятельность французского артиста Дьёдонне Мбала Мбала, который предложил особый жест-приветствие для антисюионистов – т.н. «кнель» (*quenelle*), предположительно, «перевернутое нацистское приветствие»¹⁵⁹, а также изобрёл уничижительный термин «шоананас» – сочетание слова «Шоа» (Катастрофа, Холокост в

¹⁵⁵ Рабочее определение антисемитизма, установленное Европейским центром по мониторингу расизма и ксенофобии при ЕС, распространённое в марте 2004 г. В кн.: Антисемитизм: концептуальная ненависть. Эссе в память о Симоне Визентале. М.: Изд-во «МИК», 2009. С. 76.

¹⁵⁶ См.: Rosenfeld A. «Progressive» Jewish Thought and the New Anti-Semitism. New York: American Jewish Committee, 2006. 31 p.

¹⁵⁷ Taguieff P.-A. Retour sur la nouvelle judéophobie. Cités, 2002, vol. 4, №12. P. 117-134.

¹⁵⁸ Gardner M. «The Zionists are our Misfortune»: On the (not so) new Antisemitism. Democratiya, 2007, №10. P. 79.

¹⁵⁹ Liphshiz C. French use Nazi-like salute with impunity. The Times of Israel, 25.12.2013. URL: <http://www.timesofisrael.com/french-use-nazi-like-salute-with-impunity/> (дата обращения: 26.02.2018).

еврейской традиции) и «ананас».

Характерно, что сейчас антисемитские настроения распространены не только среди электората правых партий, но и среди существенной части левых (в форме антисионизма/антиизраилизма). Многие левые организации поддерживают действия организации BDS («Бойкот, изоляция, санкции») – «общественной группы», созданной в 2005 г. на основе около 170 правозащитных арабских организаций под управлением Палестинской национальной администрации с целью дискредитации политики Израиля в интересах палестинского арабского населения¹⁶⁰. Предлагаемый активистами BDS бойкот затрагивает как предпринимателей, так и деятелей культуры, науки, искусства и спорта и никак не обусловлен личной позицией тех или иных представителей Израиля: BDS предлагает *коллективную ответственность* израильтян за предполагаемые «преступления» израильского правительства¹⁶¹. На 2019 г. единственной страной ЕС, официально признавшей BDS антисемитской организацией, стала Германия.

В ходе протестов «жёлтых жилетов» во Франции (которых условно можно отнести к «новым левым» движениям¹⁶²) звучало множество антисемитских заявлений¹⁶³. 16 февраля 2019 г. на Алена Финкелькраута, французского еврейского интеллектуала и автора ряда книг, посвящённых проблемам антисемитизма, напали «жёлтые жилеты» из числа молодёжи преимущественно арабского происхождения. Философу кричали «Убирайся, вонючий еврей» и «Возвращайся в свой Израиль»¹⁶⁴. Объектом

¹⁶⁰ Ханин З. Израиль накануне и в год своего 70-летия: актуальные аспекты внешней и внутренней политики. М.: Институт Ближнего Востока, 2018. С. 207.

¹⁶¹ Quer G. BDS. In: Antisemitism Worldwide 2018: General Analysis. Tel Aviv: Kantor Center for the Study of Contemporary European Jewry, 2018. P. 125.

¹⁶² Правда, И.Э. Магадеев отмечает, что в 2019 г. «жёлтые жилеты», скорее, охватывают как правый, так и левый фланги идеологического спектра (с пока ещё сохраняющимся перевесом в пользу последнего), и это движение будет и дальше поляризоваться.

¹⁶³ См.: Haine du Juif à Paris : Dieudonné infiltre les «Gilets Jaunes», ses partisans font des quenelles et des saluts nazis. Le Monde Juif, 01.12.2018. URL: <https://www.lemondejuif.info/2018/12/haine-du-juif-a-paris-dieudonne-infiltre-les-gilets-jaunes-ses-partisans-font-des-quenelles-et-des-saluts-nazis/> (дата обращения: 29.09.2019).

¹⁶⁴ Binhas R. Actes antisémites: «Les derniers masques tombent». Le Figaro,

антисемитских атак стала и Ингрид Левавассёр, медсестра из Нормандии, планировавшая возглавить образованную на основе движения «жёлтых жилетов» партию «Объединение гражданской инициативы». Министерство внутренних дел Франции в 2018 г. отметило рост количества антисемитских акций на 74% по сравнению с прошлыми годами¹⁶⁵. Февраль 2019 г. во Франции также был отмечен осквернением мемориала Илану Халими, жертве антисемитского нападения в 2006 г., а также портретов политика, пережившего Холокост, – Симоны Вейль, размещённых на почтовых ящиках¹⁶⁶. Как отметил глава Совета еврейских организаций Франции Ф. Калифа, «антисемитизм был силён и до “жёлтых жилетов”, но благодаря некоторым их представителям он стал теперь ещё сильнее»¹⁶⁷. 10 декабря 2018 г. был опубликован доклад Агентства Европейского союза по основным правам, посвящённый антисемитизму в Европе. Согласно докладу, 85% европейских евреев считают антисемитизм самой большой социально-политической проблемой в стране их проживания, а девять из 10 евреев ощущают рост антисемитизма в их странах за последние пять лет¹⁶⁸.

Антисемитизм не является определяющей характеристикой дискурса системных балтийских правых популистов (в отличие от не встроенных в систему – Партии независимости Эстонии или литовского Союза националистов). Однако в условиях посткоммунистической Европы настороженность по отношению к «Другому» должна находить конкретные воплощения, а исто-

19.02.2019. URL: http://www.lefigaro.fr/vox/societe/2019/02/19/31003-20190219_ARTFIG00192-actes-antisemites-les-derniers-masques-tombent.php (дата обращения: 29.09.2019).

¹⁶⁵ «Убирайся, вонючий еврей»: протест «жёлтых жилетов» скатился до антисемитизма. Вести, 17.02.2019. URL: https://www.vesty.co.il/articles/0,7340,L-5464789_00.html (дата обращения: 29.09.2019).

¹⁶⁶ Dixon E. Spate of anti-Semitic vandalism hits Paris amid 74% rise in anti-Semitic acts. CNN, 12.02.2019. URL: <https://edition.cnn.com/2019/02/12/europe/france-anti-semitic-attacks-paris-scli-intl/index.html> (дата обращения: 29.09.2019).

¹⁶⁷ Vandoorne S. Yellow Vest protesters fan flames of anti-Semitism in France. CNN, 03.03.2019. URL: <https://edition.cnn.com/2019/03/08/europe/gilet-jaunes-france-anti-semitism-intl/index.html> (дата обращения: 29.09.2019).

¹⁶⁸ Experiences and perceptions of antisemitism. Second survey on discrimination and hate crime against Jews in the EU. Summary. Vienna: FRA – European Union Agency for Fundamental Rights, 2018. P. 3.

рически «Другим» был именно еврей. Поэтому антисемитский дискурс находит отклик у некоторых представителей правопопулистских партий стран Балтии (особенно на этом поле отметились Александр Кирштейнс из «Национального объединения» и Яак Мадиссон из «Эстонской консервативной народной партии»). Вместе с тем, его официально отрицает партийная верхушка из-за угрозы утратить «системность».

В Польше антисемитизм имеет давние корни, и последовавший вскоре за Холокостом погром в Кельце и антисемитская кампания 1960-х гг. демонстрируют эндогенный характер данного феномена. Однако, как и в случае стран Балтии, «респектабельные» правопопулистские партии, и, естественно, правящая «Право и справедливость», избегают антисемитской риторики. Однако не стоит забывать, что «ПиС» в 2006–2007 гг. формировала правящую коалицию с Лигой польских семей и Самообороной РП, дискурс которых носил откровенно антисемитский характер.

В странах Бенилюкса антисемитизм исторически был не столь распространён, как в странах ЦВЕ. Однако партии, эксплуатирующие юдофобские чувства части населения, существовали в XX в. и существуют сейчас. Характерен антисемитский дискурс, прежде всего, для маргинальных праворадикальных партий, таких как Нидерландский народный союз, а также экстремистских группировок (Комитета антиссионистского действия (AZA), группы «Герцог Жан Брабантский», брюггской группы «Эскалибур»¹⁶⁹). Отдельные политики, которых можно причислить к правым популистам, также отметились на этом поле. Жан-Мари Дедекер, бывший депутат бельгийского парламента от либерально-демократической партии и основатель собственной партии «Список Дедекера», в 2006 г. призвал к экономическому бойкоту Израиля, назвав эту страну «последним государством-колонизатором», и заявил, что «каждого западного критично настроенного политика еврейское лобби и индустрия Холокоста объявят расистом и антисемитом»¹⁷⁰. Дедекер не одинок: по резуль-

¹⁶⁹ Teitelbaum V. Salomon, vous êtes juif!? L'antisémitisme en Belgique, du Moyen Age à Internet. Bruxelles: Luc Pire, 2008. P. 47-48.

¹⁷⁰ Ibid. P. 142-143.

татам опроса агентства ComRes в Австрии, Франции, Германии, Великобритании, Венгрии, Польше и Швеции, 35% жителей этих стран считают, что «сторонники Израиля используют обвинения в антисемитизме, чтобы заставить критиков замолчать»¹⁷¹.

Необходимо, однако, учитывать, что в русле борьбы с «исламизацией» или даже «исламофашизмом» правые популисты видят своего естественного союзника именно в Израиле/евреях. Характерны в данном ключе высказывания Г. Вилдерса, называющего Израиль «последним оплотом западной цивилизации на Ближнем Востоке», и Марин Ле Пен, отошедшей от ревизионистской риторики своего отца. Однако П.-А. Тагиефф справедливо указывает на тот факт, что произраильские декларации отдельных партийных лидеров, названные этим автором «избирательным филосемитизмом», не нивелируют общего антисемитского настроения электората данных партий¹⁷². А Марин Ле Пен, в рамках «де-демонизации» своей партии делавшая дружелюбные жесты в адрес еврейской общины Франции, не преминула заметить в рамках предвыборной кампании 2017 г., что Франция не несёт ответственности за депортацию французского еврейского населения в 1942 г. (так называемая операция «Вель-д'Ив»)¹⁷³. Слова Тагиеффа также подтверждает тот факт, что в январе 2019 г. 36% французов, готовых проголосовать за «Национальное объединение», и 31% граждан республики, поддержавших на президентских выборах 2017 г. Марин Ле Пен, согласились с утверждением, что «в мире существует сионистский заговор»¹⁷⁴.

Антицыганская риторика характерна, прежде всего, для правопопулистских партий стран Центральной и Юго-Восточной Европы, где присутствуют крупные и институционализированные цыганские общины, однако, как отмечает Р. Водак, «цыган

¹⁷¹ Greene R.A. CNN poll reveals depth of anti-Semitism in Europe. CNN, 2018. URL: <https://edition.cnn.com/interactive/2018/11/europe/antisemitism-poll-2018-intl/> (дата обращения: 28.20.2019).

¹⁷² Taguieff P.-A. *La revanche du nationalisme*. Paris: PUF, 2015. P. 120-121.

¹⁷³ *Présidentielle: Le Pen choque sur le rôle de la France sous l'occupation nazie*. Le Point, 10.04.2017. URL: http://www.lepoint.fr/politique/presidentielle-le-pen-choque-sur-le-role-de-la-france-sous-l-occupation-nazie-10-04-2017-2118619_20.php (дата обращения: 16.03.2018).

¹⁷⁴ Fourquet J., Dubrulle J.-P. *Enquête sur le complotisme – Vague 2*. JF/JPD №115960. Paris: Ifop, 2019. P. 85.

дискриминируют везде, на Востоке и на Западе (...). Несомненно, они были и остаются самой уязвимой группой в Европе»¹⁷⁵.

Восемь столетий сосуществования европейцев с меньшинствами синти и рома и скрытой, а периодически открытой неприязни вылились в годы Второй мировой войны в то, что в цыганском дискурсе именуется *porajmos* («надругательство») или *кали траш* («чёрный ужас») – геноцид цыганского населения, в ходе которого было уничтожено более 85% цыганского населения Европы. В отличие от антисемитизма, открытых проявлений которого после трагедии Холокоста стараются избегать даже праворадикальные партии, антицыганизм (в англоязычной литературе распространён термин *anti-Romanyism*) не был стигматизирован после этих событий. Цыганам приписывают криминальное поведение, во многих школах в Словакии, Венгрии, Болгарии цыганских детей помещают в отдельные классы, нередко погромы цыганских посёлков и массовые депортации (наиболее известные примеры последних – высылка цыган из Франции в 2010 г. и из Германии в 2005 г.). Правые популисты используют данные общественные настроения в своих целях: это свойственно, в частности, болгарской партии «Атака», венгерским «Фидес» и «Йоббику». Однако антицыганские мотивы присутствуют в дискурсе не только восточноевропейских правых. К примеру, Ф. Девинтер, один из лидеров бельгийской партии «Фламандский интерес», в своей книге «Иммиграционное вторжение: новая колонизация» пишет о цыганах как о «практически неинтегрируемой» группе населения, «от которой сами румыны и болгары хотят избавиться»¹⁷⁶.

Ф. Девинтер определяет свою партию как «антииммиграционную»¹⁷⁷. Интересны названия отдельных глав этой про грамматной работы: «Снежный ком иммиграции», «Бельгия или Бельгистан?», «Фламандцы – меньшинство в собственной стране?», «Ислам против Европы», «Мусульманское насилие», «Исламизация образования» и т.д. Картина, достаточно хорошо знако-

¹⁷⁵ Водак Р. Указ. соч. С. 345.

¹⁷⁶ Dewinter F. *Immigratie-invasie: de nieuwe kolonisatie*. Brussel: Egmont, 2012. P. 48-49.

¹⁷⁷ *Ibid.* P. 68.

мая и российскому читателю, эксплуатирующая образ «иммиграционного потока» и «Троянского коня», угрожающего «креposti-Европе». Что характерно, в вышедшей несколько лет спустя книге нового председателя партии Т. Ван Грикена острые углы сглажены: «“Фламандский интерес” никогда не винил в терактах всех мусульман», что не мешает автору в том же абзаце писать о «всё более явной исламизации»¹⁷⁸.

Для «Швейцарской народной партии» характерна эксплуатация в наглядной агитации образа инокультурного мигранта и связанных с этим образом коннотаций: бурка, мечеть, наконец, знаменитая кампания с «чёрными овцами». «Австрийская партия свободы» не отстаёт, используя в агитационных плакатах слово «исламизация» и пародируя иностранный акцент в немецком языке («Deutsch statt “nix versteh’n”» – «Немецкий вместо “не понимает”»), а также демонстрируя мечети и человека в гаммаке из греческого флага (что показывает противопоставление не только инокультурной миграции, но и восточно- и южноевропейской).

«Альтернатива для Германии» также концентрирует внимание избирателя на инородности элементов мусульманского быта: «Бурка? Мы предпочитаем бикини», «Бурка? Мы лучше выпьем бургундского». Также партия критикует мультикультурализм («Многообразие? У нас оно уже есть») и поток сирийских беженцев («Проведи свой “отпуск беженца” на родине!»). На демонстрации 15 декабря 2014 г. на плакатах «Альтернативы» был написан лозунг: «Скажем “нет” ненависти, насилию, Корану»¹⁷⁹. Аналогичной стратегии придерживается и «Национальное объединение» Марин Ле Пен: карта Франции, закрашенная цветами алжирского флага, прорывающие её минареты и лозунги «Чтобы остановить всё это, голосуй за НФ», «Единственное решение проблемы иммиграции», «В наших деревнях не бывать мигрантам!», «Иммигранты будут голосовать, а вы – нет?». Таким образом, очевидно, что континентальный западноевропейский правый популизм выстраивает свою электоральную стра-

¹⁷⁸ Van Grieken T. Toekomst in eigen handen: opstand tegen de elites. Amsterdam: Van Praag, 2017. P. 113.

¹⁷⁹ Ibid. P. 148.

тегию на оппозиции «Другому», притом не социально-экономическому, а именно этнокультурному. Чаще всего роль этнокультурного «Другого» выполняют мигранты-мусульмане, но «достаются» также и соседям из южных стран ЕС. В то же время представители Национального объединения обвиняют в проблемах западного общества так называемый исламизм, а не ислам в целом, как это делают Геерт Вилдерс и Оскар Фрейзингер.

В странах Вишеградской группы мусульманское меньшинство не столь многочисленно, как в Западной Европе, поэтому до недавнего времени в религиозном отношении для них было более характерно формировать положительную культурно-религиозную идентичность. «Народная партия» Мариана Котлебы акцентирует в своей агитации наследие Йозефа Тисо, роль традиций и католической веры (лозунг партии – «За Бога и народ»). В качестве «Других» чаще всего выступают ЕС и НАТО, однако в последнее время на митингах приверженцев Котлебы также появились перечёркнутые минареты. Чешская партия «Свобода и прямая демократия» Томио Окамуры также отметилась агитацией против «незаконной иммиграции».

Интересно рассмотреть данные о частотности индикаторов идеологического национализма в предвыборных программах некоторых европейских партий на выборах в нижние палаты парламентов с помощью базы данных «Проекта по исследованию предвыборных программ европейских партий» (European Manifesto Project, содержит анализ частотности ключевых дискурсивных элементов, каждому из которых присвоен соответствующий код). За основу был взят индикатор 601 «Позитивное отношение к национальному образу жизни» (включает положительные упоминания нации, истории, поддержку национальной идеи, призывы к гражданской гордости, патриотизму, ограничению некоторых прав и свобод в целях защиты государства). В результате проведённой работы с базой данных ЕМР стало возможным построить следующую таблицу 1.

Однако из перечисленных признаков, принимающихся во внимание при расчёте данного индикатора, очевидно, что речь идёт о гражданском, политическом национализме, в то время как национализм этнический, эксклюзивный (согласно дихото-

Таблица 1

Частотность употребления индикатора «Позитивное отношение к национальному образу жизни» в программах крупнейших европейских правопопулистских партий

Партия	Индикатор
Фламандский интерес (Бельгия, 2010)	0,293
Новый фламандский альянс (Бельгия, 2010)	0,368
Право и справедливость (Польша, 2011)	2,408
Партия свободы (Нидерланды, 2012)	4,135
Альтернативная демократическая партия реформ (Люксембург, 2013)	5,407
Датская национальная партия (2015)	5,476
Рассвет прямой демократии (Чехия, 2013)	5,498
Йоббик (Венгрия, 2014)	6,54
Словацкая национальная партия (2013)	6,542
Фидес (Венгрия, 2014)	7,365
От сердца – Латвии (2014)	8
Партия независимости Соединённого королевства (2015)	8,451
Шведские демократы (2014)	9,81
Истинные финны (2011)	10,452
Австрийская партия свободы (2013)	12,174
Альтернатива для Германии (2017)	12,351
Национальный фронт (Франция, 2017)	12,403
Эстонская консервативная народная партия (2015)	12,809
Золотая заря (Греция, 2015)	13,953
Национальные объединение (Латвия, 2014)	15
Хорватский демократический союз Славонии и Бараньи (2015)	15,909
Объединённые патриоты (Болгария, 2017)	16,327
Независимые греки (2015)	46,154

Источник: составлено автором на основе базы данных European Manifesto Project¹⁸⁰.

мии, предложенной Х. Коном¹⁸¹) составители базы упускают из вида. Поэтому, к примеру, у «Фламандского интереса», фокусирующегося на этническом фламандском национализме, противопоставленном гражданскому национализму бельгийской нации, индекс намного ниже, чем у «Австрийской партии свободы» или латвийского «Национального объединения», комбинирующих этнический национализм с гражданским.

¹⁸⁰ Volkens A., Lehmann P., Matthieß T., Merz N., Regel S., Weßels B. The Manifesto Data Collection. Manifesto Project (MRG/CMP/MARPOR). Version 2017b. Berlin: Wissenschaftszentrum Berlin für Sozialforschung (WZB), 2017. URL: <https://doi.org/10.25522/manifesto.mpd.2017b> (дата обращения: 17.03.2018).

¹⁸¹ См.: Кон Х. Идея национализма. В кн.: Мифы и заблуждения в изучении наций и национализма. М.: Новое издательство, 2010. С. 27-61.

1.4. Мультикультурализм в правопопулистском дискурсе¹⁸²

Несмотря на то что ряд ведущих европейских политиков заявили о «провале» мультикультурной стратегии интеграции мигрантов (федеральный канцлер Германии А. Меркель в 2010 г., премьер-министр Великобритании Д. Кэмерон и президент Франции Н. Саркози в 2011 г.), мультикультурализм как идея и практика по-прежнему выступает одним из конституирующих элементов современного либерального дискурса. Концепцию мультикультурализма развивали преимущественно в англоязычной литературе, – это У. Кимлика, Ч. Кукатас, Б. Парех. В России к этому явлению обращались такие авторы как А.В. Веретевская, А.И. Тэвдой-Бурмули, В.С. Малахов. Как правило, исследователям удаётся уйти как от однозначно комплиментарного, так и от негативного понимания мультикультурализма, в отличие от публицистов и журналистов. Тем не менее, и в научной среде не утихают споры о природе и возможностях этого феномена.

У. Кимлика определил мультикультурализм как «политику признания гражданских прав и культурной идентичности этнических меньшинств»¹⁸³. Ч. Кукатас разделял мультикультурализм на «мягкий» и «жёсткий», что более целесообразно перефразировать как пассивный (предполагающий отсутствие ассимиляционных мер со стороны государства) и активный (предполагающий некую специализированную государственную политику мультикультурной интеграции)¹⁸⁴. В случае любой из указанных трактовок необходимо разделять мультикультурность как статичную характеристику, присущую в той или иной степени большинству современных обществ, и мультикультурализм как динамическую политику государства и общественных групп. Некоторые исследователи обозначают эту дихотомию как «демографический» мультикультурализм (т.е. само наличие мно-

¹⁸² См. также: Осколков П.В. Мультикультурализм и европейские правые: в поисках Другого. Современная Европа, 2019, № 3. С. 83–91.

¹⁸³ Цит. по: Тэвдой-Бурмули А.И. Мультикультурализм: между панацеей и проклятием. Актуальные проблемы Европы, 2011, № 4. С. 15.

¹⁸⁴ Кукатас Ч. Теоретические основы мультикультурализма. InLiberty. URL: <http://old.inliberty.ru/library/265-teoreticheskie-osnovy-multikulturashylyzma> (дата обращения: 26.09.2019).

жества этнокультурных групп в единой политике) и «политический» мультикультурализм (некая политическая программа)¹⁸⁵. Возникнув в 1960-х гг. как один из возможных ответов на необходимость управления поликультурным обществом в Канаде, мультикультурализм за короткое время трансформировался в один из наиболее действенных политических мифов либеральной демократии. Безусловно, реализация мультикультурной стратегии не лишена национальной специфики в каждом конкретном случае, но всё же основные характеристики современной европейской и американской практики этнополитического менеджмента по отношению к иммигрантским общинам схожи. Изначально предназначенный для регулирования этнополитических рисков в условиях взаимодействия автохтонных этносов, мультикультурализм, столкнувшись с аллохтонной, инокультурной миграцией, не смог избежать ряда «ловушек» и существенных расхождений декларируемых принципов с практическим воплощением.

Так, А.В. Веретевская отмечает, что в странах Западной Европы пы широко декларирувавшийся мультикультурализм никогда не представлял собой стратегию, направленную на открытие политической системы для иммигрантских групп¹⁸⁶, ограничиваясь отдельными уступками общественной и культурной гетерогенности и не решая главную проблему мультикультурных обществ – проблему равноправного политического участия. Можно сказать, таким образом, что мультикультурализм сам по себе является порождением популистской стратегии ряда правительств, желающих путём зримой гетерогенизации удовлетворить общественный запрос на интеграцию мигрантов, при этом не создавая никаких системных и институциональных рамок для интеграции во всех сферах общественной деятельности. Мультикультурализм в его современном виде представляет собой следствие того, что В.А. Тишков называет «принципом

¹⁸⁵ Citrin J., Levy M., Wright M. Multicultural Policy and Political Support in European Democracies. *Comparative Political Studies*, 2014, Vol. 47(11). P. 1532.

¹⁸⁶ Веретевская А.В. Об опасностях политического мифа для общественного развития (на примере мифа о мультикультурализме в Европе). *Вопросы философии*, 2018, №5. С. 56.

группизма»¹⁸⁷ (который критикует и Р. Брубейкер): в представлении идеологов господствующей ныне в европейском политическом пространстве формы мультикультурализма, этничность и этнокультура присущи конкретным группам, которым и необходимо предоставлять соответствующие преференции, и не могут выходить за пределы этих групп, что совершенно ошибочно.

Такой подход ведёт, в том числе, к упомянутой «неполноценности» европейских мультикультурных практик. Отсюда вытекает и одно из явных противоречий мультикультурализма: либеральный принцип индивидуальных прав личности вступает в противоречие с принципом прав социокультурных групп¹⁸⁸. Логически, мультикультурализм приводит также и к тому, что В.С. Малахов именует «культурализацией социального»¹⁸⁹: социальные проблемы трактуются сквозь призму этнокультурной инаковости, «конфликты интересов истолковываются... как конфликты происхождения»¹⁹⁰, что ни в коей мере не способствует их решению, а часто усугубляет их. Один из известнейших теоретиков мультикультурализма и феминизма Сейла Бенхабиб даже считает, что подобная аберрация может вести «к подчинению моральной автономии личности движениям, выступающим за коллективную идентичность»¹⁹¹, что явно не входит в намерения либеральных политиков, провозглашающих мультикультурные идеалы.

Тем не менее, сложно отрицать, что мультикультурализм, несмотря на отдельные недостатки, стал одним из наиболее распространённых способов регулирования этнополитических рисков. Перефразируя У. Черчилля, мультикультурализм – не лучшая стратегия этнополитического менеджмента, если не считать всех остальных.

Постулируя необходимость смешения и взаимообогащения

¹⁸⁷ Тишков В.А. Реквием по этносу: исследования по социально-культурной антропологии. М.: Наука, 2003. С. 248.

¹⁸⁸ Тэвдой-Бурмули А.И. Этнополитическая динамика Западной Европы. М.: Аспект Пресс, 2018. С. 88.

¹⁸⁹ Малахов В.С. Понаехали тут... Очерки о национализме, расизме и культурном плюрализме. М.: Новое литературное обозрение, 2007. С. 157.

¹⁹⁰ Там же. С. 158

¹⁹¹ Бенхабиб С. Притязания культуры. Равенство и разнообразие в глобальную эру. М.: Логос, 2003. С. 63.

(но не ассимиляции) культур, мультикультурализм неизбежно стал мишенью для критики справа. Политический консерватизм не мог допустить превращения «плавильного котла» в «миску с салатом». И здесь мы затрагиваем другую ключевую тему правого и праворадикального дискурса – образ Другого.

Один из ключевых методологических приёмов социального конструктивизма – идентификация «значимого Другого». О.Ю. Малинова определяет Другого как «внешнюю по отношению к Я группу, в диалогическом сопоставлении с которой осуществляется идентификация Я»¹⁹². Вопрос о том, насколько тот или иной Другой действительно «значим», в большинстве случаев остаётся дискуссионным. Однако Другой, принадлежащий к иной культуре и, если угодно, цивилизационному ареалу, всегда отличался своей инаковостью. Один из наиболее действенных механизмов идентификации «Мы» – противопоставление с «Они». Они – другие, не такие, как мы, имплицитно – «не такие, как надо». М. Фуко писал: «Безумец – это другой по отношению к другим людям: другой (в смысле исключения) среди других (в смысле общего правила) <...>. Безумец – воплощение чистого различия, чужой *par excellence*»¹⁹³. В контексте современного «Западного мира» слово «безумец» спокойно можно было бы заменить на «инокультурный мигрант» – значимость этого Другого для общества сейчас намного больше.

Альтернативным мультикультурализму мифом всё чаще становится так называемая теория «великого замещения» – одно из наиболее влиятельных конспирологических построений последних лет. Теория подразумевает запланированную и последовательно осуществляемую «злонамеренными элитами» (национальными либо транснациональными) замену коренного населения Европы на инокультурных мигрантов в целях устранения «неудобных» европейских народов и обеспечения поддержки своих идеологических программ. Авторство теории «великого замещения» обычно приписывают французскому писателю Ре-

¹⁹² Малинова О.Ю. Дискурсивное использование Другого. В кн.: Идентичность: личность, общество, политика. М.: Весь Мир, 2017. С. 661.

¹⁹³ Фуко М. История безумия в классическую эпоху. М.: АСТ, 2010. С. 219-222.

но Камю, который ввёл это словосочетание в оборот в 2012 г. в одноимённой книге. Стоит, однако, иметь в виду, что эксплицитно данных конспирологических идей придерживаются далеко не все европейские правые. Тем более не позволяют себе подобные высказывания формальные лидеры правопопулистских партий, дабы не быть обвинёнными в конспирологии. Откровенная поддержка идей Камю и иных сторонников «замещения» на данный момент остаётся уделом либо маргинальных движений, либо рядовых членов и избирателей правопопулистских партий. Имплицитно, однако, антииммиграционная риторика подразумевает и потенциальную возможность подобного «заговора». Иногда употребляемое как синоним немецкое понятие *Umwolkung* (буквально «замещение народа», также иногда «этноморфоз») имеет иные коннотации. Так, его активно упоминали теоретики немецкого национал-социализма как одну из стратегий расширения «жизненного пространства» (*Lebensraum*) немецкого народа.

Израильская исследовательница Бат Йеор пришла к выводу о том, что, якобы, страны Европейского союза, в стремлении избежать повторения экономического кризиса 1973 г., заключили соглашение в 1970-е гг. с арабскими государствами о фактической экстерриториальности граждан последних в Европе (наряду с пропалестинской политикой и последовательной делегитимизацией Государства Израиль)¹⁹⁴. Так возникла теория «Еврабии» у некоторых правопопулистских идеологов и даже авторов, формально не аффилированных с тем или иным идеологическим лагерем (О. Фаллачи, М. Уэльбек).

С появлением теории «великого замещения» иррациональный страх Другого, во-первых, приобретает квазирациональное обоснование, во-вторых, позволяет расширить его до радикального антиэлитизма, служащего одной из наиболее питательных почв для правопопулистских партий и движений. Опасность подобных теорий для граждан, чья первоначальная политическая социализация проходит именно в русле конспирологических идей, убедительно продемонстрировала трагедия в Новой Зе-

¹⁹⁴ Ye'Or B. *Eurabia: The Euro-Arab Axis*. Madison: The Fairleigh Dickinson University Press, 2005. P. 65.

ландии: террорист Брендон Таррант, расстрелявший прихожан двух мечетей в городе Крайстчёрч, незадолго до своего преступления опубликовал манифест, который так и назывался – «Великое замещение».

Мультикультурализм как стратегия интеграции мигрантов становится удобной мишенью правопопулистских партий, которая, вместе с упомянутой ранее конспирологической теорией «великого замещения», позволяет подвести теоретическую базу под страх перед иммиграцией и её секьюритизацию. Хорошо сочетается критика мультикультурализма и со свойственным правым популистам антиэлитизмом: по представлениям, формируемым правопопулистским дискурсом, социал-демократические и леволиберальные правительства целенаправленно проводят соответствующую стратегию, чтобы «размыть» традиционную европейскую идентичность.

Интересный пример эксплуатации правыми популистами страха перед мигрантами – их реакция на подписание рядом правительств Глобального договора ООН о безопасной, упорядоченной и легальной миграции (Марракешского пакта), который был утверждён 10 декабря 2018 г. Бельгийская правопопулистская партия «Новый фламандский альянс» в знак протеста против подписания договора премьер-министром страны Ш. Мишелем покинула правительство (и впоследствии заблокировала работу «временного правительства»). Массовые выступления прошли во Франции, в Эстонии и многих других европейских странах, в очередной раз показав по-прежнему большой потенциал секьюритизации угроз, связанных с миграцией. Представители другой бельгийской правопопулистской партии «Фламандский интерес» совместно с лидером французского «Национального объединения» Марин Ле Пен и американским политиком-республиканцем С. Бэнноном выступили на митинге в Брюсселе 8 декабря с осуждением договора¹⁹⁵. Также в Брюсселе на 15 декабря был запланирован «Марш против Марракеша», организаторами которого выступили несколько правых организаций, такие как «Форпост», «Щит и друг», «Католический союз фламандских студентов» и «Союз студентов-националистов».

¹⁹⁵ Bulletin Quotidien Europe. 2018. №12156. 10.12.

Брюссельское региональное правительство запретило марш, а премьер-министр Брюссельского столичного региона Р. Верворт назвал его «коричневым маршем»¹⁹⁶.

Один из лидеров «Эстонской консервативной народной партии», ныне вошедшей в правительство Эстонии, М. Хельме, заявил, что «Марракешский договор – это сплетённый за спинами мононациональных государств заговор, стремящийся вопреки конституционному порядку превратить нас в пункт назначения для иммиграции. Это основательная программа по ликвидации мононациональных государств и поощрению мультикультурализма (*sic!*)»¹⁹⁷. 15 ноября 2019 г. ЭКНП провела пикет у здания эстонского правительства (один из главных лозунгов: «Настоящая опасность для белой Европы»). Если этот пикет прошёл достаточно мирно, то в ходе аналогичной демонстрации 26 ноября произошёл конфликт между националистами и социал-демократами, и кандидат в депутаты парламента от последних Индрек Таранд был жестоко избит. Также 9 декабря несколько эстонских праворадикальных движений, в том числе «Солдаты Одина», объединяющие эстонских и русских националистов, организовали демонстрацию на центральной площади Таллина, где звучали антиправительственные и расистские лозунги, а также призывы к президенту Керсти Кальюлайд, по словам митингующих, «предавшей интересы Эстонии», уйти в отставку¹⁹⁸.

Однако вето должно быть конструктивным. Взамен евроинтеграции правый популизм предлагает «Европу наций», а взамен либеральных этических ценностей – «традиционную христианскую семью». Правая альтернатива мультикультурализму

¹⁹⁶ La Région bruxelloise confirme l'interdiction de la «Marche contre Marrakech». Le Soir, 13.12.2018. URL: <https://www.lesoir.be/195430/article/2018-12-13/la-region-bruxelloise-confirme-linterdiction-de-la-marche-contre-marrakech> (дата обращения: 26.09.2019).

¹⁹⁷ EKRE собирает подписи против присоединения к Марракешскому договору о миграции. Postimees, 12.11.2018. URL: <https://rus.postimees.ee/6451354/ek-re-sobiraet-podpisi-protiv-prisoedineniya-k-marrakeshskomu-dogovoru-o-migracii> (дата обращения: 26.09.2019).

¹⁹⁸ Gnadenteich U., Maripuu M. Video: välismaalane ründas rändepakti vastaste meelevaldust. Postimees, 09.12.2018. URL: <https://www.postimees.ee/6473293/video-valismaalane-rundas-randepakti-vastaste-meelevaldust> (дата обращения: 29.09.2019).

– этноплюрализм (или этнодифференциализм). Это учение вышло в рамках наследия французских «Новых правых» – группы GRECE (Groupement de recherche et d'études pour la civilisation européenne, «Группа исследований европейской цивилизации»). Одним из наиболее последовательных адептов этноплюрализма стал Ален де Бенуа (что, среди прочего, послужило поводом к его разрыву с другим «патриархом» «Новых правых» – Гийомом Фаем, которому тезис о равнозначности культур оказался не близок). Именно у де Бенуа мы читаем: «Защита укоренённости в традиции – одновременно защита разнообразия. Перед лицом тех, кто хочет создать единый, одномерный мир, нужно снова утвердить легитимность различий. То есть легитимность идентичностей, которые были бы не только индивидуальными, но прежде всего коллективными»¹⁹⁹. Очередной любопытный парадокс: если применительно к мультикультурализму принцип группизма и коллективных прав рассматривается как нежелательный побочный эффект, то этноплюрализм как раз и рассматривает его как желанную цель. Примечателен «спор о хиджабе» – общественная дискуссия относительно права носить видимые религиозные атрибуты и религиозную одежду в публичных местах, которая разгорелась во Франции в конце 1990-х гг. «Новые правые» вошли в лагерь сторонников «разрешения хиджабов»²⁰⁰ – в полном соответствии с принципами де Бенуа. Сторонники этноплюрализма обвиняют адептов мультикультурализма как раз в антидемократическом обезличивании этнокультурных групп, в то время как сами они формально выступают за абсолютизированное «право на инаковость», право каждого этноса на сохранение идентичности – понимаемое как право оставаться замкнутыми и отделёнными друг от друга сообществами. Однако важна оговорка: подобные права должны быть реализованы сугубо в рамках «своего» общества, и каждый этнос должен развиваться в рамках собственного географического ареала. При этом «смешение культур» рассматривается как

¹⁹⁹ Де Бенуа А. Против либерализма: к четвёртой политической теории. М.: Амфора, 2009. С. 14.

²⁰⁰ Хлебников М. Топор Негоро. Скитания европейских «реакционных» интеллектуалов в XX веке. М.: Издание книжного магазина «Циолковский», 2019. С. 253.

«интеллектуальная», а то и биологическая, «смерть человечества»²⁰¹.

Таким образом, генезис этноплюрализма, основанный на идеях расовой гигиены, носит принципиально иной характер, чем генезис мультикультурализма, «вышедшего» из либеральной политической мысли. Иное происхождение позволяет ему избежать «родовых травм» последнего, но и одновременно несёт в себе собственные противоречия, которые разрешить так же сложно. Означает ли реализация этноплюралистических идей немедленную депортацию уже находящихся в стране и даже натурализованных мигрантов? Как подобные меры могут сочетаться с многочисленными ссылками на «права сообществ»? Или же идеал этноплюралистов воплощают мигрантские «анклавы», возникшие в ряде европейских городов как побочный продукт мультикультурной политики? В этом случае, не служат ли этноплюрализм и мультикультурализм (в его нынешней форме) одной и той же цели? Список вопросов можно и нужно продолжить.

«Новые правые» в чистом виде сейчас не присутствуют на политической сцене, но их идейное наследие наиболее очевидно в построениях западноевропейских правопопулистских партий (прежде всего французских, бельгийских, нидерландских и германских). Также на идеи «Новых правых» опирается панъевропейское идентитарное движение (не принявшее пока партийной формы), основной институциональный компонент которого – французское движение «Идентитарное поколение» («Génération Identitaire»). Именно эти партии и движения сейчас в наибольшей степени противодействуют мультикультуралистскому дискурсу, предлагая в качестве необходимой альтернативы декларируемый этноплюрализм.

Несмотря на все противоречия, мультикультурализм, понимаемый как серия политических мер, направленных на интеграцию мигрантов, остаётся наиболее эффективной стратегией этнополитического менеджмента. В силу своей тесной дискурсивной сопряжённости с миграцией, прежде всего инокультурной, данная стратегия была и остаётся уязвимой для критики со сто-

²⁰¹ Shekhovtsov A. Apoliteic music: Neo-Folk, Martial Industrial and «metapolitical fascism». *Patterns of Prejudice*, 2009, Vol. 43(5). P. 446.

роны правых популистов и идентитаристов, способных, как им кажется, предложить альтернативную концепцию этноплюрализма, не менее уязвимую в концептуальном плане. Поскольку популистская стратегия основана на эксплуатации общественных страхов, а страх Другого – один из базовых, присущих любому обществу, мультикультурализм и идеи правопопулистских/праворадикальных движений будут вступать в противоречие до тех пор, пока существует объект их спора – инокультурные мигранты в Европе.

2. ОСОБЕННОСТИ И ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ПРАВОГО ПОПУЛИЗМА В ОТДЕЛЬНЫХ СТРАНАХ И СУБРЕГИОНАХ ЕС

2.1. Правый популизм в странах Бенилюкса

Пример стран Бенилюкса позволяет, с одной стороны, дать представление о возможных вариантах именно западноевропейского правого популизма, с другой стороны, продемонстрировать различия правопопулистских моделей даже в рамках одного субрегионального кластера. Различия эти, несомненно, присутствуют, и выражаются как на эмпирическом уровне, так и на уровне ключевых характеристик, дающих основание отнести ту или иную партию к правопопулистским.

Так, в партийных системах стран Западной Европы национализм, неизменно характерный для идеального типа правопопулистской идеологической базы, как правило, принимает не сугубо этническое, а цивилизационное²⁰², ценностное и культурное обличье. Иными словами, речь здесь идёт обычно не о «голландцах/французах/немцах/фламандцах против арабов/турков», а о «Западе/Просвещении/иудео-христианских ценностях против Востока/ислама». Хорошо это заметно, в том числе, на примере нидерландской «Партии свободы», как и предшествовавшего ей «Списка Пима Фортёйна». Характерны слова лидера

²⁰² Cf.: Brubaker R. Between nationalism and civilizationism: the European populist moment in comparative perspective. *Ethnic and Racial Studies*, 2017, vol. 40, №8. P. 1191-1226; Верховский А., Паин Э. Цивилизационный национализм: российская версия «особого пути». *Политическая концептология*, 2013, №4. С. 23-46.

«Партии свободы» Г. Вилдерса, произнесённые в 2011 г. в Риме: «Как представители Запада, мы разделяем такую же иудейско-христианскую культуру. (...) Наши национальные культуры – это ветки одного дерева»²⁰³.

Однако национализм – лишь одна из черт правого популизма, и далее мы рассматриваем особенности как национализма, свойственного тем или иным партиям, так и иных ключевых дискурсивных и институциональных характеристик правопопулистских партий данного региона²⁰⁴.

Правый популизм в Нидерландах. Историю правого популизма в Нидерландах принято отсчитывать с появления на политической сцене страны профессора Пима Фортёйна. Он впервые создал политическую партию, успешно эксплуатирующую антииммигрантские настроения, осторожный евроскептицизм и образ харизматического лидера. Однако партия «Список Пима Фортёйна» (Lijst Pim Fortuyn, LPF, СПФ), хотя и прошла в парламент после убийства своего лидера в 2002 г., вскоре распалась.

Ныне основная правопопулистская партия Нидерландов – «Партия свободы» (Partij voor de Vrijheid, PVV, ПС) под руководством Геерта Вилдерса. В стране есть и другие правые игроки, но их или трудно причислить к популистам («Нидерландский народный союз» скорее представляет собой правоэкстремистское объединение), или они уже практически сошли с политической сцены («Гордость за Нидерланды» экс-министра интеграции и миграции Риты Вердонк).

После убийства П. Фортёйна на правом фланге нидерландского партийного поля образовался вакуум, который пытались заполнить несколько партий – «Партия за Нидерланды», «Единые Нидерланды», «Список-5 Фортёйна»²⁰⁵. Успех ожидал только «Партию свободы», созданную в 2006 г., после того как Г. Вилдерс покинул праволиберальную «Народную партию за сво-

²⁰³ Цит. по: Водак Р. Политика страха. Харьков: Гуманитарный центр, 2018. С. 123.

²⁰⁴ Подробнее см.: Осколков П.В. Правый популизм в странах Бенилюкс в сравнительной перспективе. Современная Европа, 2017, №5. С. 54-62.

²⁰⁵ Van Kessel S. Explaining the Electoral Performance of Populist Parties: The Netherlands as a Case Study. Perspectives on European Politics and Society, vol. 12, №1. P. 83.

боду и демократию» из-за разногласий по поводу возможного членства Турции в ЕС.

«Партия свободы» организационно представляет собой достаточно интересное явление: у неё отсутствуют такие признаки партии, как фиксированное членство, устав или штаб-квартира. Официально в партии есть только один член – Геерт Вилдерс, все остальные представляющие партию депутаты – члены «депутатской группы Вилдерса». Вероятнее всего, такая специфическая структура была создана во избежание внутренних конфликтов, погубивших партию Фортёйна. Здесь уместно вспомнить классификацию отношений между партией и депутатами М. Дюверже, который выделял, в частности, модель доминирования партии над парламентариями²⁰⁶, характерную для партий с авторитарной структурой. М. Дюверже писал в этом контексте о коммунистических и фашистских партиях, однако и в середине XX в., когда была написана эта работа, и в настоящее время подобная структура встречается у партий с самой разной идеологической базой.

Благодаря PR-ходам Вилдерса (выпуск фильмов, агрессивная риторика) популярность партии быстро росла: уже в 2009 г. её поддерживали около четверти избирателей²⁰⁷. Основа политической риторики Г. Вилдерса – борьба против «исламизации Европы» (см., к примеру, запись политика в Twitter: «Нам нужно провести массовую демонстрацию против исламизации Нидерландов и Европы»²⁰⁸, а также официальное предложение депутатов Генеральных штатов Вилдерса и М. де Граафа обратиться к правительству с просьбой «сделать деисламизацию одним из направлений политики»²⁰⁹) и так называемого «исламофашиз-

²⁰⁶ Дюверже М. Политические партии. М.: Академический проект, 2018. С. 246.

²⁰⁷ Vossen K. Populism in the Netherlands after Fortuyn: Rita Verdonk and Geert Wilders Compared. Perspectives on European Politics and Society, 2010, vol. 11, №1. P. 23.

²⁰⁸ Geert Wilders (2017). Запись в Twitter: 8 июля в 00:14. URL: <https://twitter.com/geertwilderspvv/status/883585049597267970> (дата обращения: 07.10.2018).

²⁰⁹ Motie van de leden De Graaf en Wilders over de-islamisering als doelstelling. Tweede Kamer, vergaderjaar 2017-2018, 34 775 XV, №23. URL: <https://www.tweedekamer.nl/kamerstukken/moties/detail?id=2017Z18680&did=2017D38494>; за предложение предсказуемо проголосовали все депутаты, представляющие

ма» (запись Вилдерса в Twitter: «Настоящее вторжение. Турки, которые здесь празднуют победу исламофашизма Эрдогана. Не интеграция, а колонизация»²¹⁰). Вторая мишень Вилдерса – левые политики и политические партии. «Партия свободы» обвиняет «левую элиту» в культурном и моральном релятивизме, ставит ей в вину отказ признать ислам угрозой (см. запись Вилдерса в Twitter: «Эй, неудачники из левой элиты, радуйтесь моей оговорке, но мы очень скоро деисламизируем Нидерланды, и это не оговорка!»²¹¹). Также Вилдерс в классическом для популистов стиле критикует элиту за поддержку традиционной для Нидерландов «польдерной модели» – системы трёхсторонних консультаций правительства, бизнеса и профсоюзов²¹². «Партия свободы» считает, что такая модель подразумевает тайные сделки между участниками переговорного процесса. Главный конфликт, на котором строится идеология Вилдерса, – конфликт цивилизаций²¹³, Запада и ислама, шире – Запада и не-Запада. Подобное мышление Г. Вилдерса хорошо демонстрирует его речь 5 декабря 2010 г. в Тель-Авиве: «Ваша страна – колыбель западной цивилизации. Не зря мы называем эту цивилизацию иудеохристианской. (...) Иерусалим – передовой рубеж, который защищает нашу общую цивилизацию»²¹⁴.

Партию свободы, а против – все остальные депутаты Первой палаты ГШ.

²¹⁰ Geert Wilders. Запись в Twitter: 24.06.2018 в 20:38. URL: <https://twitter.com/geertwilderspvv/status/1011091191352446976> (дата обращения: 07.10.2018). Сам термин «исламофашизм» ввёл в оборот французский историк-востоковед Максим Родинсон, обозначивший так политический режим Ирана после Исламской революции.

²¹¹ Geert Wilders. Запись в Twitter: 26.02.2017 в 10:23. URL: <https://twitter.com/geertwilderspvv/status/835918270742028290> (дата обращения: 07.10.2018). Имеется в виду оговорка, которую Г. Вилдерс сделал 26 февраля 2017 г. в интервью немецкой телекомпании ARD, сказав, что П. Фортёйна убил приверженец радикального ислама. На самом деле П. Фортёйн был убит левым активистом Ф. ван дер Граафом. См.: Wilders «verspreekt zich» over moord op Fortuyn. De Standaard, 26.02.2017. URL: http://www.standaard.be/cnt/dmf20170226_02752546 (дата обращения: 07.10.2018).

²¹² Wilders G. Onafhankelijkheidsverklaring. Partij voor de Vrijheid, 13.03.2005. URL: <https://www.pvv.nl/index.php/component/content/article/30-publicaties/684-onafhankelijkheidsverklaring> (дата обращения: 07.10.2018).

²¹³ Vossen K. Populism in the Netherlands after Fortuyn... P. 27-30.

²¹⁴ Speech Geert Wilders, Tel Aviv, December 5 2010. GeertWilders.NL. URL: <https://www.geertwilders.nl/index.php/in-english-mainmenu-98/in-the-press-main>

Убеждения лидера «Партии свободы» прошли эволюцию от консервативного либерализма к неоконсерватизму по американскому образцу, завершившись собственной версией национал-популизма²¹⁵. Консервативный либерализм характерен для «Народной партии за свободу и демократию» – упомянутой выше одной из партий истеблишмента, членом которой Вилдерс был до основания ПС. Архаическим идеалом лидеру партии Ф. Болкестейну виделся нидерландский «Золотой век» (XVII столетие). Переход Вилдерса к неоконсерватизму американского образца был во многом обусловлен поддержкой его деятельности со стороны консервативного просветительского Фонда Эдмунда Бёрка. Большое влияние на Г. Вилдерса оказала неоконсервативная «теория нового класса», в рамках которой «элита» – единый организм, враждебный прямой демократии²¹⁶.

В итоге лидер «Партии свободы» логически обратился к правому популизму, что предопределило более жёсткую критику ислама и глобализма, выступления за прямую демократию (в том числе прямые выборы мэров и судей) и смену экономической доктрины. Неоконсервативные либеральные идеи уступили место левому интервенционизму, характерному для экономической программы многих европейских популистов²¹⁷. Также Вилдерс показал себя как сторонник идеи паннидерландизма (объединения всех нидерландоговорящих земель в одном государстве, в данном случае речь шла о присоединении Фландрии к Нидерландам²¹⁸). Такова ещё одна из отличительных черт европейской правой идеологии – национализм как стремление к совпадению политической и этнической единиц (по Э. Геллнеру – см. далее).

Однако партиципаторная политическая культура Нидерлан-

[menu-101/77-in-the-press/1731-speech-geert-wilders-tel-aviv-december-5-2010](#)
(дата обращения: 07.10.2018).

²¹⁵ Vossen K. Classifying Wilders: The Ideological Development of Geert Wilders and His Party for Freedom. Politics, 2011, vol. 31, №3. P. 180.

²¹⁶ Vossen K. The Power of Populism: Geert Wilders and the Party for Freedom in the Netherlands. London: Routledge, 2016. P. 38.

²¹⁷ Vossen K. Classifying Wilders... P. 185-186.

²¹⁸ Bosma M., Wilders G. Nederland en Vlaanderen horen bij elkaar. NRC Handelsblad, 07.07.2008. URL: <https://www.nrc.nl/nieuws/2008/07/07/nederland-en-vlaanderen-horen-bij-elkaar-11569059-a459290> (дата обращения: 07.09.2018).

дов подразумевает широкий национальный консенсус по большинству вопросов и высокий уровень толерантности (индекс DEREK в стране в 2017 г. – 1%). Доминирующая в стране секулярная либерально-демократическая традиция диктует либертарный подход к биополитике²¹⁹. Поэтому, чтобы не разделить участь маргинальных акторов, «Партия свободы», в отличие от многих европейских (крайне) правых партий, придерживается либертарианской этической программы: Вилдерс позиционирует себя как сторонник полной и последовательной легализации эвтаназии, абортов, эмансипации женщин, расширения прав представителей ЛГБТ²²⁰.

Программа ПС на парламентских выборах 2017 г. вызвала вал критики, в том числе из-за своей лапидарности: Вилдерс уместил все свои программные положения на одном листе формата А4 под заголовком «Нидерланды снова наши». Они включали краткие лозунги о «деисламизации Нидерландов» (в том числе закрытие всех мечетей и мусульманских школ и запрет на распространение Корана), выходе из ЕС, введении прямой демократии, а также популистские экономические лозунги повышения зарплат, снижения налогов и индексации пенсий – без какой-либо детализации необходимых тактических мер для достижения данных целей²²¹. Попытка составить «облако тегов» (визуализацию частотности слов) в программе ПС (2017 г.) продемонстрировала, что наиболее часто встречаются в документе слова (за вычетом служебных слов, глаголов, составных частей названия партии и названия страны) «мусульманский», «закрытый», «деньги», «убежище» и «хватит», что достаточно наглядно демонстрирует дискурсивные приоритеты партии²²².

²¹⁹ Биополитику можно понимать как политические меры, направленные на государственное регулирование сфер здоровья, рождаемости и сексуальности, однако сюда же вписываются идеи «расовой гигиены» и борьбы против ЛГБТ. Наиболее известны концепции биополитики Мишеля Фуко и Джорджо Агамбена. Подробнее см.: Makarychev A., Medvedev S. Biopolitics and Power in Putin's Russia. Problems of Post-Communism, 2015, vol. 62, №1. P. 45-54; Makarychev A., Yatsyk A. Critical Biopolitics of the Post-Soviet. NYC: Lexington Books, 2019. 216 p.

²²⁰ Vossen K. Classifying Wilders... P. 186.

²²¹ Nederland weer van ons! Partij voor de Vrijheid, 2017. URL: <https://www.pvv.nl/visie.html> (дата обращения: 11.11.2018).

²²² Частотность слов здесь и далее посчитана с помощью программы и сайта

Несколько лет назад в Нидерландах возник ещё один право-популистский актор – партия «Форум за демократию» (Forum voor Democratie, ФзД), основанная философом Тьерри Бодэ. Она возникла в 2015 г. как аналитический центр в рамках кампании GeenPeil (букв. «не измерить», имеется в виду, вероятно, невозможность принудительно унифицировать позиции всех стран – членов ЕС) по организации референдума об отказе от ратификации Соглашения ЕС с Украиной. Кампания была использована, чтобы стимулировать общественную дискуссию о преимуществах прямой демократии, и шла под лозунгом «Вместе спасём демократию». GeenPeil собрало достаточное количество подписей, чтобы провести референдум о ратификации 6 апреля 2016 г. Пришедшие проголосовали против ратификации договора, но явка на референдуме была крайне низкой, всего 32% (тем не менее, достаточной для признания его состоявшимся). Примечательно, что движение поддержали Социалистическая партия и Партия защиты животных, тем самым продемонстрировав своё отношение к «евробюрокрации». Из GeenPeil образовалось несколько политических партий, но электоральный успех ждал только «Форум» – во многом благодаря фигуре харизматического лидера Т. Бодэ. В 2016 г. «Форум» стал политической партией, а в 2017 г. принял участие в выборах в нижнюю палату Генеральных штатов, на которых получил 1,78% голосов и 2 депутатских кресла. 20 марта 2019 г. в нидерландских провинциях прошли выборы в Провинциальные штаты, по результатам которых «Форум» получил 12 из 75 мест в верхней (Первой) палате парламента и стал, таким образом, одной из двух крупнейших партий в сенате, наряду с «Народной партией за свободу и демократию».

Партия, по словам Т. Бодэ, выступает в защиту «нидерландских ценностей» и за прямую демократию. Основные пункты партийной программы – слом господства «партийного картеля» (блока партий истеблишмента, кулуарно решающих все внутри- и внешнеполитические вопросы и не допускающих «аутсайдеров» до принятия решений), принятие «закона о защите нидерландских ценностей» (помещённое в контекст ассимиляции ми-

грантов), введение прямой демократии и регулярное проведение референдумов «по швейцарской модели», в частности, референдумов о членстве в еврозоне и «открытых границах» ЕС, а также переход к всенародным выборам премьер-министра²²³.

Об идеологических приоритетах «Форума» говорят и названия книг её основателя: «Атака на национальное государство» (подразумевается, что Европейский союз стремится разрушить европейские нации-государства), «Консервативный прогресс», «За Европу, против ЕС». Особенно часто в дискурсе Бодэ встречается термин «ойкофобия», позаимствованный у консервативного философа Р. Скратона (который был оппонентом на защите диссертации Т. Бодэ в Лейденском университете в 2012 г.). Термин означает, в понимании «Форума за демократию», «патологическую боязнь своих»²²⁴ – имеется в виду якобы имеющее место в политическом мейнстриме пренебрежение собственными национально-культурными ценностями и «положительная дискриминация» в пользу инокультурных иммигрантов. Интересно, что в эпилоге к своему *magnum opus*, книге «Атака на национальное государство», основанной на защищённой в Лейденском университете диссертации, Т. Бодэ призвал к «мультикультурному национализму». Бодэ подразумевает сохранение некой «основной национальной идентичности» у множества этнических групп, населяющих то или иное государство²²⁵, т.е. некое смешение идеи гражданской нации с концепцией этноплюрализма французских «Новых правых». В 2019 г. в речи после выборов в Провинциальные штаты Т. Бодэ отнёс Нидерланды к «нашему бореальному миру» (*onze boreale wereld*)²²⁶, что буквально можно трактовать как «северный» или «нордический»; именно такие конструкции употребляли, говоря о Европе, французские (ультра)правые политические и культурные

²²³ Waar staat Forum voor Democratie in het politieke spectrum? Forum voor Democratie. URL: <https://forumvoordemocratie.nl/standpunten> (дата обращения: 11.11.2018).

²²⁴ Baudet T. Oikofobie: de angst voor het eigene. Amsterdam: Bert Bakker, 2013. 248 p.

²²⁵ Baudet T. De aanval op de natiestaat. Amsterdam: Prometheus, 2017. P. 346

²²⁶ Van Mersbergen S. Oikofobie? Boreaal? Immanent? Oftewel: wat zei Baudet? Algemeen Dagblad, 21.0.2019. URL: <https://www.ad.nl/politiek/oikofobie-boreaal-immanent-oftewel-wat-zei-baudet/> (дата обращения: 09.09.2019).

деятели Доминик Веннер и Жан-Мари Ле Пен.

Один из наиболее авторитетных нидерландских консервативных политиков Ф. Болкестейн, бывший лидер «Народной партии за свободу и демократию», однако, усомнился в том, что у Т. Бодэ есть некая конкретная идеологическая программа: «Я точно не знаю, чего хочет Бодэ, это по-прежнему неясно. Но у него хорошие электоральные результаты, потому что он привлекателен для телевизионной аудитории. Привлекательность всегда приносит места в парламенте»²²⁷. Указанная неясность в целом характерна для многих популистских партий, но, как нам кажется, именно «Форум за демократию» обозначает свои идеологические предпочтения достаточно ясно, в отличие от, к примеру, «Гордости за Нидерланды» Риты Вердонк.

В упрощённом виде можно расположить «Форум за демократию» на шкале радикализма правых взглядов между праволиберальной правящей «Народной партией за свободу и демократию» и «Партией свободы» Г. Вилдерса. Соответственно, партия может рассчитывать на определённую долю голосов избирателей, которым не импонируют ни «слишком радикальный» Вилдерс, ни нынешнее правительство. Справедливость таких расчётов подтверждают упомянутые итоги выборов в Провинциальные штаты, на которых «Партия свободы» потеряла четыре мандата. По результатам опроса, проведённого бюро Ipsos, 31% избирателей, которые в 2019 г. проголосовали за «Форум», в 2017 г. отдали свой голос партии Вилдерса; таким образом, ПС стремительно теряет электорат²²⁸.

СМИ представляют Т. Бодэ одной из главных угроз для стабильности нидерландской политической системы и даже более демонической фигурой, чем Г. Вилдерс. Вероятно, это связано с тем, что «Партия свободы» за 12 лет существования уже воспринимается как привычный элемент политического ландшафта страны, в то время как любой немаргинальный актор на том

²²⁷ Sommer B. Baudet en Bolkestein clashen over nut Europese Unie. Elsevier Weekblad, 19.01.2018. URL: <https://www.elsevierweekblad.nl/nederland/achtergrond/2018/01/577703-577703/> (дата обращения: 07.09.2018).

²²⁸ Huygen M., Wassens R. Vooral mannen kiezen voor Forum voor Democratie. NRC Handelsblad, 21.03.2019. URL: <https://www.nrc.nl/nieuws/2019/03/21/fvd-aantrekkelijk-voor-klimaatscepticus-a3954192> (дата обращения: 09.09.2019).

же идеологическом фланге видится нарушителем стабильности и покоя. Особое внимание комментаторы уделяют недостаточности внутрипартийной демократии («многие члены ФзД не понимают, что они стали частью партии без демократической структуры»²²⁹), а также неосторожным заявлениям отдельных членов партии (о «более низком IQ» представителей небелых рас), которые даже позволили министру внутренних дел К. Оллонгрэн заявить, что «Бодэ заходит дальше Вилдерса», нарушая негласное табу на вульгарный расизм²³⁰.

Правый популизм в Бельгии. В условиях бельгийской партийной системы, разделённой на фламандскую и валлонскую, уместно говорить о правом популизме во Фландрии, представленном партиями «Фламандский интерес» (Vlaams Belang, ФИ; до 2004 г. – «Фламандский блок», Vlaams Blok) и «Новый фламандский альянс» (Nieuwe Vlaamse Alliantie, N-VA, НФА), и правом популизме в Валлонии, который представлен партией «Национальная демократия» (Démo­cratie Nationale, до 2012 г. – «Национальный фронт»).

«Фламандский блок» был создан в 1978 г. в результате слияния «Фламандской национальной партии» (Vlaamse Nationale Partij) и «Фламандской народной партии» (Vlaamse Volkspartij). Необходимо понимать, что образование соответствующей партии – одно из проявлений т.н. Фламандского движения. Фламандское движение – направление в общественно-политической мысли Бельгии, ставящее своей целью достижение максимальной автономии Фландрии²³¹. Оно действовало с середины XIX в. и институционально воплотилось в различных политических движениях (самые известные – Voorpost, Were Di, Taal Actie Comité), студенческих союзах, просветительских фондах и, нако-

²²⁹ Aalberts C. De nieuwste, ondemocratische puinhoop op rechts: Forum voor Democratie. The Post Online, 06.02.2018. URL: <https://tpo.nl/column/chris-aalberts-nieuwste-ondemocratische-puinhoop-op-rechts-forum-democratie/> (дата обращения: 07.09.2018).

²³⁰ Ollongren: Baudet gaat verder dan Wilders. De Telegraaf, 02.02.2018. URL: <https://www.telegraaf.nl/nieuws/1623872/ollongren-baudet-gaat-verder-dan-wilders> (дата обращения: 07.09.2018).

²³¹ См. также: Осколков П.В. Политические системы и политические культуры стран Бенилюкс. В кн.: Политическая компаративистика. М.: Аспект Пресс, 2020. С. 597-608.

нец, партиях. Неудивительно, что одним из столпов идеологии «Фламандского блока» стал фламандский сепаратизм²³². Идеология ФБ воплощает понимание национализма по Э. Геллнеру: «Национализм – это, прежде всего, политический принцип, суть которого состоит в том, что политическая и национальная единицы должны совпадать»²³³. До тех пор, пока национальной фламандской единице соответствует лишь автономия без действительной независимости, устремления ФБ не достигнуты. Официальный лидер партии Том Ван Грикен писал в 2017 г.: «Моя партия и я сам выступаю за независимость Фландрии»²³⁴. Во многом непреходящая актуальность регионализма связана с состоянием общебельгийской идентичности: всего 28% фламандцев и 39,8% валлонов считают себя бельгийцами²³⁵. Впрочем, нельзя сказать, что идея независимой фламандской республики очень популярна: в октябре 2015 г. Институт социологических исследований при Католическом университете Лувена (Institute for Social and Political Opinion Research, ISPO) провёл опрос, показавший, что за раздел Бельгии выступают 6,4% бельгийских подданных, а 36,4% предпочитают расширение полномочий Фландрии и Валлонии²³⁶.

Основа идеологии партии, наряду с сепаратизмом, – правый консерватизм. Идеологи «Фламандского интереса» (название партии с 2004 г., о причинах чего см. далее) описывают партийную платформу как «независимость Фландрии, сопротивление мультикультурализму и защиту традиционных западных цен-

²³² Подробнее см.: Осколков П.В. Сепаратизм в идеологии и практике фламандских правопопулистских партий. Вестник МГИМО-Университета, 2017, № 5 (56). С. 169-182; Прохоренко И.Л. Европейская интеграция и проблема сепаратизма в государствах-членах Европейского союза. М.: ИМЭМО РАН, 2018. С. 28.

²³³ Геллнер Э. Нации и национализм. М.: Прогресс. С. 23.

²³⁴ Van Grieken T. Toekomst in eigen handen: opstand tegen de elites. Amsterdam: Van Praag, 2017. P. 282.

²³⁵ Ормонбеков Ж.Т. Единство в многообразии: применение европейского постулата в реализации инклюзивной языковой политики в Бельгии и Нидерландах. Казахстан в международных процессах, 2015, № 1. С. 49.

²³⁶ Swyngedouw M., Abts K., Baute S. et al. Het communautaire in de verkiezingen van 25 mei 2014. Centrum voor Sociologisch Onderzoek (CeSO), Instituut voor Sociaal en Politiek Opinieonderzoek (ISPO). CeSO/ISPO/2015-1. P. 15.

ностей»²³⁷. В 1980 г. «Фламандский блок» впервые обратился в программе к вопросам миграции, что привлекло к партии более 65% проголосовавших за неё позднее избирателей²³⁸. Руководство партии официально осуждает антисемитизм. Некоторые исследователи даже отмечают высокий уровень поддержки «Фламандского блока» среди еврейской общины Бельгии в начале 2000-х гг. Вероятнее всего, это связано с жёсткой позицией партии по вопросу т.н. «второй интифады»²³⁹.

Интересно, что наиболее часто встречаются в программе ФИ (2014) слова «ЕС», «социальный», «Брюссель», «евро» и «Европа», что вполне наглядно демонстрирует значимость для партии вопросов европейской интеграции и европейской идентичности.

Партия действует в условиях «санитарного кордона» – ограничительной меры, нацеленной на недопущение участия «Блока» / «Интереса» в правительстве: в 1992 г. центристские, левые и умеренные правые партии договорились не вступать в коалиции с ультраправыми. Несколько раз действующие в Бельгии НКО «Центр равных возможностей» (с 2013 г. – Центр «Unia») и «Лига за права человека» пытались поставить партию вне закона на основании Акта против расизма и Акта против дискриминации. Наконец, 9 ноября 2004 г. Кассационный суд Брюсселя запретил деятельность ФБ. Партия была распущена, однако уже через 5 дней была создана партия «Фламандский интерес» с тем же личным составом, что и запрещённый «Блок». В программу были внесены некоторые изменения: была смягчена позиция партии по вопросам миграции (исчезло требование принудительной высылки неевропейских иммигрантов) и экономической политики. Тем не менее, жёсткая антииммигрантская критика продолжает доминировать в дискурсе «Фламандского интереса». Например, в 2018 г. Т. Ван Грикен заявил, что «неудоб-

²³⁷ Belien P. Why is the Vlaams Belang so popular? In: Long March To the West: Twenty-First Century Migration in Europe and the Greater Mediterranean Area. Portland: Valentine Mitchell, 2007. P. 84.

²³⁸ Тэвдой-Бурмули А.И. Европейский правый радикализм на рубеже веков: формы и тенденции эволюции. В кн.: Социальное согласие против правого экстремизма. М.: Изд-во Института социологии РАН, 2005. С. 370.

²³⁹ Морозов А. Конец бельгийской лаборатории? Дело, 11.11.2006. URL: <http://www.idelo.ru/440/16.html> (дата обращения: 07.09.2018).

ная правда – это то, что они [преступники не-бельгийского происхождения] пристаю́т в автобусах и трамваях не к девушкам-иммигранткам, а к нашим фламандским девушкам. Это ежедневный антифламандский расизм, и об этом молчат»²⁴⁰. «Фламандский интерес» иногда называют «партией пригородов», так как, по словам политолога Д. Синарде, «за городом (...) население менее гетерогенно, и меньше людей, которые готовы принимать разнородность»²⁴¹.

Относить «Фламандский интерес» к популистским партиям нам, в том числе, позволяет её явный антиэлитизм. В программной книге с характерным названием «Будущее в своих руках: восстание против элит» Т. Ван Грикен неоднократно обращается к теме злонамеренности и высокомерия бельгийской правящей элиты по отношению к «простым» фламандским избирателям. Он утверждает: «Новым является открытое, широко укоренившееся пренебрежение народом со стороны правящего истеблишмента»²⁴²; «истеблишмент отказывается слышать о проблемах простых мужчин и женщин»²⁴³. Критика элиты логично выливается в критику представительной демократии в целом, как закрытой для внешнего наблюдателя системы распределения ренты, в которой фламандские интересы не учитываются: «Бельгия – не демократия, а партократия, в Бельгии всё решают не граждане, а партии. (...) Системные партии стараются всячески оградить себя от фламандского избирателя»²⁴⁴ «Среди якобы равных голосов бельгийских граждан фламандский голос ценится меньше, чем франкоязычный. (...) Выборы – ритуал, маскарад, при котором с избирателем обращаются, как с безвольной овцой, которая вместе с двумя волками должна выбирать, кого из троих съедят»²⁴⁵. «Фламандский интерес» выступает за пря-

²⁴⁰ Vlaams Belang hekelt «doodzwijgen» omgekeerd racisme. De Standaard, 01.09.2018. URL: http://www.standaard.be/cnt/dmf20180901_03696155 (дата обращения: 07.09.2018).

²⁴¹ Cit. ex: Rogiers F. Van de Seefhoek naar Schilde. De Standaard, 27.05.2019. URL: https://www.standaard.be/cnt/dmf20190527_04431602 (дата обращения: 09.09.2019).

²⁴² Van Grieken T. Op. cit. P. 19.

²⁴³ Ibid. P. 23.

²⁴⁴ Ibid. P. 169.

²⁴⁵ Ibid. P. 170.

мую демократию в форме регулярных референдумов, что также представляет собой один из ключевых «популистских» признаков: «Необходимо вновь дать фламандцам право голоса и реальную политическую власть. Это возможно путём организации референдумов с обязательным к исполнению результатом и образования единого фламандского избирательного округа»²⁴⁶.

«Новый Фламандский альянс» – самый крупный осколок распавшейся в 2001 г. партии «Народный союз» (Volkspartij), которая была частью бельгийской политической системы с 1950-х гг. Следовательно, НФА в гораздо большей степени может претендовать на роль партии истеблишмента. Народный союз также можно рассматривать как один из элементов вышеупомянутого Фламандского движения. Однако, хотя позиция НФА по вопросам европейской интеграции и инокультурной миграции намного мягче, чем позиция «Фламандского интереса» («мигранты (...) вносят существенный вклад в наше общество»), партия считает, что «во главе демократии должен стоять не первоуродный глава, а избранный гражданами (...); монархия устарела», а также что «Брюссельская периферия не должна подвергаться влиянию французского языка и культуры»²⁴⁷. Несмотря на смягчённую – по сравнению с «Фламандским интересом» – позицию по фламандской автономии, НФА причисляют к сепаратистам. Российская газета «Коммерсантъ» даже назвала лидера партии Барта Де Вейвера «могильщиком Бельгии»²⁴⁸. В августе 2019 г. активисты молодёжного крыла «Альянса» в ответ на планы Д. Трампа приобрести у Дании Гренландию предложили ему в Твиттере (в шутку) купить Валлонию: «Дорогой президент Трамп, один евро – и Валлония ваша. Позвоните нам»²⁴⁹. Однако посыл НФА скорее не сепаратистский, а конфедералистский: «Альянс» выступает за дальнейшее реформирование государст-

²⁴⁶ Ibid. P. 173.

²⁴⁷ Standpunten. Nieuwe Vlaamse Alliantie. URL: <http://www.n-va.be/standpunten/> (дата обращения: 07.09.2018).

²⁴⁸ Реутов А. Могильщик Бельгии стал мэром Антверпена. Коммерсант, 15.10.2012. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/2045111> (дата обращения: 07.09.2018).

²⁴⁹ Jong N-VA. Запись в Twitter: 21.08.2019 в 08:02. URL: <https://twitter.com/Jongnva/status/1164190996982317056> (дата обращения: 26.09.2019).

венной структуры, в которой возможно было бы построение «конфедеративной модели, где регионы обладали бы большинством полномочий»²⁵⁰.

Наиболее часто встречаются в программе НФА (2014 г.) слова «правительство», «социальный», «европейский», «прогресс» и «изменение». Это демонстрирует приоритет для партии работы государственных органов, социальной повестки, европейской интеграции, а также общую ориентацию на реформы.

Партию периодически называют праворадикальной²⁵¹, хотя, по нашему мнению, она таковой не является, будучи именно правопопулистской. И. Мали, который провёл наиболее подробный анализ идеологии НФА, выделяет ключевые элементы дискурса «Альянса»: идеология анти-Просвещения, неолиберализм, фламандский национализм и проповедь национальной гомогенности²⁵². Сюда так же стоит добавить антиэлитизм. Прежде всего, под прицелом лидера партии Барта Де Вейвера находится так называемая «левая церковь»²⁵³ – условная транснациональная левая элита, действия которой направлены на поощрение культурного релятивизма и космополитизма: «В элите, которая стремится к не-идентичности как шагу на пути к мировому гражданству, больше не узнаёшь себя»²⁵⁴; «Если бы Эдмунд Бёрк жил сейчас, он бы содрогнулся от отвращения при виде новой бюрократической элиты, которая хочет контролировать нашу жизнь»²⁵⁵. Он также выдвигает лозунг прямой демократии (к примеру, в 2017 г. «Альянс» пытался провести в Генте референдум об особенностях городского планирования). Преувеличено

²⁵⁰ Vlaanderen betaalt de Belgische factuur: analyse van de N-VA. Brussel: N-VA. P. 33.

²⁵¹ Pausch R. Europa extrem. Die Zeit, 04.02.2015. URL: <https://www.zeit.de/feature/populismus-extremismus-europa> (дата обращения: 07.09.2018).

²⁵² Maly I. N-VA: analyse van een politieke ideologie. Berchem: EPO, 2013. P. 505-508.

²⁵³ Впервые это словосочетание употребил Пим Фортёйн.

²⁵⁴ De Wever B. Wie niet wil vechten, zal op zijn knieën verder mogen leven. Nieuwe Vlaamse Alliantie, 30.05.2016. URL: <https://www.n-va.be/nieuws/wie-niet-wil-vechten-zal-op-zijn-knieen-verder-mogen-leven?pq=search/site&keyword=elite&page=0#vr12> (дата обращения: 11.11.2018).

²⁵⁵ De Wever B. Aartsvader van het conservatisme is nog altijd relevant. De Tijd, 16.05.2018. URL: <https://www.tijd.be/opinie/algemeen/aartsvader-van-het-conservatisme-is-nog-altijd-relevant/10012096.html> (дата обращения: 11.11.2018).

и представление о миролюбивом настрое НФА по отношению к мигрантам: к примеру, член партии и госсекретарь по вопросам убежища и миграции в правительстве 2014–2018 гг. Тео Франкен в личной переписке выражал сомнения в «добавочной стоимости» иммигрантов из стран Магриба. В сентябре 2017 г. он опубликовал в Твиттере запись, посвящённую аресту 14 мигрантов в Брюсселе, сопроводив меткой #opkuisen – буквально «вычистить»²⁵⁶. Также Франкену припоминают присутствие в качестве почётного гостя на 90-летнем юбилее Боба Мааса, видного члена коллаборационистского Фламандского национального союза и впоследствии председателя Фламандского военного ордена – праворадикальной парамилитарной организации. Можно констатировать, что «Новый фламандский альянс» полностью соответствует определению правого популизма: комбинация национализма, антиэлитизма, антиплюрализма и самоотожествления с народной волей, направленная на достижение электро-ральных успехов.

Благодаря репутации более умеренного игрока, НФА удалось избежать «санитарного кордона». На выборах в нижнюю палату парламента страны в 2014 г. НФА, получив 20,3% голосов и 33 депутатских кресла, вошёл в состав правящей коалиции, в то время как его конкурент ФИ набрал только 3,7% и получил 3 места в парламенте. Отметим, что министры – члены «Альянса» вышли из правительства в декабре 2018 г. из-за несогласия с решением премьер-министра Ш. Мишеля подписать Глобальный договор о безопасной, упорядоченной и легальной миграции ООН²⁵⁷. Согласно опросу, проведённому в 2017 г. исследовательским центром Dedicated Research, 27,1% фламандцев проголосовали бы за НФА (таким образом, «Альянс» остаётся самой популярной партией Фландрии), а 11,7% – за ФИ²⁵⁸.

²⁵⁶ Arnoudt R. Theo Francken haalt zich digitale woede op de hals met «#opkuisen». VRT, 14.09.2017. RL: <https://www.vrt.be/vrtnews/nl/2017/09/14/theo-francken-haalt-zich-digitale-woede-op-de-hals/> (дата обращения: 29.09.2019).

²⁵⁷ Подробнее см.: Осколков П.В. Бельгия: конец «шведской коалиции». Научно-аналитический вестник ИЕ РАН, 2019. №1. С. 65-69.

²⁵⁸ PS gehalveerd in nieuwe peiling, extreemlinksen grootste partij. Het Laatste Nieuws. 01.07.2017. URL: <https://www.hln.be/nieuws/binnenland/ps-gehalveerd-in-nieuwe-peiling-extreemlinksen-grootste-partij-a664f4c5/> (дата обращения: 08.09.2018).

Выборы в местные органы власти, прошедшие в Бельгии 14 октября 2018 г., также демонстрируют более высокую популярность НФА по сравнению с ФИ. Так, в Антверпене, традиционном оплоте фламандских регионалистов разной степени радикализма, за «Альянс» проголосовали 35,3% избирателей (таким образом, он сохранил позиции ведущей партии в городе), за «Интерес» – 10,5%²⁵⁹. Здраво оценивая более высокие шансы НФА в борьбе за властный ресурс, в партию перешли многие члены «Фламандского интереса». Среди них партийные идеологи Карим Ван Овермейре и Геерт Ван Клеймпют. В 2012 г. в списках НФА насчитывалось около 50 «перебежчиков»²⁶⁰. Пример НФА и ФБ/ФИ демонстрирует то, что А.И. Тэвдой-Бурмули назвал «синдромом кукушки»: захват позиций традиционных партий относительно маргинальными и/или радикальными силами, которые заставляют потесниться на властном олимпе его традиционных обитателей²⁶¹.

Однако результаты выборов в национальный парламент, проходившие в Бельгии в один день с выборами в Европарламент, 26 мая 2019 г. поставили под сомнение вывод о смягчении радикализма избирателей фламандских правых. На этих выборах «Фламандский интерес» существенно укрепил свои позиции, добавив 15(!) мест к результату предыдущей, фактически провальной, кампании. Поскольку НФА на тех же выборах потерял восемь мест, логично будет предположить, что существенная часть избирателей «Интереса» пять лет назад голосовала за «Альянс».

Подобное ухудшение позиций умеренных националистов и радикализация правого фланга фламандской политики связана, вероятнее всего, с разочарованием правых избирателей в политике «Нового фламандского альянса» после того, как тот получил возможность непосредственно формировать бельгийскую внутреннюю и внешнюю политику благодаря участию в прави-

²⁵⁹ Lokale verkiezingen 2018. Vlaanderen Kiest, 2018. URL: <https://www.vlaanderenkiest.be/verkiezingen2018/#/gemeente/11002> (дата обращения: 11.11.2018).

²⁶⁰ VB'ers bij de N-VA: de vijftigste gevonden. AFF sur SkyNet, 2012. URL: <http://aff.skynetblogs.be/archive/2012/08/01/vb-ers-bij-de-n-va-de-vijftigste-gevonden.html> (дата обращения: 07.09.2018).

²⁶¹ Тэвдой-Бурмули А.И. Этнополитическая динамика Европейского союза. М.: Аспект-Пресс, 2018. С. 141.

тельстве. В 2014 г. избиратели сделали ставку на respectable игрока, надеясь на проведение в жизнь всех традиционных консервативно-регионалистских установок. Однако на деле многое не было выполнено, и даже упомянутый демонстративный выход из коалиции в 2018 г. после подписания «Марракешского пакта» не спас репутацию «Альянса» в глазах правого электората. Популярность «Альянса» пошатнул и скандал, связанный с именем депутата совета коммуны Мехелен от НФА, Меликана Куджама, замешанного в торговле гуманитарными визами. Добавим, что один из наиболее популярных правых политиков страны, лидер идентитарного движения «Щит и друг» Дрис Ван Лангенхове, перешёл из НФА в ряды ФИ. В предыдущие годы «лицом» партии был радикал Филип Девинтер, известный своей открытой ксенофобией. Однако сейчас в партии намного более заметна фигура молодого «рафинированного» интеллектуала Тома Ван Грикена, и избиратели решили дать шанс «Фламандскому интересу». Ван Грикен постарался отойти от мигрантофобии как лейтмотива партийной программы и сконцентрироваться на достаточно левой социально-экономической программе, по примеру Марин Ле Пен. К. Мюдде отметил, что Т. Ван Грикен теперь «говорит, что он не против мигрантов, но за фламандцев»²⁶². Эксперты также отмечают его стремление управлять бельгийской политикой совместно с другими игроками фламандского политического поля.

Примечательно, что Ван Грикена, наряду с другими лидерами крупнейших партий-бенефициаров прошедших выборов, пригласил на встречу король Филипп. Впервые лидер «Фламандского блока» / «интереса» оказался у монарха. Ранее, в 1978 г., король Бодуэн приглашал лидера «Блока» Карела Диллена, но тот не принял приглашение. Сейчас Том Ван Грикен заявил, что «если король демонстрирует уважение, то я тоже его продемонстрирую»²⁶³. Возможно²⁶⁴, что «Интерес» сможет прорвать «са-

²⁶² Cit. ex: Demeulemeester S. Hoe het VB uit zijn as herrees: «Dankbaar dat Theo Francken onze taal heeft gesproken». Knack, 28.05.2019. URL: <https://www.knack.be/nieuws/belgie/hoer-het-vb-uit-zijn-as-herrees-dankbaar-dat-theo-francken-onze-taal-heeft-gesproken/article-longread-1469729.html>.

²⁶³ Tom Van Grieken (Vlaams Belang) bij de koning: «Als hij respect toont, dan ik ook». Het Belang van Limburg, 29.05.2019. URL: <https://www.hbvl.be/cnt/dmf20>

нитарный кордон». Герольф Аннеманс, экс-председатель «Фламандского интереса», уже заявил, что позиции НФА и ФИ «не так уж сильно и отличаются»²⁶⁵, что можно расценивать как выражение готовности к ранее невозможному сотрудничеству.

Успех «Фламандского интереса» многие наблюдатели связывают также с предвыборной стратегией партии. Регионалисты сделали основную ставку на социальные сети: на «раскрутку» в сети Facebook, по подсчётам телерадиокомпании VRT, «Фламандский интерес» потратил больше, чем все остальные партии вместе взятые²⁶⁶, уделяя гораздо меньше внимания традиционной «уличной» работе. В нынешний «цифровой век» эта стратегия себя оправдала, особенно учитывая опыт использования интернет-мемов в политической коммуникации, взятый на вооружение, к примеру, Дональдом Трампом.

В случае НФА перед исследователями снова встаёт вопрос, насколько можно рассматривать в качестве популистской (т.е., в том числе и антиэлитистской) партию, которой удалось успешно стать частью истеблишмента. На первый взгляд, возникает некий парадокс, когда партии фактически приходится критиковать саму себя. Однако, в соответствии с меткой формулировкой Б.И. Макаренко, популизм, среди прочего, – это попытка, используя критику истеблишмента, в него войти. Поэтому, во-первых, вхождение во власть, на наш взгляд, не противоречит программным целям большинства популистских партий (скорее напротив – составляет их основную цель). Во-вторых, оно совершенно не означает автоматического отказа от антиэлитистской риторики. Как показывают примеры НФА, а также «Австрийской партии свободы» и «Истинных финнов», не говоря уже о восточноевропейских правопопулистских режимах, такая партия, обычно несколько смягчая риторику, продолжает критико-

[190529_04436423/tom-van-grieken-vlaams-belang-uitgenodigd-op-het-paleis-vo-or-verkennend-gesprek.](https://www.vrt.be/vrtnws/nl/2019/05/17/vlaamse-partijen-facebook/)

²⁶⁴ В дни, когда пишется эта работа, новое федеральное правительство Бельгии ещё не сформировано, поэтому нельзя делать выводы относительно его конфигурации и закрепления новой роли ФИ.

²⁶⁵ Demeulemeester S. Op. cit.

²⁶⁶ Vandeputte B. Vlaamse politieke partijen geven meer dan 800.000 euro uit aan online-advertenties. VRT, 17.05.2019. URL: <https://www.vrt.be/vrtnws/nl/2019/05/17/vlaamse-partijen-facebook/>.

вать «правлящую элиту». Популисты подразумевают при этом под «элитой» уже не коалицию, в состав которой входят (если речь идёт о коалиции), а либо некие абстрактные «элитарные круги» (крупный бизнес, университетское сообщество, медиа-магнатов, «левую церковь»), либо наднациональную европейскую бюрократию.

Более того, нельзя отрицать определяющее влияние дискурса фламандских правых популистов на всю фламандскую/бельгийскую политику. В стремлении не дать избирателям полностью перейти к националистам и регионалистам другие партии частично перенимают риторику НФА и ФИ. А.И. Тэвдой-Бурмули считает, что наибольшее влияние регионалисты оказали на ту партию мэйнстрима, которая стоит к ним ближе остальных на идеологическом спектре, – на «Христианских демократов и фламандцев» (CD&V, ХДФ)²⁶⁷. Действительно, позиция христианских демократов относительно дальнейшей регионализации Бельгии практически дословно совпадает с позицией «Альянса»: «Мы по-прежнему выступаем за позитивную конфедеративную модель, при которой основные полномочия будут у Фландрии и других регионов»²⁶⁸. Однако можно заключить, что подобная диффузия характерна только для регионалистской повестки, в то время как в не менее чувствительной сфере миграции и национализма ХДФ стремятся избегать любых ассоциаций с коалиционными партнёрами.

Правый популизм в Валлонии представлен партией «Национальная демократия». В 1985 г. был создан «Национальный фронт Бельгии» (Front National de Belgique). Основатель партии Д. Ферэ позаимствовал у Ж.-М. Ле Пена не только название, но и логотип, только французский триколор был заменён на бельгийский. Партию нельзя было назвать успешной: в нижней палате бельгийского парламента по результатам выборов 2003 и 2007 гг. «Национальный фронт» располагал только одним местом. В 2012 г. руководство французского «Национального фрон-

²⁶⁷ Там же.

²⁶⁸ Wil CD&V de Vlaamse autonomie afbouwen? Christen Democratisch en Vlaams, 05.01.2017. URL: <https://www.cdenv.be/standpunten/wil-cdv-de-vlaamse-autonomie-afbouwen/> (дата обращения: 11.11.2018).

та» в судебном порядке пресекло использование бельгийскими соратниками соответствующего названия и символики, и партии пришлось изменить название на «Национальная демократия».

Маргинализированное положение франкоязычных правых популистов в Бельгии во многом объясняется слабой партийной организацией и исторически сильными позициями Социалистической партии Валлонии²⁶⁹ – правящей на протяжении нескольких десятилетий. Также можно объяснить низкую популярность валлонских правых невозможностью эффективно применить регионалистскую риторику, принесшую популярность их фламандским коллегам. Принципиальное различие между валлонскими и фламандскими правыми популистами в доминантной идентичности: «Фламандский интерес» и «Новый фламандский альянс» говорят о Фландрии и фламандцах, в то время как их валлонские соратники не ограничиваются рамками региона, представляя свою партию как общebelгийскую. Так, они используют (по аналогии с французским НФ) лозунг «Les Belges d'abord» – «бельгийцы прежде всего» и распространяют агитационные материалы на французском и нидерландском языках.

Правый популизм в Люксембурге. Для развития правого популизма в Люксембурге имеет особое значение вопрос о статусе люксембургского языка. Организационный предшественник нынешних правопопулистских игроков – «Федерация «Наша страна – наш язык»» (FELES – Federatioun Eist Land Eis Sprooch), основанная в 1984 г. Главной темой партийной агитации стал статус люксембургского языка (лидеры партии называли себя продолжателями идей Люсьена Кёнига, писателя-патриота и борца за чистоту языка). «Федерация» также отрицала мультикультурализм и европейскую интеграцию. Историк Л. Блау назвал идеологию FELES «экофашистской»²⁷⁰. Три года спустя «Федерация» раскололась на «Эслингское движение за свободу» (Eislecker Fraiheitsbewegung) и «Зелёное национальное движение» (ЗНД, Greng National Bewegung). Поскольку люксембург-

²⁶⁹ De Cleen B., Van Aelst P. Belgium: The Rise and Fall of Populism Research. In: Populist Political Communication in Europe. London: Routledge, 2016. P. 100.

²⁷⁰ Blau L. Histoire de l'extrême-droite au Grand-Duché de Luxembourg au XXe siècle. Luxembourg: Le Phare, 1998. P. 537.

ский язык к тому времени уже получил официальный статус, основными темами стали борьба с иммиграцией (особенно выделялись в партийной риторике португальцы и выходцы из мусульманских стран), а также с «левыми предателями» и «красными канальями»²⁷¹. ЗНД принимало участие в парламентских выборах в 1989 и 1994 гг.; в 1999, когда в партии насчитывалось 1300 членов, она прекратила своё существование²⁷².

Однако от наследников FELES современные правые популисты Великого герцогства позаимствовали отдельные программные пункты и риторiku, но не институциональные структуры. В настоящее время в условный правопопулистский лагерь можно поместить «Альтернативную демократическую партию реформ» (Alternativ Demokratesch Reformpartei, АДПР). Она возникла из движения за права пенсионеров, которое было основано в 1987 г., одновременно с ЭДС и ЗНД. В дальнейшем, по всей видимости, произошла идейная диффузия между несколькими организациями: движение расширило свою программу до классической модели правопопулистской партии за счёт более широкой экономической программы и националистических лозунгов. Однако, будучи именно *популистской* (т.е. стремясь к получению представительства путём смягчения риторики), АДПР достигла гораздо больших успехов, чем её ставшие маргинальными и отмершие к началу XXI столетия радикальные соратники. В настоящее время АДПР вполне можно назвать частью политического истеблишмента Великого герцогства. Она по-прежнему борется за повышение статуса люксембургского языка (в настоящее время он до сих пор не включён в перечень официальных языков ЕС), выступает за большую роль прямой демократии в принятии политических решений²⁷³ и сохранение привилегированного положения католической церкви²⁷⁴. На парла-

²⁷¹ Ibid. P. 555-597.

²⁷² Gründung einer neuen Partei: Rechtspopulisten im Anmarsch. Luxemburger Wort, 25.04.2015. URL: <https://www.wort.lu/de/politik/gruendung-einer-neuen-partei-rechtspopulisten-im-anmarsch-553a64c10c88b46a8ce58005> (дата обращения: 07.09.2018).

²⁷³ Besch N., Lessing G. Europhile by Nature: The Case of the Small Grand Duchy of Luxembourg. In: Euroscepticism in Small EU Member States. Riga: ЛИА, 2016. P. 13.

²⁷⁴ Wagner O. ADR driftet nach rechts. Zeitung vum Lëtzebuurger Vollek, 05.04.

ментских выборах в Люксембурге 14 октября 2018 г. партия получила 8,28% голосов избирателей.

В 2015 г. бизнесмен и бывший член АДПР Нико Кастилья объявил о создании Социал-демократической народной партии (Sozial Demokratesch Vollekspartei), претенциозно объявленной «люксембургским аналогом Национального фронта». Дискурс партии в социальных сетях позволяет отнести её к правопопулистским, однако за пределы социальных сетей и учредительного съезда деятельность СДНП не вышла, и с 2016 г. практически не создаёт информационных поводов.

Таким образом, правопопулистские партии в странах Бенилюкса, обладая необходимой общностью признаков правого популизма (холизм, подразумевающий гомогенность нации, анти-элитизм, национализм) и будучи представленными в парламенте трёх стран, имеют определённую национальную специфику. В случае Нидерландов речь, прежде всего, идёт о наиболее ярко выраженной в данном кластере цивилизационной природе национализма, проистекающей, в том числе, из яркого политического наследия Пима Фортёйна, и о специфической организационной структуре «Партии свободы» с особой ролью харизматического лидера. В случае Бельгии речь идёт о регионалистских фламандских партиях, в процессе своей эволюции приобретших правопопулистские черты. Наконец, люксембургский случай представляет собой пример постепенной абсорбции право-популистской партии истеблишментом при, как и во фламандском случае, особой роли этнолингвистического компонента.

2.2. Правый «популизм власти» в Центральной и Восточной Европе. Случай Польши

В первую очередь имеет смысл сформулировать общие тезисы относительно правого популизма в странах Центральной и Восточной Европы. И. Бибо указывает на «экзистенциальный страх, переживаемый на коллективном уровне, страх перед реальной или воображаемой угрозой гибели национальной общности»²⁷⁵, что служит, как минимум, основанием для большей

2011. URL: <http://www.zlv.lu/spip/spip.php?article4766> (дата обращения: 07.09.2018).

²⁷⁵ Миллер А. Империя Романовых и национализм. М.: Новое литературное

актуальности проблемы сохранения национального суверенитета. В. Тисмэняну пишет о регионе ЦВЕ как о регионе «культуры конфликта». Здесь же уместно вспомнить выделенную Б.И. Макаренко «посткоммунистическую» модель популизма. Список объектов стигматизации у правых популистов в ЦВЕ шире, чем в Западной Европе: это не только национальные меньшинства, но и культурные и сексуальные²⁷⁶ (налицо больший интерес правых акторов ЦВЕ к вопросам биополитики). К идеологической базе правых в ЦВЕ часто добавляется реваншизм/ирредентизм и призывы к возвращению к «традиционным ценностям»²⁷⁷. В то же время, трудно сейчас согласиться с М. Минкенбергом, утверждавшим в 2002 г., что правопопулистские партии в ЦВЕ отличаются от западноевропейских большей степенью радикализма и антидемократизма и тем, что они представляют собой скорее социальные движения, нежели партии как таковые²⁷⁸. Электоральный спрос на радикализм и антидемократизм в ЦВЕ в начале XXI в. действительно был выше вследствие трудностей посткоммунистической трансформации, однако в настоящее время избиратели и здесь в большей степени выступают за инкрементальные преобразования в рамках либерально-демократической системы. Те партии, которые позиционировали себя как социальные движения, либо реорганизовали свою структуру в направлении партийной институционализации и участия в выборах, либо заняли маргинальное положение и довольствуются лишь минимальной поддержкой.

Как отмечают многие авторы, политические системы большинства стран ЦВЕ переживают т.н. «поствступительный кризис», связанный с завышенными ожиданиями от вступления в

обозрение, 2008. С. 10.

²⁷⁶ Stoica M. Populismul în Europa contemporană. Dezvoltare istorică, discurs politic și susținători ai dreptei radicale. Cluj-Napoca: Presa Universitară Clujeană, 2017. P. 94.

²⁷⁷ Бирюков С., Коваленко А. Восточная Европа: евроскептицизм и правоконсервативный тренд. Мировая экономика и международные отношения, 2012, № 8. С. 55.

²⁷⁸ Minkenberg M. The Radical Right in Post-Socialist Central and Eastern Europe: Comparative Observations and Interpretations. East European Politics and Societies, 2002, vol. 16, №2. P. 361-362.

Европейский союз²⁷⁹ и – шире – от посткоммунистической трансформации. По словам Л.С. Лыкошиной, «в Западной Европе популизм – это следствие разочарования демократией, в Восточной – несбывшихся ожиданий, связанных с демократией»²⁸⁰. Указанный кризис открывает дополнительные возможности для роста правого и левого популизма. В частности, в Польше он выразился в «четвёртой волне популизма» (в качестве «третьей волны») рассматривается период правления коалиции «Права и справедливости» с «Самообороной» и Лигой польских семей²⁸¹).

Также определённые предпосылки для восприимчивости к популистской риторике в Восточной Европе создаёт сложившаяся там в коммунистический период подданическая политическая культура (в терминах Г. Алмонда и С. Вербы). Как отмечают М. Касл и Р. Тарас, официальная идеология призывала к активной политической мобилизации (т.е., по сути, формированию партиципаторной политической культуры), но, учитывая декоративность демократических институтов, доминирующей политической культурой осталась подданическая²⁸². Более того, по мнению Д. Мэйсона, Д. Нельсона и Б. Шклярского, функционирование недемократических «партийных государств» породило массовую апатию и таким образом способствовало консервации подданической политической культуры, хотя в 1980-х гг. настроения части населения стали вполне «партиципаторными», что подразумевало требования плюрализма и расширенного доступа к властным ресурсам²⁸³. После «бархатных революций» элементы партиципаторной политической культуры в восточноевропейских обществах укрепились, однако до сих пор

²⁷⁹ Agh A. Post-Accession Crisis in the New Member States: Progressing or Backsliding the EU? *Studies of Transition States and Societies*, 2010, vol. 2, №1. P. 74.

²⁸⁰ Лыкошина Л.С. Нереальное решение реальных проблем (к вопросу о популизме и национализме в Польше). В кн.: *Национализм и популизм в Восточной Европе*. М.: ИНИОН РАН, 2007. С. 57.

²⁸¹ Stępińska A. Lipiński A., Hess A., Piontek D. Poland: A Fourth Wave of Populism? In: *Populist Political Communication in Europe*. London: Routledge, 2016. P. 315.

²⁸² Castle M., Taras R. *Democracy in Poland*. 2nd edition. London: Routledge, 2018. P. 43.

²⁸³ Mason D., Nelson D., Szklarski B. Apathy and the Birth of Democracy: the Polish Struggle. *East European Politics & Societies*, 1991, vol. 5, №2. P. 222.

вряд ли возможно говорить о её доминирующем положении.

К симптомам упомянутой «четвёртой волны популизма» в Польше возможно причислить, с одной стороны, рост «популизма власти» со стороны «Права и справедливости», предпринявшей ширококомасштабные изменения конституции в целях авторитаризации политической системы. С другой стороны, были созданы новые правопопулистские партии (в том числе на основе возродившихся правонационалистических движений начального периода посткоммунистической трансформации). Главные фигуры второй тенденции – Януш Корвин-Микке и Павел Кукиз.

В Польше главными носителями правого популизма традиционно признавали партии «Самооборона Республики Польша» (Samoobrona Rzeczypospolitej Polskiej, SRP, СРП) (сама организация, будучи зарегистрирована как партия, предпочитала именовать себя «движением»; распущена в 2012 г.) и «Лига польских семей» (Liga Polskich Rodzin, LPR, ЛПС). Однако имеет смысл причислить сюда же и партию «Право и справедливость» (Prawo i Sprawiedliwość, PiS, ПИС) Ярослава Качиньского. Также в стране ещё с 1979 г. существует партия «Конфедерация независимой Польши» (Konfederacja Polski Niepodległej), однако численность её членов не превышает нескольких десятков, и с 1997 г. ей не удавалось получить ни одного места в Сейме.

Агитация СРП была направлена на электорат, недовольный преобразованиями в духе экономического либерализма и европейской интеграции, произошедшими в Польше после 1989 г.²⁸⁴ (очередной пример заимствования правыми популистами левых экономических постулатов). ЛПС же ориентируется на консервативных католических избирателей, представляя себя защитницей таких ценностей как «семья, патриотизм, религия, свобода и собственность»²⁸⁵. Последняя характеризуется также откровенным антисемитизмом. Обе партии (были – в случае СРП) настроены евроскептически и видят угрозу крупномасштабного

²⁸⁴ Ачкасов В. Национал-популизм в посткоммунистических странах Центральной и Восточной Европы: причины роста электоральной поддержки. Вестник МГИМО-Университета, 2011, т. 5, № 5. С. 150.

²⁸⁵ Там же.

кризиса. Правда, СРП более беспокоило экономическое будущее «простого народа», а ЛПС преддрекает кризис морали и польской идентичности²⁸⁶.

К. Ящевич отмечает, что идеология СРП представляла собой популизм «в чистом виде», готовый принять левое или правое обличье в зависимости от обстоятельств. Л.С. Лыкошина указывает, что экономическая и социальная части программы «Самообороны» стояли ближе к классическим левым постулатам, в то время как во внешней политике и основным вопросам внутренней политики партия А. Леппера была ближе к правым²⁸⁷. ЛПС же воплощает традиционный польский национализм ещё «межвоенного образца»²⁸⁸, который известный исследователь восточно-европейских ультраправых А. Пирро обозначил как «клерикальный нативизм»²⁸⁹. Подобное положение подтверждает и социологический опрос, проведённый в 2005 г. в рамках Польского национального электорального исследования (PGSW). Так, избирателям различных партий предлагалось расположить себя на право-левом спектре в диапазоне от 0 (левый) до 10 (правый). Показатели избирателей ЛПС и ПиС составили, соответственно, 7,8 и 7,4, в то время как избиратели СРП видели себя примерно посередине – 5,9²⁹⁰.

По сравнению со странами Балтии, где вступление в Европейский союз подавляющее большинство населения воспринимало как позитивное явление, в Польше вокруг присоединения развернулись дебаты, и именно они вызвали наибольший всплеск правопопулистской активности. Членство страны в ЕС у многих ассоциировалось с угрозой того, что «польские земли скупят иностранцы, а польские фермеры будут терпеть убытки»²⁹¹. Эти

²⁸⁶ Jasiewicz K. The New Populism in Poland: The Usual Suspects? Problems of Post-Communism, 2008, vol. 55, №3. P. 7.

²⁸⁷ Лыкошина Л.С. Указ. соч. С. 62.

²⁸⁸ Jasiewicz K. Op. cit. P. 7.

²⁸⁹ Pirro A. Illiberal Tangos in Central and Eastern Europe. Open Democracy, 14.07.2016. URL: <https://www.opendemocracy.net/can-europe-make-it/andrea-l-p-pirro/illiberal-tangos-in-central-and-eastern-europe> (дата обращения: 23.07.2016).

²⁹⁰ Jasiewicz K. Op. cit. P. 20.

²⁹¹ FitzGibbon J., Guerra S. Not Just Europeanization, Not Necessarily Populism: Potential Factors Underlying the Mobilization of Populism in Ireland and Poland. Perspectives on European Politics and Society, 2010, vol. 11, №3. P. 279.

страхи успешно эксплуатировали правые популисты, вследствие чего, опять же в отличие от Балтии, они стали частью истеблишмента достаточно рано – ПиС, ЛПС и СРП составили правящую коалицию ещё в 2006 г. Анджей Леппер даже был непродолжительное время вице-премьером и министром сельского хозяйства. Вероятно, сейчас формирование такой коалиции было бы невозможно: индекс DEREХ в Польше в 2017 г. составлял 7, что в два раза ниже, чем в 2005–2006 гг. (14)²⁹².

Как отмечают Дж. Фитцгibbon и С. Герра, «ядром» польского правого популизма являются «польскость», проявляющаяся как комбинация крови, почвы и суверенитета, и католицизм²⁹³. «Право и справедливость», а ранее «Лига польских семей», пользуются открытой поддержкой католического «Радио Мария» и Конференции католических епископов, члены которой призвали голосовать за ПиС²⁹⁴. Очевидно, что упомянутое ядро совпадает с основой польского правого радикализма и национализма, основанного на идеях Романа Дмовского. Польские правые популисты отличаются от «просто» польских националистов степенью электоральной успешности, а также относительно развитой экономической программой.

И ЛПС, и СРП выступают (выступали) за выход Польши из ЕС и категорическое неприятие замены злотого на евро («жесткий» евроскептицизм; особенности «жесткого» и «мягкого» евроскептицизма сформулированы подробно в главе 3); один из основных внешнеполитических лозунгов ЛПС – «Польша может развиваться только вне ЕС»²⁹⁵. ПиС же пропагандирует более значимую роль отдельных членов Союза (и, соответственно, находится в оппозиции к «федералистской» концепции развития ЕС) и введение евро в долгосрочной перспективе²⁹⁶ («мягкий» евроскептицизм).

Отличие ПиС от двух других главных игроков не только в

²⁹² Countries. DEREХ Index. URL: <http://www.derexindex.eu/countries> (дата обращения: 18.07.2018).

²⁹³ FitzGibbon J. Op. cit. P. 277.

²⁹⁴ Лункин Р.Н. Религия и европейский популизм: христианский фактор в политических дискуссиях. Современная Европа, 2018, №1. С. 107.

²⁹⁵ Бирюков С. Указ. соч. С. 56.

²⁹⁶ FitzGibbon J. Op. cit. P. 284.

большей умеренности её программы, но и в том, что она не выстроена вокруг одного харизматического лидера. Популярность её лидера Ярослава Качиньского не играет решающей роли в успехе партии. Успех СРП же был основан на авторитете Анджея Леппера (собственно, после его самоубийства в 2011 г. партия просуществовала менее года, т.к. его преемник Ежи Пясецкий не был столь популярным лидером; партия влилась в левое объединение «Самооборона» и прекратила независимое существование). В равной степени и ЛПС была обязана своей популярностью личностным свойствам Романа Гертыха (возглавлял партию 20 лет, в 2009 г. его сменил Витольд Балажак, с чем связывается упадок Лиги).

В то же время ПиС позаимствовала у ЛПС целый ряд программных пунктов, в том числе одну из основных концепций польского популизма – идею создания «четвёртой Речи Посполитой»²⁹⁷ (нынешняя республика обычно именуется «третьей» – после межвоенного периода и ПНР), свободной от коммунистического наследия, коррупции и преступности²⁹⁸. Несмотря на то, что, как правило, «Право и справедливость» причисляют к правым партиям, в её программе присутствуют левые экономические пункты – увеличение расходов на социальную сферу и ренационализация ключевых секторов экономики²⁹⁹. Я. Качиньский назвал в числе врагов партии иммигрантов, гомосексуалов и либералов³⁰⁰. В 2005 г. Лех Качиньский в качестве кандидата в президенты от «Права и справедливости» сформулировал в общих чертах основную антагонизм, на котором в дальнейшем строилась партийная идеология: «солидарная Польша» против «либеральной Польши»³⁰¹.

Однако «Право и справедливость» стремится дистанцироваться от маргинального национализма. Так, 11 ноября 2019 г. в

²⁹⁷ Бирюков С. Указ. соч. С. 56.

²⁹⁸ Jasiewicz K. Op. cit. P. 9.

²⁹⁹ Jaskiernia J. The Development of the Polish Party System: A Perspective of the Parliamentary Elections Results. Polish Political Science Yearbook, 2017, vol. 46, №2. P. 237.

³⁰⁰ Ibid.

³⁰¹ Wysocka O. Polish Populism: Time for Settlement. In: Exposing the Demagogues: Right-Wing and National Populist Parties in Europe. Berlin: KAS, 2013. P. 296.

Польше прошёл очередной «Марш независимости» (101-й «день рождения» Второй Речи Посполитой). Это мероприятие с 2010 г. организуют правые организации «Всепольская молодёжь» и «Национально-радикальный лагерь». Из-за того, что на марше 2018 г. звучали расистские и антисемитские лозунги (к примеру, «Европа будет или белой, или безлюдной», «Чистая кровь, ясный разум», «За белую Европу братских народов»), бургомистр Варшавы Ханна Гронкевич-Вальц пыталась запретить шествие, однако Конституционный суд страны посчитал подобный запрет нарушением права на свободу собраний³⁰². В итоге марш состоялся, но ПиС, дабы избежать каких-либо ассоциаций с данным националистическим шествием, организовала параллельную акцию, на которой были запрещены националистические лозунги и транспаранты.

«Мягкий» правый популизм партии Качиньского оказался более привлекателен для избирателей: ЛПС сейчас не представлена ни в Сейме, ни в Сенате, ни в Европарламенте, в то время как «Право и справедливость» по результатам выборов 2015 г. стала в Польше правящей партией. Эту позицию ПиС подтвердили и выборы, прошедшие в 2019 г. – партия набрала 43,59% голосов и получила 235 из 460 мест в Сейме и 48 из 100 в Сенате³⁰³. И президент Анджей Дуда и премьер-министр Беата Шидло – представители ПиС. В настоящий момент ЛПС и «Самооборона» сошли с политической сцены Польши, чтобы, освободив пространство для «Права и справедливости», также уступить место временно пережившему подъём «Конгрессу новых правых» и его ответвлениям. В то же время «мягкость» правого популизма ПиС, судя по всему, сходит на нет. Как отмечает известный исследователь польской партийной системы Б. Стэнли, вскоре после того, как «Право и справедливость» вытеснила бывших коалиционных партнёров с политической сцены, её риторика и действия подверглись радикализации; аналогичный

³⁰² Варшава: марш в честь 100-летия независимости Польши был омрачён участием ультраправых. BBC News, 11.11.2018. URL: <https://www.bbc.com/russian/news-46170462> (дата обращения: 29.09.2019).

³⁰³ Wybory parlamentarne 2019. TVN24.PL, 2019. URL: <https://www.tvn24.pl/raporty/wybory-parlamentarne-2019-wyniki-wyborow-do-sejmu-i-senatu-frekwencja-i-sondaze-wyborcze.1397> (дата обращения: 26.10.2019).

процесс произошёл с венгерской партией «Фидес»³⁰⁴.

В 2015 г. «Право и справедливость» (списки которой также включали депутатов от партий «Польша вместе» и «Солидарная Польша», так что можно даже говорить о некоей трёхсторонней асимметричной коалиции³⁰⁵) стала правящей партией в Польше. Практически сразу, в силу присущей правым популистам склонности к авторитарному управлению, отмеченной К. Мюдде, функционеры партии приступили к изменению законодательства страны в сторону централизации властных полномочий.

Я.-В. Мюллер отметил, что для популистского правительства характерны монополизация госаппарата, коррупция, «массовый клиентелизм» и систематическое подавление гражданского общества³⁰⁶. Наиболее явно польский «авторитарный поворот» проявился в ограничении свободы прессы и судов. Наряду с венгерскими коллегами, правительство ПиС стало объектом постоянной критики из Брюсселя из-за предполагаемого несоответствия уровня обеспечения прав и свобод в стране европейским стандартам. Ещё перед выборами в Сейм в 2015 г. «Право и справедливость» обещала бороться с «правовым импоссибилизмом» – ограничениями, якобы налагаемыми на исполнительную власть «корпорацией адвокатов и судей»³⁰⁷. Для выполнения этого обещания были подготовлены изменения структуры Конституционного трибунала, объединены функции министра юстиции и генерального прокурора, а также ликвидирована военная прокуратура³⁰⁸. В июле 2018 г. в Польше вступил в силу новый закон о Верховном суде, согласно которому судьи обязаны выходить на пенсию не в 70, как ранее, а в 65 лет. Таким об-

³⁰⁴ Stanley B. Populism in Central and Eastern Europe. In: *The Oxford Handbook of Populism*. Oxford: OUP, 2017. P. 148.

³⁰⁵ Markowski R. The Polish parliamentary election of 2015: a free and fair election that results in unfair political consequences. *West European Politics*, 2016, vol. 39, №6. P. 1311.

³⁰⁶ Мюллер Я.-В. Что такое популизм? М.: Изд-во НИУ ВШЭ, 2018. С. 18.

³⁰⁷ Albertazzi D., Mueller S. Populism and liberal democracy: populists in government in Austria, Italy, Poland and Switzerland. In: *The Populist Radical Right: A Reader*. London: Routledge, 2017. P. 517.

³⁰⁸ Яжборовская И.С. Особенности польского избирательного процесса в середине второго десятилетия XXI века. В кн.: *Электоральные процессы в Европейском союзе (середина второго десятилетия XXI века)*. М.: ИЕ РАН, 2016. С. 108.

разом, 27 из 72 судей Верховного суда должны покинуть свой пост досрочно, включая председателя³⁰⁹. Характерно, что эти меры партии «Право и справедливость» поддержала партия «Кукиз-15»³¹⁰. О движении правопопулистского правительства Польши к авторитаризму также свидетельствует ужесточение законов о собраниях и о финансировании НКО.

Реакция ЕС на вышеозначенные меры польского правопопулистского правительства была достаточно жёсткой. В январе 2016 г. Комиссия ЕС впервые в истории Союза инициировала официальное расследование обеспечения верховенства закона в Польше. В июне 2019 г. Европейский суд признал закон о снижении возраста выхода судей на пенсию противоречащим европейскому законодательству, а в октябре того же года Комиссия ЕС поручила Европейскому суду расследовать нарушение польским правительством принципа независимости судебной власти³¹¹. Согласно ст. 7 Договора о Европейском союзе (Маастрихтского договора 1992 г.), «Европейский совет (...) может констатировать существование серьезного и устойчивого нарушения каким-либо государством-членом ценностей, указанных в ст. 2 (...). Совет (...) может принять решение о приостановлении отдельных прав, вытекающих из применения Договоров к соответствующему государству-члену, в том числе права голоса представителя правительства этого государства-члена в Совете». Таким образом, теоретически ожидающие Польшу санкции достаточно тяжелы, однако остаётся спорным вопрос, зайдёт ли ЕС столь далеко.

В случае Польши и Венгрии ряд исследователей считают возможным говорить о формировании т.н. «нелиберальной демократии»³¹². Однако не стоит забывать, что данный термин,

³⁰⁹ Bulletin Quotidien Europe. 2018. №12077. 21.08.

³¹⁰ Яжборовская И.С. Указ. соч. С. 108.

³¹¹ Rankin J. EU challenges Poland over judicial independence. The Guardian, 10.10.2019. URL: <https://www.theguardian.com/world/2019/oct/10/eu-sues-poland-over-judicial-independence> (дата обращения: 27.10.2019).

³¹² См., к примеру: Mudde C. When illiberal forces win, the answer is more – not less – democracy. The Guardian, 06.06.2018. URL: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2018/jun/06/when-illiberal-forces-win-the-answer-is-more-not-less-democracy> (дата обращения: 08.10.2018); Pappas T. Dealing with modern illiberal democracies: From vintage electoral autocracy to today's jumble of populism

предложенный в 1990-х гг., активно использует для саморепрезентации сам В. Орбан, и, используя его для характеристики современных политических систем Польши и Венгрии, исследователи перенимают и легитимизируют дискурс самих правых популистов. По словам Я.-В. Мюллера, «такая критика даёт венгерскому премьер-министру моральное право быть именно тем, кем он и хочет быть: оппонентом либерализма»³¹³, сохранив при этом квазидемократическое лицо. В ставшей классической типологии политических режимов Х. Линца демократия не сочетается с какими-либо прилагательными: когда государство заявляет о своей приверженности «нелиберальной демократии», это может свидетельствовать лишь о его трансформации в авторитарном направлении. Фамилия Орбана уже стала нарицательной: 24 марта 2019 г. в Брюсселе около тысячи человек приняли участие в организованном европейскими социал-демократами шествии против «орбанизации» европейского общества и распространения идей правого популизма³¹⁴.

Для польской партийной системы (как, впрочем, и для партийных систем большинства посткоммунистических стран) характерно достаточно большое количество партий, которые принимают участие в одних-двух выборах и уходят со сцены³¹⁵. В польской политике такие партии, как правило, успевают довольно громко о себе заявить, как случилось с ЛПС и Самообороной. В настоящее время роль небольших, но (предположительно, кратковременно) успешных правопопулистских партий играют «Конгресс новых правых» и отколовшийся от него КОРВИН (с 2016 г. – «Свобода»), а также партия-движение «Кукиз-

with nativism. In: Will Human Rights Survive Illiberal Democracy? Amsterdam: Amnesty International Netherlands, 2018. P. 25-31; Wilkin P. Hungary's Crisis of Democracy: The Road to Serfdom. NYC: Lexington Books, 2016. 223 p.

³¹³ Мюллер Я.-В. Указ. соч. С. 80.

³¹⁴ Michalopoulos S. Citizens' march in Brussels against «Orbanisation» of EU societies. EurActiv, 2019. 25.03. URL: <https://www.euractiv.com/section/eu-elections-2019/news/citizens-march-in-brussels-against-orbanisation-of-eu-societies/> (дата обращения: 29.09.2019).

³¹⁵ Гуселетов Б.П. Обновление партийно-политического ландшафта в странах Евросоюза по итогам выборов 2003-2016 годов: тенденции и перспективы. В кн.: Трансформация партийно-политического ландшафта в странах Евросоюза в условиях кризиса. Ч. 1. М.: ИЕ РАН, 2017. С. 126.

15», набравшая политические очки на противодействии миграционным квотам ЕС³¹⁶. Партия рок-музыканта Павла Кукиза позиционирует себя как антиэлитистскую и антисистемную, с классическим популистским лозунгом «Хватит!»³¹⁷, использованным во время выборов в Сейм в 2015 году. В 2019 г. партия участвовала в выборах в составе «Польской коалиции» и получила 8,6% голосов.

Я. Корвин-Микке известен своими провокационными высказываниями по проблемам внутренней и внешней политики. В 2005 г., после многолетней и неуспешной политической карьеры в различных партиях и движениях, он создал «Платформу Януша Корвина-Микке», в 2009 г. переименованную в «Свободу и Независимость». В 2010 г. в партию перешла часть участников партии-движения «Союз реальной политики», название изменилось на «Союз реальной политики – Свобода и независимость». Наконец, в 2011 г. возникла организация под названием «Конгресс новых правых» (Kongres Nowej Prawicy, KNP, КНП). Конгресс до сих пор остаётся деятельным актором польской политики, несмотря на то, что в 2015 г. Корвин-Микке покинул партию и создал новую – «Коалицию обновления республики, свободы и надежды – КОРВИН» (Koalicja Odnowy Rzeczypospolitej Wolność i Nadzieja – KORWIN). С 2016 г. эта партия действует под именем «Свобода» (Wolność). Для всех партий, созданных с участием Я. Корвина-Микке, характерен этнический польский национализм, жёсткий (в отличие от ПиС) евроскептицизм, апеллирование к католическим ценностям. Так, в 2014 г. он заявил: «Необходимо уничтожить Европейский союз изнутри, или он уничтожит нас»³¹⁸. В отличие от «Самообороны» и «Права и Справедливости», перенявших некоторые экономические постулаты польской левицы, Я. Корвин-Микке придерживается либеральных и даже либертарных экономических взглядов³¹⁹ в

³¹⁶ Stanley B. Op. cit. P. 147.

³¹⁷ Stępińska A. Op. cit. P. 315.

³¹⁸ Janusz Korwin- Mikke: «Trzeba zniszczyć Unię Europejską od środka, bo inaczej Unia zniszczy nas». wPolityce.pl, 25.04.2014. URL: <https://wpolityce.pl/polityka/192941-janusz-korwin-mikke-trzeba-zniszczyc-unie-europejska-od-srodka-bo-inaczej-unia-zniszczy-nas> (дата обращения: 07.09.2018).

³¹⁹ Dhwedczuk-Szulc K., Zaremba M. Janusz Korwin-Mikke and the Rest: The Po-

сочетании с жёстким традиционализмом в политико-идеологической сфере. Интересно, что Я. Корвин-Микке – сторонник позитивных отношений с Российской Федерацией. Он обосновывает это своей антиукраинской позицией, обвиняя Украину в «героизации фашизма» и «антипольских настроениях» и называя Россию «врагом врага Польши»³²⁰.

Политическая карьера Корвина-Микке достаточно нестабильна. Создание Конгресса новых правых на основе нескольких партий и движений, как существовавших два десятилетия, так и относительно новых, дало основания говорить о появлении нового правопопулистского актора «правее, чем ПиС» (сменившего «Лигу польских семей»). Однако Януш Корвин-Микке покинул эту партию и создал собственную. Таким образом, лагерь «правее ПиС» сформировался, но оказался достаточно раздробленным. Тем не менее, накануне выборов в Сейм в 2019 г. партия Я. Корвин-Микке «Свобода» вместе с несколькими мелкими правыми объединениями сформировала коалицию под названием «Конфедерация Свободы и Независимости», которая получила на выборах в Сейм 6,81% голосов и 11 депутатских мест³²¹.

2.3. Правый популизм в странах Балтии

Страны Балтии представляют особый интерес для исследователей правого популизма, будучи относительно новыми членами ЕС и имея опыт нахождения в составе иного государственного образования. Поскольку, по наблюдению ряда исследователей, «Литва, Латвия и Эстония сформировали устойчивую малую коалицию в ЕС»³²², а также исторически имели достаточно тесные культурные и политические связи, представляется возможным рассматривать их в рамках единого кластера. Д. Ау-

lish Eurosceptic Right-Wing. The Polish Quarterly of International Affairs, 2015, №2. P. 129.

³²⁰ Апулеев И. За русофобию: в Польше хотят судить Качиньского. Газета.Ру, 29.05.2019. URL: https://www.gazeta.ru/politics/2019/05/29_a_12382321.shtml (дата обращения: 09.09.2019).

³²¹ Wybory parlamentarne 2019. TVN24.PL, 2019. URL: <https://www.tvn24.pl/raporty/wybory-parlamentarne-2019-wyniki-wyborow-do-sejmu-i-senatu-frekwencja-i-sondaze-wyborcze,1397> (дата обращения: 26.10.2019).

³²² Бусыгина И.М., Климович С.А. Коалиция внутри коалиции: страны Балтии в Евросоюзе. Балтийский регион, 2017, т. 9, №1. С. 7.

эрс отмечает, что «три балтийских государства (...) представляются отличным кейсом для сравнительного изучения популизма в Европе»³²³, в том числе ещё и потому, что находятся под влиянием как восточноевропейской, так и североевропейской правовой традиции³²⁴ (в наибольшей степени это касается Эстонии).

Правый популизм в Эстонии. Первой правонационалистической и популистской партией современной Эстонии стала «Эстонская партия национальной независимости» (Eesti Rahvuslik Solõtumatuse Partei). Она была создана в 1988 г. и влилась в 1995 г. в партию Pro Patria³²⁵. Эта партия была инициатором принятия Закона о гражданстве 1993 г., который автоматически предоставил гражданство Эстонской Республики только лицам, чьи предки были гражданами республики до 1940 г., чем создал проблему «неграждан». Другим правопопулистским актором первых лет «второй независимости» стал «Эстонский центральный союз националистов» (Eesti Rahvuslaste Keskkliit, ERKL, ЭЦСН), созданный в 1994 г. Остаётся, впрочем, открытым вопрос о классификации этой партии именно как популистской, а не радикальной либо даже экстремистской: при наличии анти-элитных и националистических лозунгов ЭЦСН отчётливо склонялся к радикализму. Союз возглавил диссидент Тийт Мадиссон. Под его руководством ЭЦСН пытался создать «националистический интернационал» с ЛДПР, финскими ультраправыми и даже РНЕ (в его партийной ипостаси – Русской национал-патриотической партии)³²⁶. Однако после того как партия потерпела сокрушительное поражение на выборах в Рийгикогу (парламент) в 1995 г., она окончательно перешла в экстремистский лагерь. В 1996 г. Т. Мадиссона арестовали по обвинению в подготовке

³²³ Auers D. Populism and Political Party Institutionalisation in the Three Baltic States of Estonia, Latvia and Lithuania. *Fudan Journal of the Humanities and Social Sciences*, 2018, vol. 11, №3. P. 342.

³²⁴ Kasekamp A., Jakobson M.-L., Wierenga L. Discursive Opportunities for the Estonian Populist Radical Right in a Digital Society. *Problems of Post-Communism*, 2018, vol. 66, №1. P. 56.

³²⁵ Auers D., Kasekamp A. Comparing Radical-Right Populism in Estonia and Latvia. In: *Transforming the Transformation? The East European Radical Right in Political Process*. London: Routledge, 2015. P. 144.

³²⁶ Poleshchuk V. Estonia. In: *Racist Extremism in Central and Eastern Europe*. London: Routledge, 2005. P. 57.

государственного переворота, после чего ЭЦСН распался.

К середине 1990-х г. благоприятные условия для создания националистических и правопопулистских партий и движений, выразившиеся в турбулентности политического ландшафта после восстановления независимости, исчезли³²⁷. Правый популизм оказался представлен мелкими маргинальными партиями, которые не могли преодолеть порог парламентского представительства. Одна из важных причин – отсутствие харизматических лидеров³²⁸, в отличие, к примеру, от Польши. Пример подобного мертворождённого проекта – «Республиканская партия», созданная в 1999 г. К.-О. Лепингом. Партия представляла себя как идейного наследника «новых правых», но не приняла участие ни в одних выборах в Рийгикогу и в 2012 г. влилась в «Партию независимости».

Сейчас единственным в полной мере правопопулистским актором в Эстонии является «Эстонская консервативная народная партия» (Eesti Konservatiivne Rahvaerakond, EKRE, ЭКНП), возникшая в 2012 г. в результате слияния «Эстонского народного движения» (Eesti Rahvuslik Liikumine, ERL, ЭНД) и «Эстонского народного союза» (Eestimaa Rahvaliid, ЭНС). ЭНД не было представлено в парламенте в принципе, в то время как «Народный союз», основанный экс-президентом А. Рюйтелем, потерпел поражение на выборах 2011 г. и распался.

К правопопулистскому лагерю Эстонии также часто относят «Партию независимости Эстонии» (Eesti Iseseisvuspartei, EIP, ПНЭ). Однако данная партия с момента своего основания в 1999 г. была маргинальным актором эстонской политики и ни разу не оказалась представлена в парламенте. Бывший лидер партии В. Лейто разработал собственную конспирологическую теорию, согласно которой Эстония должна стать «новоавтаркическим геополитическим пространством»³²⁹. Склонность к конспирологии и теориям заговора иногда называют в числе характерных

³²⁷ Ланко Д.А. Крайний правый радикализм и комплексность политических представлений: пример Эстонии. Политическая экспертиза, 2010, т. 6, № 1. С. 137.

³²⁸ Poleshchuk V. Op. cit. P. 57.

³²⁹ Leito V. Eesti ja geopoliitika. 2. osa. Tallinn: Unikaalne Eestimaa, 2016. Lk. 183.

черт популистских партий³³⁰. Однако стоит отделять конспирологические мотивы, связанные с антиэлитной риторикой (и логически в неё вписывающиеся), от выбивающихся из этого умозрительного «поля необходимости»; артикуляция представлений о «всемирном заговоре», «масонской сети» и тому подобных может свидетельствовать лишь об окончательной маргинализации партийного дискурса.

Также ряд исследователей относят к правым популистам партию IRL (Isamaa ja Res Publica Liit, с 2018 г. – Isamaa, «Отечество»)³³¹, однако в её дискурсе отсутствуют ключевые признаки правого популизма – антиэлитизм, стремление к прямой демократии и эксклюзивный национализм.

Юридически ЭКНП – правопреемник «Народного союза», так как при слиянии партий не было зарегистрировано новое юридическое лицо. Официально изменилось лишь название. В числе причин такого решения называются желание сохранить политическую преемственность (и электорат) и государственное финансирование «Народного союза», а также нежелание идти на конфликт с влиятельными представителями последнего³³². Однако практически новая партия соединила организационные ресурсы и сетевые структуры Народного союза с идеологическим молодёжным потенциалом «Народного движения»³³³ (ситуация оказалась de-facto идентична формированию «Национального объединения» в Латвии).

ЭКНП трудно назвать «партией одного человека», в отличие от нидерландской «Партии свободы», однако эпитет «партия двух человек» ей вполне бы подошёл. Председатель партии Март Хельме разделяет роль лидера партии с председателем партийной фракции в парламенте, своим сыном Мартином Хельме. Интересно, что Март Хельме был членом Народного союза (как и большинство членов новой партии), а Мартин – председа-

³³⁰ Cf., e.g.: Bergmann E. *Conspiracy & Populism: The Politics of Misinformation*. London: Palgrave Macmillan, 2018. 186 p.

³³¹ Ланко Д.А. Популизм и политическое участие: уличные беспорядки в странах Балтийского региона в 2007–2009 гг. Политическая экспертиза, 2009, т. 5, №2. С. 221.

³³² Kangur P. *Mart Helme: õnnesärgis sündinud*. Tallinn: Kunst, 2016. Lk. 188.

³³³ Kasekamp A. *Discursive Opportunities...* P. 47.

лем «Эстонского народного движения».

Партийная программа говорит о «кризисе» эстонской экономики и политики в результате «недемократической централизации управления и монополизации СМИ»³³⁴. Также партийный дискурс характеризуется евроскептицизмом и неприятием иммиграции, прежде всего, из мусульманских стран. В 2013 г. получило известность высказывание Мартина Хельме по телевидению: «kui on must, näita ust» – буквально «укажи чёрному на дверь»³³⁵. Его отец заявил: «Никто не верит сказкам правительства о быстрой интеграции тропических авантюристов в эстонское общество»³³⁶. Лидер молодёжного крыла партии Руубен Каалеп отметил, что «в качестве группы, исламская община Европы агрессивна и представляет собой экзистенциальную опасность для коренных народов»³³⁷. Индекс DEREK в Эстонии в 2017 г. – 4%, что меньше среднего показателя в ЕС (для сравнения: во Франции этот показатель – 6%, в Финляндии – 1%). Однако, поскольку у 23% эстонских избирателей проблема миграции вызывает беспокойство³³⁸ (центр для размещения беженцев в Вао даже был подожжён), эстонские правые популисты уделяют миграционным вопросам большое внимание.

Также ЭКНП позиционирует себя как противника однополых браков (партия провела несколько митингов против «закона о сожительстве») и как защитника «исконных европейских

³³⁴ Liivik E. Right-Wing Extremism and Its Possible Impact to the Internal Security of the Republic of Estonia. Proceedings of Estonian Academy of Security Sciences, 2015, №14. P. 98.

³³⁵ Teder M. Martin Helme soovitus immigratsioonipoliitikaks: kui on must, näita ust. Postimees, 29.05.2013. URL: <http://www.postimees.ee/1252028/martin-helme-soovitus-immigratsioonipoliitikaks-kui-on-must-naeita-ust> (дата обращения: 12.01.2017).

³³⁶ Хельме: никто не верит сказкам правительства о быстрой интеграции тропических авантюристов. Postimees, 21.07.2015. URL: <https://rus.postimees.ee/3268089/helme-nikto-ne-verit-skazkam-pravitelstva-o-bystroy-integracii-tropichesk-ih-avantyyuristov> (дата обращения: 07.09.2018).

³³⁷ Sinine Äratus: Islamikogukonda tuleb vaadata kui gruppi, mitte üksikindiviide. Uued Uudised, 15.07.2015. URL: <https://uueduudised.ee/uudis/eesti/sinine-aratus-islamikogukonda-tuleb-vaadata-kui-gruppi-mitte-uksikindiviide/> (дата обращения: 07.09.2018).

³³⁸ Pärli M. Eesti kodanikud peavad pagulasteemat probleemiks number üks. Eesti Rahvusringhääling, 18.02.2016. URL: <https://www.err.ee/554672/eesti-kodanikud-peavad-pagulasteemat-probleemiks-number-üks> (дата обращения: 07.09.2017).

ценностей». Март Хельме суммировал то, против чего призвана бороться его партия, в своей статье «Президент Трамп как торжество здравого смысла», опубликованной в таблоиде «Õhtuleht»: «В качестве европейских ценностей нам предлагают пропаганду гомосексуализма, феминизм, абсурдный гендерный нейтралитет, преступное насаждение эвтаназии, лженаучное глобальное потепление, стимулирование массовой иммиграции, демонизацию национального государства, образ традиционной семьи как пережитка Средних веков, насмешку над религиозными чувствами людей (за исключением мусульман)»³³⁹. Картина получается вполне исчерпывающей и соответствует демонизированному образу «либерального Запада», распространённому как в России, так и среди ряда представителей европейских правых.

Важную роль в протестной мобилизации играет молодёжное подразделение партии – «Синее пробуждение» (Sinine Äratu). Каждый год в День независимости (24 февраля) с 2013 г. оно организует факельные шествия с лозунгами «За Эстонию» (Eesti eest). Интересно, что до 2015 г. лозунг звучал как «За Эстонию [для] эстонцев» (eestlaste Eesti eest).

В партийной идеологии не последнее место занимает антироссийская риторика; партия организовала протесты против подписания пограничного договора с Российской Федерацией (всё же подписан в 2014 г.). Хотя есть примеры проявления именно этнической русофобии партийным руководством (так, Март Хельме накануне президентских выборов заявил в отношении кандидата Марины Кальюранд, бывшего посла в России, русской по матери: «Я не вменяю ей в недостаток то, что она русская, но я не думаю, что русская могла бы стать президентом Эстонии»³⁴⁰), ЭКНП в целом подчёркивает, что антироссийская риторика не означает виктимизации этнических русских, проживающих в Эстонии³⁴¹. Однако возможно, что ситуация ана-

³³⁹ Helme M. President Trump kui terve mõistuse võit. Õhtuleht, 16.11.2016. URL: <https://www.oh tuleht.ee/771065/mart-helme-president-trump-kui-terve-moistuse-voit> (дата обращения: 07.09.2017).

³⁴⁰ Мартин Хельме: главная проблема Марины Кальюранд в том, что она русская. Postimees, 14.04.2016. URL: <https://rus.postimees.ee/3656089/martin-helme-glavnaya-problema-mariny-kalyurand-v-tom-hto-ona-russkaya> (дата обращения: 07.09.2017).

³⁴¹ Petsinis V. Contentious politics in the Baltics: the «new» wave of right-wing

логична спонтанному филосемитизму западноевропейских правых, когда, напомним, рядовые члены партии и электорат могут не разделять толерантных заявлений руководства. К примеру, в 2015 г. член ЭКНП и пресс-секретарь добровольческого ополчения «Kaitseliit» Урмас Рейтельманн оставил в социальной сети следующий комментарий: «Где ты видишь беженцев? (...) К нам прибывает обычное человеческое отребье (...). В Эстонии паразитируют 300 тысяч тибл³⁴², которые не в состоянии адаптироваться, как же (...) можно превратить в людей эти миллионы стремящихся попасть сюда и гонящихся за удобствами тараканов?»³⁴³. В июне 2018 г. Рейтельманн стал заместителем председателя Совета уполномоченных ЭКНП. В октябре 2018 г. будущий (в 2019 г.) кандидат от ЭКНП на выборах в Рийгикогу М. Саарсо назвал председателя таллинского городского собрания Михаила Кылварта (русскоязычного корейца) «азиатом, который неуместен в этом зале». Таким образом он ответил на слова Кылварта о необходимости убрать из зала заседаний собрания государственный флаг из-за неподходящих условий для его размещения. Этот скандал демонстрирует, что русские, безусловно, не являются единственным объектом партийного национализма.

Дабы отместить обвинения в этническом национализме, партия прибегает к испытанной стратегии западноевропейских правых – включению представителей этнических меньшинств в партийную элиту и их выдвижение на часть ключевых постов (у истоков этой традиции европейских правых стоят ещё Жан-Мари Ле Пен и Пим Фортёйн). Выходец из России Фёдор Стомахин – один из лидеров «Синего пробуждения», а этнический азербайджанец Орхан Октайн стал кандидатом от ЭКНП на муниципальных выборах в таллинском районе Ласнамяэ. А. Макарычев и В. Сазонов отмечают инклюзивную стратегию по отно-

populism in Estonia. Open Democracy, 28.04.2016. URL: <https://www.opendemocracy.net/can-europe-make-it/vassilis-petsinis/contentious-politics-in-baltics-new-wave-of-right-wing-populism> (дата обращения: 07.09.2017).

³⁴² Tibla – презрительное наименование русских в эстонском языке.

³⁴³ Рейтельманн извинился за «300 тысяч тибл» перед всеми, кроме русских участников Бронзовой ночи. Столица, 02.09.2015. URL: http://stolitsa.ee/300_tysyach_tibl_vyshli_bokom_urmas_rjeitjelmann_sozhaljejet_o_svoix_vyskazuvaniyax_/108451 (дата обращения: 07.09.2017).

шению к русскоязычному меньшинству у отдельных функционеров ЭКНП. Часть партийного руководства рассматривает русскую общину как возможного «союзника» в антииммигрантских кампаниях и как возможный электоральный ресурс в связи с позиционированием ЭКНП как единственной партии, артикулирующей данную проблему в негативном ключе³⁴⁴. Таким образом, позиция ЭКНП, безусловно, становится более двусмысленной: антирусский вектор в партийном дискурсе размывается, что предоставляет партии больше пространства для манёвра. Также этот фактор в очередной раз демонстрирует инструментальный характер дискурса ЭКНП, свойственный правопопулистским партиям.

Партия достаточно успешна – на выборах в Рийгигогу в 2015 г. она получила 8,1% голосов и 7 мест; в 2018 г. её рейтинг по результатам опроса общественного мнения возрос до 20%³⁴⁵. Уже при формировании правительственной коалиции в ноябре 2016 г. председатель Центристской партии Юри Ратас рассматривал возможность включения членов ЭКНП в правительство³⁴⁶. Эксперты эстонского центра исследования общественного мнения «Turu» считают, что росту рейтинга ЭКНП как антииммиграционной партии способствовали террористические акты в Европе, совершённые мигрантами³⁴⁷.

На выборах в Рийгигогу в марте 2019 г. партия получила 17,8% голосов и 19 мандатов, что на 12 больше, чем четыре года назад. Центристская партия (ЦП, KE) не стала вступать в коалиционные переговоры с Партией реформ и другими умеренными игроками, в результате чего 8 апреля была создана очень

³⁴⁴ Makarychev A., Sazonov V. Populisms, popular geopolitics and the politics of belonging in Estonia. *European Politics and Society*, 2019, vol. 20, №3. P. 454.

³⁴⁵ Jaagant U., Mihkels D. EKRE toetus on tõusnud uutesse kõrgustesse. *Eesti Päevaleht*, 02.08.2018. URL: <http://epl.delfi.ee/news/eesti/ekre-toetus-on-tousnud-utesse-korgustesse?id=83227871> (дата обращения: 07.09.2017).

³⁴⁶ Привалова О. Ратас: присоединение EKRE и Свободной партии к коалиционным переговорам – вопрос пары дней. *Delfi*. 11.11.2016. URL: <http://rus.delfi.ee/daily/estonia/ratas-prisoedinenie-ekre-i-svobodnoj-partii-k-koalitsionnym-peregovoram-vopros-pary-dnej?id=76240965> (дата обращения: 07.09.2018).

³⁴⁷ Teder M. Uuring: Brüsseli terrorirünnak tõstis EKRE toetuse Reformierakonna kannule. *Postimees*, 31.03.2016. URL: <https://www.postimees.ee/3637703/uuring-brusseli-terrorirunnak-tostis-ekre-toetuse-reformierakonna-kannule> (дата обращения: 16.03.2019).

странная, по эстонским меркам, коалиция центристов, праволиберальной партии «Отечество» (Isamaa) и правых популистов. Коалиция получила сокращённое название EKREIKE (где EKRE – ЭКНП, I – Isamaa, KE – центристы). Странность этой коалиции в том, что Центристская партия традиционно выступала с левой экономической программой и требованиями защиты прав русскоязычного меньшинства, что совершенно не сочетается с правонационалистической риторикой ЭКНП. Включение правых популистов в состав правительства вызвало массовые демонстрации протеста и привело к уходу из Центристской партии некоторых политиков, не согласных с такой коалицией (к примеру, Раймонда Кальюлайда), а также к падению рейтинга центристов. Функционеры ЭКНП получили ряд ключевых постов (министры внутренних дел, финансов, внешней торговли, сельского хозяйства, окружающей среды), что уже вызвало недовольство многих групп населения. Ещё до подписания коалиционного договора Мартин Хельме призвал запретить бесплатные аборты, обвинил гинекологов в нарушении клятвы Гиппократата и попросил Эстонское общественное телевидение (ERR) уволить журналистов, «неправильно» освещавших деятельность его партии³⁴⁸. Его отец, министр внутренних дел в новом правительстве Март Хельме, на пресс-конференции 9 мая заявил, что «в руках России находится 5,2% территории Эстонии. Россия не хочет нам ни возвращать эту территорию, ни давать за неё компенсацию, ни вообще обсуждать этот вопрос»³⁴⁹.

14 мая в рамках своего «европейского тура» в Эстонию прибыла Марин Ле Пен, лидер французского «Национального объединения», с целью поддержать правопопулистских соратников накануне выборов в Европейский парламент. Однако с руководством ЭКНП у Ле Пен имеются принципиальные расхождения во взглядах: если французская партия известна своей пророссийской позицией по большинству спорных вопросов, то для

³⁴⁸ Епифанова М. «Многие русские обижены». Новая газета, 15.04.2019. URL: <https://www.novayagazeta.ru/articles/2019/04/15/80238-mnogie-russkie-obizheny>.

³⁴⁹ Михайлов С. Хельме призвал не забывать, что Россия до сих пор не вернула Эстонии часть территории. ERR, 09.05.2019. URL: <https://rus.err.ee/937697/helme-prizval-ne-zabyvat-cto-rossija-do-sih-por-ne-vernula-jestonii-chast-territorii> (дата обращения: 29.09.2019).

семьи Хельме как раз характерна антироссийская риторика. Март Хельме посчитал необходимым дистанцироваться от французской гостьи, заявив, что «Ле Пен пригласила себя сама»³⁵⁰.

Даже президент страны Керсти Кальюлайд, традиционно следовавшая принципу политической нейтральности, символически выразила своё неприятие новой коалиции. Во время приведения к присяге министра внешней торговли и информационных технологий Марти Куузика, представляющего ЭКНП и ранее обвинённого в семейном насилии, президент, надевшая толстовку со словами «Слово свободно», демонстративно покинула ложу. Куузик уже на следующий день заявил о своей отставке. На той же церемонии, насыщенной политическим символизмом, отец и сын Хельме продемонстрировали жест «ОК», который ряд комментаторов, в том числе экс-президент Эстонии Тоомас Хендрик Ильвес, истолковали как жест поддержки белых супрематистов и американских «альтернативных правых»³⁵¹.

Правый популизм в Латвии. Традиции правого популизма в современной Латвии были заложены, как и в соседней Эстонии, в начале 1990-х гг., когда на политической сцене страны появилась партия Йоахима Зигериста «Народное движение за Латвию» (*Tautas kustība Latvijai*). Любопытно, что сам Зигерист (Вернер-Йоахим Бирбрауэр), этнический немец, был исключён из собственной партии за плохое владение латышским языком. Партия получила 16 мест в Сейме по результатам парламентских выборов 1995 г. с лозунгом «Русские – в Россию, Латвия – для латышей» и жёсткой критикой «коррупцированной элиты»³⁵². Несмотря на столь радикальные лозунги, партию, вероятно, всё же можно классифицировать именно как правопопулистскую в силу сочетания эксклюзивного национализма, холизма и антиэлитизма с определённой системностью (системность, однако,

³⁵⁰ Stolton S. Le Pen's pro-Kremlin stance creates friction with Estonian populist hosts. *EurActiv*. 14.05.2019. URL: <https://www.euractiv.com/section/eu-elections-2019/news/le-pens-pro-kremlin-stance-creates-friction-with-estonian-populist-hosts/> (дата обращения: 29.09.2019).

³⁵¹ Karasz P. Estonia Ministers' Gesture Raises Fears of Support for White Supremacy. *New York Times*, 01.05.2019. URL: <https://www.nytimes.com/2019/05/01/world/europe/ok-gesture-white-power-estonia.html> (дата обращения: 29.09.2019).

³⁵² Auers D. Populism in the Baltic States. In: *The Rise of Populism: Lessons for the European Union and the United States of America*. Riga: LUP, 2018. P. 157.

можно было бы приписать особенностям политической среды Латвии в первые годы посткоммунистической трансформации, поэтому вопрос о принадлежности партии Зигериста к популистским подлежит дискуссии). Доверия избирателей партия не оправдала, и уже в 1998 г. она не получила ни одного места в парламенте, после чего распалась. Одновременно с «Народным движением за Латвию» пыталась получить своё место в латвийской политике национал-популистская Демократическая партия «Хозяин» (Demokrātiskā Partija «Saimnieks»), но также безуспешно. Помимо указываемой Д. Ауэрсом и А. Казекампом слабой партийной организации и внутренних разногласий³⁵³, можно предположить, что поражению способствовало наличие одновременно нескольких партий со схожей программой и лозунгами. Иными словами, партия Зигериста и «Хозяин» были «спойлерами» друг для друга.

Правый, и даже крайне правый, политический фланг Латвии долгие годы занимали партии «Всё для Латвии!» (Visu Latvijai!), «Отечеству и свободе» (Tēvzemei un Brīvībai) и Движение за национальную независимость Латвии (Latvijas Nacionālās Neatkarības kustība). «Всё для Латвии!» – националистическая партия, основанная в 2000 г. как молодёжное движение и получившая статус партии в 2006 г. Партийную идеологию характеризовало стремление официально способствовать превалированию этнических латышей в политической жизни за счёт эмиграции нелатышского населения и привлечения латышей из-за границы. Также внимание уделялось традиционным семейным ценностям, роли латышского языка как единственного языка школьного образования и «здоровью нации». Партийную идеологию исследователи характеризовали как расистскую³⁵⁴ и даже неофашистскую. В качестве самостоятельной единицы «Всё для Латвии!» участвовала в выборах в Сейм только один раз, в 2006 г., и не получила ни одного места в парламенте. Радикализм в сочетании с непредставленностью в легислатуре не позволяет клас-

³⁵³ Auers D., Kasekamp A. Radical Right Populism in Estonia and Latvia. In: Right-Wing Populism in Europe: Politics and Discourse. London: Routledge, 2013. P. 239.

³⁵⁴ Muiznieks N. Latvia. In: Racist Extremism in Central and Eastern Europe. London: Routledge, 2005. P. 107.

сифицировать «Всё для Латвии!» как правопопулистскую – подобный статус она приобретает лишь впоследствии, в качестве составного компонента «Национального объединения».

Движение за национальную независимость Латвии (ДННЛ) сформировалось ещё в 1988 г. Вскоре после восстановления независимости страны, в 1993 г., была образована более радикальная партия «Отечеству и свободе» как объединение партий «Отечество» и «Союз 18 ноября», существовавших, как и ДННЛ, в тесной связке с Конгрессом граждан – организацией, в годы восстановления независимости оппозиционной Народному фронту Латвии (аналогичное противостояние наблюдалось и в Эстонии). На выборах в Сейм 1993 г. «Отечеству и свободе» получили 6 мест, ДННЛ – 15. Уже в 1997 г. они организационно объединились и создали партию «Отечеству и свободе/ДННЛ». Один из лидеров объединённой партии Гунтарс Крастс в 1997–1998 гг. был премьер-министром Латвии. Партию называли ультранационалистической³⁵⁵ и критиковали за позитивное отношение к деятельности Латышского легиона СС³⁵⁶. К примеру, на выборах в Европарламент 2009 г. «Отечеству и свободе/ДННЛ» использовало в качестве наглядной агитации плакаты с указанием доли не-латышей в этническом составе рижан, а также ролики с короной по имени «Латвия», которую уводит семья русских крестьян.

В 2010 г. «Всё для Латвии!» и «Отечеству и свободе/ДННЛ» объединились для участия в выборах; институциональное слияние партий в «Национальное объединение» (Nacionālā Apvienība, NA, НО) произошло год спустя. Новая партия унаследовала идеологические постулаты и электорат своих предшественников, и в настоящий момент основа её идеологии находится «между умеренным и радикальным национализмом»³⁵⁷. Место

³⁵⁵ Katz D. Cameron must end Tories' far-right fling. The Irish Times, 31.10.2009. URL: <https://www.irishtimes.com/opinion/cameron-must-end-tories-far-right-fling-1.764244> (дата обращения: 07.09.2018).

³⁵⁶ Zuroff E. The Nazi Whitewash. The Guardian, 28.09.2009. URL: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2009/sep/28/eric-pickles-tories-latvia-nazi> (дата обращения: 07.09.2018).

³⁵⁷ Берендеев М.В., Уразбаев Е.Е. Развитие националистических идентичностей в странах Балтии: латвийский аспект. Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта, 2014, №6. С. 88.

харизматического лидера новой партии занял Райвис Дзинтарс – основатель «Всё для Латвии!», что даёт основания говорить о доминировании в объединении более молодой организации. Д. Ауэрс и А. Казекамп называют данное слияние «отличным политическим браком»: «Всё для Латвии!» предоставило молодёжный электорат и привлекательный радикальный посыл, который парламентские партии не могли себе позволить, а «Отечеству и свободе/ДННЛ» «принесло» политический опыт и финансы³⁵⁸.

Для партии по-прежнему характерен этнический латышский национализм, элементы антисемитской и антирусской риторики. Так, депутат Сейма от НО Александрс Кирштейнс написал в своём аккаунте в Twitter 2 января 2018 г.: «Языки международного сионизма – иврит, английский и русский, поэтому русские ораторы настолько бесстыдны. Поэтому все кампании против образования на государственном языке организуют Жданок, Гильман, Плинер и компания»³⁵⁹. Партии не чужд также классический популистский антиэлитизм (несмотря на то, что партия является одной из правящих в Латвии) и призывы к использованию прямой демократии (прямых выборов президента и референдумов о языке образования). Последняя на настоящий момент предвыборная программа партии (в 13-й Сейм) начинается со слов: «Главной целью “Национального объединения” всегда была и будет латышская Латвия»³⁶⁰. Евроскептицизм же данной партии достаточно «мягок».

Не стоит забывать и об антииммигрантских и исламофобских настроениях: член правления «Национального объединения» Янис Иесалниекс написал по поводу массового убийства, совершённого А. Брейвиком в Норвегии, что случившееся «полностью на совести мультикультурализма и политики исламизации»³⁶¹.

³⁵⁸ Auers D. Radical Right Populism... P. 240.

³⁵⁹ Aleksandrs Kiršteins. Запись в Twitter: 02.01.2018 в 14:48 URL: <https://twitter.com/akirstei/status/948325270620114945> (дата обращения: 07.09.2018). Татьяна Жданок – сопредседатель правления партии «Русский союз Латвии», депутат Европейского парламента; Александр Гильман – член правления партии «Русский союз Латвии», активист т.н. «Штаба защиты русских школ»; Яков Плинер – член правления партии «Русский союз Латвии».

³⁶⁰ 13. Saeimas programma. Nacionālā apvienība. URL: <http://www.nacionalaapvieniba.lv/programma/13-saeimas-programma/> (дата обращения: 07.09.2018).

³⁶¹ Nacionālās apvienības valdes loceklis pauž Norvēģijas traģēdijas vaininiekiem

Впрочем, партийное руководство дистанцировалось от его заявлений, а сам Иесалниекс вышел из состава правления. Как и ЭКНП, «Национальное объединение» выступило против приёма беженцев по принятой на уровне ЕС системе квот³⁶². Партия пошла по пути западноевропейских и эстонских правых, включив в свои списки представителей этнических меньшинств, в частности, русскую Людмилу Сочневу, чтобы отразить обвинения в ксенофобии.

По результатам парламентских выборов в 2014 г. «Национальное объединение» получило 16,6% голосов и 17 мест в Сейме, что позволило партии вновь войти в правящую коалицию, где она была с 2011 г.; один депутат представляет партию в Европарламенте. На выборах 2018 г. результат НО составил 13 мест, т.е. на 4 места меньше, чем четыре года назад: вероятно, часть голосов смогли привлечь новые популистские партии.

Несмотря на доминирование «Национального объединения», в последние годы в контексте упомянутого «поствступительного кризиса», в равной степени актуального для стран Балтии, в Латвии возникло две новые популистские партии с броскими названиями «От сердца – Латвии» (No sirds Latvijai) и «Кому принадлежит государство?» (Kam pieder valsts?). Интересно, что по сравнению с Эстонией, в Латвии гораздо проще основать и зарегистрировать партию. Для регистрации необходимо только 500 членов (ранее – 200), в то время как в Эстонии с 1998 г. – 1000, что в условиях небольшой численности населения представляет достаточно серьёзную преграду³⁶³. Как результат подобного различия, в 2016 г. в Латвии было 65 зарегистрированных партий, в Эстонии – только 11.

Партию «Кому принадлежит государство?» основал в 2016 г. актёр и радиоведущий Аргусс Кайминьш, после выхода из партии «Латвийское объединение регионов». «От сердца – Латвии»

līdzīgus uzskatus. Dienas Bizness, 25.07.2011. URL: <http://www.db.lv/zinas/nacionalas-apvienibas-valdes-locekليس-pauz-norvegijas-tragedijas-vaininiekam-lidzigus-uzskatus-242121> (дата обращения: 07.09.2018).

³⁶² Valdība visbeidzot atbalsta 776 bēgļu uzņemšanu Latvijā. Jauns.lv, 17.09.2015. URL: <http://jauns.lv/raksts/zinas/41257-valdiba-visbeidzot-atbalsta-776-beglu-uznemšanu-latvija> (дата обращения: 07.09.2018).

³⁶³ Toomla R. Eesti erakonnad 2000-2010. Tartu: TÜK, 2011. Lk. 49.

основала в 2014 г. бывший глава государственного контроля страны Ингуна Судраба. Однако данные партии не подлежат рассмотрению в этой работе, потому что, несмотря на явное наличие элементов популистской стратегии, в их дискурсе отсутствует «эксклюзивный» национализм – ключевой отличительный признак именно *правого* популизма. «Гражданский», «инклюзивный» национализм в партийном дискурсе, несомненно, присутствует, как и в программах большинства латвийских политических партий, однако его наличие, в том числе из-за его распространённости в дискурсе мэйнстрима, не может служить маркером правого популизма.

Правый популизм в Литве. Популизм в Литве, в отличие от других балтийских стран, носит преимущественно левый характер³⁶⁴. Если всё же говорить о правом популизме, то в данную категорию можно было бы включить «Порядок и справедливость» (Tvarka ir Teisingumas) Роландаса Паксаса, однако в дискурсе партии отсутствует ключевой компонент правопопулистской риторики – национализм и в принципе какая-либо тенденция к горизонтальному исключению³⁶⁵. Если пользоваться типологией В.С. Литвина, эта партия – представитель «центристского популизма», не подразумевающего однозначное сочетание популистской стратегии с левой или правой идеологической базой³⁶⁶.

Другим правым актором с популистскими тенденциями является «Союз националистов» (Tautininkų sąjunga, таутининки; с 2015 г. – «Союз националистов и республиканцев», Lietuvos tautininkų ir respublikonų sąjunga) – достаточно маргинальная партия с минимальной общественной поддержкой. На официаль-

³⁶⁴ Aleknonis G., Matkevičienė R. Populism in Lithuania: Defining the Research Tradition. *Baltic Journal of Law and Politics*, 2016, vol. 9, №1. P. 38.

³⁶⁵ Ramonaitė A., Ratkevičiūtė V. The Lithuanian Case: National Populism Without Xenophobia. In: *Exposing the Demagogues: Right-Wing and National Populist Parties in Europe*. Berlin: KAS, 2013. P. 264; Balcere I. Comparing Populist Political Parties in the Baltic States and Western Europe. European Consortium for Political Research. URL: <https://ecpr.eu/Filestore/PaperProposal/1de703e8-4516-4ed9-92a3-858ed010c393.pdf>. P. 12.

³⁶⁶ Романюк А.С., Литвин В.С., Панчак-Бялоблоцка Н.В. Політичні інститути країн центрально-східної Європи: порівняльний аналіз. Львів: ЛНУ імені Івана Франка. С. 332.

ном сайте посетителей встречает лозунг «Lietuva lietuviams» – «Литва для литовцев», что уже много говорит о партийной платформе. «Союз националистов» не представлен в законодательных органах, однако именно он в качестве представителя Литвы подписал 23 августа 2013 г. совместную с ЭКНП и латвийским «Национальным объединением» «Декларацию Бауски» – призыв к национальному пробуждению балтийских стран и против создания «Соединённых штатов Европы»³⁶⁷. Также тау-тининки совместно с упомянутыми партиями и ещё несколькими партиями и движениями из Украины, Белоруссии и Грузии в 2014 г. основали «Альянс балтийско-черноморских наций» – «для борьбы с имперской политикой России»³⁶⁸. Тем не менее, внутривнутриполитическая активность «Союза националистов» практически незаметна.

Помимо «Порядка и справедливости» и «Союза националистов», в контексте литовского правого популизма возможно упомянуть также относительно новую партию «Путь мужества» (Drašos kelias). Также исследователи литовского популизма называют три партии-движения с антисистемной и антиэлитной направленностью – «Список Литвы», «Объединённое демократическое движение» и движение «Вместе»³⁶⁹. Однако все упомянутые здесь партии (кроме «Порядка и справедливости») не получили какого-либо представительства в Сейме. К тому же, отсутствуют основания для именования их именно *правопопулистскими*.

Из вышесказанного можно сделать вывод о том, что сколь-нибудь значимый правопопулистский актор в современной Литве отсутствует. Такая ситуация труднообъяснима, так как в постсоветской Литве существовали все условия для формирования

³⁶⁷ Национальные партии трёх стран Балтии подпишут в латвийской Бауске совместную декларацию. Виру Проспект, 23.8.2013. URL: http://old.prospekt.ee/index.php?option=com_content&view=article&id=8498:2013-08-18-13-41-1&catid=61:2013-08-18-13-41-21 (дата обращения: 12.01.2017).

³⁶⁸ У Києві створили Альянс Балто-Чорноморських націй для боротьби з агре-сією Росії. Радіо Свобода, 05.12.2014. URL: <http://www.radiosvoboda.org/a/26727502.html> (дата обращения: 12.01.2017).

³⁶⁹ Stašienė J. Populist Discourse on Political Representation: A Case Study of Anti-Establishment Organizations in Lithuania. *Baltic Journal of Political Science*, 2016, №5. P. 58.

успешных праворадикальных и правопопулистских партий, включая наличие значимых этнических меньшинств, консерватизм населения и историческую традицию. Причины выбора популистскими электоральными организациями Литвы центристской стратегии заслуживают отдельного изучения и, мы надеемся, дождутся своего исследователя.

В рамках изучения балтийского опыта, а также частично рассмотренного в предыдущем параграфе польского случая, определённый интерес представляет проект *Intermarium* («Междуморье»), который развивает онлайн-платформа «Новый национализм» – «национально-консервативный новостной портал для свободомыслящих людей в регионе Междуморья»³⁷⁰. Изначально идея создания федерации Польши, Литвы, Беларуси и Украины (а потом и балканских, и центральноевропейских государств) принадлежала Й. Пилсудскому и латвийскому генералу П. Радзиньшу (в отечественной историографической традиции – Радзиню) и появилась в 1920-х гг. Однако новый импульс этой идее был придан только после событий 2014 г. на Украине, когда националистически настроенные силы региона получили повод обвинить ЕС, США и НАТО в неспособности противостоять российской агрессии³⁷¹. Неслучайно одним из организаторов встреч по поводу «Интермариума» стала украинская националистическая организация «Гражданский корпус “Азов”».

«Междуморье» предполагает построение единого блока правых сил стран ЦВЕ, который противостоял бы как «левому» и либеральному Брюсселю, так и агрессивной Москве. ЦВЕ рассматривается как регион, зажатый между двумя гегемонами – Россией и США, некий «новый хартленд», и выбраться из этой ловушки можно, только сломив империализм двух сверхдержав и построив блок «белых» этнократий³⁷². Сторонники данного

³⁷⁰ The New Nationalism. URL: <http://thenewnationalism.com> (дата обращения: 07.09.2018).

³⁷¹ Kott M. A Far-Right Hijack of Intermarium. *New Eastern Europe*, 26.05.2017. URL: <http://neweasterneurope.eu/2017/05/26/a-far-right-hijack-of-intermarium/> (дата обращения: 07.09.2018).

³⁷² Wierenga L. Russians, Refugees and Europeans: What Shapes the Discourse of the Conservative People's Party of Estonia? *Humanities and Social Sciences. Latvia*, 2017, vol. 25, №1. P. 12.

проекта осуждают западноевропейских правых популистов за их (предположительно) тесные отношения с российским руководством: «[Марин Ле Пен] решила позволить России украсть идею консерватизма и национализма. (...) Есть только одна причина, почему Россия решила использовать национализм и консерватизм в качестве инструмента геополитической борьбы – чтобы дискредитировать эти ценности, дискредитировать настоящих европейских патриотов и разделить Европу» – пишет генеральный секретарь латвийского «Национального объединения» Райвис Зелтис³⁷³. Основная движущая сила проекта – молодёжные подразделения «Национального объединения» и ЭКНП, а также правые партии и объединения других стран ЦВЕ и Швеции³⁷⁴.

Представляется возможным выделить ряд общих черт в балтийском кластере, по крайней мере, для Эстонии и Латвии. В обеих странах успешные правопопулистские партии возникли в результате слияния относительно укоренившихся на политической сцене акторов, обладающих финансовыми и электоральными ресурсами, с более радикальными игроками, привнёсшими элемент идеологической привлекательности для молодёжного сектора и ряд организационных новаций. Различие, прежде всего, в разном отношении к европейской интеграции, а также в степени радикализации националистического дискурса (и в различных Других – так, для официального дискурса ЭКНП нехарактерен антисемитизм). Наконец, Литва, достаточно неожиданно, являет собой пример страны, где по сей день не существует успешной правопопулистской партии. В дискурсе крупнейшего популистского игрока отсутствует этнический либо цивилизационный национализм, который бы позволил назвать «Порядок и справедливость» правыми популистами, а националистические акторы остаются маргинальными.

Напомним, одним из критериев принадлежности партии к правому популизму является её электоральная успешность, ко-

³⁷³ Zeltits R. Impossible to support Le Pen. The New Nationalism, 25.07.2017. URL: <http://thenewnationalism.com/2017/07/25/impossible-to-support-le-pen/> (дата обращения: 07.09.2018).

³⁷⁴ Wierenga L. Op. cit. P. 12.

тору можно идентифицировать по степени её присутствия в общенациональном законодательном органе (местные органы власти в этом смысле недостаточно репрезентативны, так как зачастую выборы в них рассматриваются, как и выборы в наднациональные органы, в качестве «голосования второго порядка» и могут носить протестный характер). Необходимо сделать оговорку, что в условиях наличия доминирующей партии достаточно высокий процент на выборах не всегда означает, что партия получит соответствующую долю мест в парламенте. Так, рассмотренный в данной главе КОРВИН, получив в 2015 г. 4,8% голосов, в Сейм не попал, поскольку ПиС со своими 38% голосов задала слишком высокую планку. Мы рассматриваем успешность только тех партий, которые в принципе оказались представлены в легислатуре. Однако в 2019 г. в составе коалиции «Конфедерация Свободы и Независимости» партия Я. Корвин-Микке «Свобода» всё же оказалась представлена в Сейме.

Если разместить на шкале участие партий в легислатурах (разумно было бы учитывать только состав нижней палаты, так как не во всех рассматриваемых странах парламент имеет двухпалатную структуру), то можно было бы принять за шаг пять процентных пунктов. Таким образом, индекс 1 соответствует 1-5%, 2 – 6-10%, 3 – 11-15%, 4 – 16-20%, 5 – 20-25%, 6 – более 25%. В такой ситуации «Партии свободы» можно присвоить значение 3, «Форуму за демократию» – 1, «Новому фламандскому альянсу» – 5, «Фламандскому интересу» (получившему на выборах в федеральный парламент 2019 г. 8,3% голосов) – 2, «Альтернативной демократической партии реформ» – 2, «Праву и справедливости» (43,59%) – 6, «Кукиз-15» (8,6%) – 2, «Конфедерации Свободы и Независимости» (КСН, 6,81%) – 2, «Эстонской консервативной народной партии» – 4, «Национальному объединению» – 3. Для удобства восприятия данные показатели сведены в таблицу 2. Эти индикаторы будут далее использованы в сводной таблице характеристик рассмотренных в работе правопопулистских партий.

Общее и особенное в рассмотренных кейсах

Очевидно, что все правопопулистские кейсы объединяет то, на основе чего мы их, собственно, выделяем: это «разреженный»

Таблица 2

Успешность правопопулистских политических партий

ПС	ФзД	НФА	ФИ	АДПР	ПиС	К15	КСН	ЭКНП	НО
3	1	5	2	2	6	2	2	4	3

Источник: составлено автором на основе данных о результатах выборов в странах ЕС.

популизм как стратегия (часто сводимый к антиэлитизму) и национализм. Также, следуя трёхчленному определению, предложенному К. Мюдде, стоит присовокупить сюда стремление к авторитаризму в государственном управлении, наиболее наглядно проявившееся там, где правые популисты пришли к власти. Однако следует отделять его от авторитаризма *внутри* самих правопопулистских партий: как продемонстрировал анализ отдельных случаев, далеко не всегда правопопулистскую партию возглавляет харизматический лидер, хотя такой тип лидерства в целом более характерен для популистских партий, чем коллективное руководство.

Различаются же рассмотренные правопопулистские партии по некоторым иным критериям:

– характер национализма: в странах ЦВЕ и «примкнувшей к ним» Балтии национализм имеет скорее «классический», этнический характер, часто с актуализированными территориальными претензиями, в то время как для западноевропейских правых более характерно цивилизационное или же гражданское понимание нации и национализма;

– виктимные группы национализма: хотя приток иммигрантов из стран Ближнего Востока и Северной Африки в ЦВЕ в последние годы и сделал их значимым Другим во всём ЕС, для стран Центральной и Восточной Европы характерно также наличие «внутренних Других», привычных объектов националистического исключения – прежде всего, цыган и евреев. Также в качестве виктимных групп восточноевропейских правых чаще, чем в Западной Европе, выступают культурные и сексуальные меньшинства;

– степень евроскептицизма: в странах ЦВЕ и Балтии по-прежнему доминирует восприятие вступления в ЕС как одного из шагов на пути «возврата в Европу» («поствступительный кризис»), в частности, ведёт обычно к ослаблению доверия не к над-

национальным, а к национальным органам управления), поэтому евроскептицизм не находит такого отклика у избирателей, как в Западной Европе, жители которой не считают необходимым куда-то «возвращаться» и в существенной доле легко поддаются евроскептической пропаганде;

– роль религии в дискурсе: хотя «Национальное объединение» М. Ле Пен и известно своими связями с католиками-традиционалистами, правый популизм в Западной Европе остаётся преимущественно секулярным явлением, в то время как центральноевропейские и даже балтийские правые периодически (а некоторые партии, как польские «Право и справедливость» и Лига польских семей, и на постоянной основе) обращаются к религии как к одному из «столпов» национальной идентичности.

3. ПРАВЫЙ ПОПУЛИЗМ В КОНТЕКСТЕ ЕВРОПЕЙСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ

3.1. Евроскептицизм: идейно-теоретические основы

Термин «евроскептицизм» возник в конце 1980-х гг. в Великобритании применительно к обсуждению сущности и перспектив членства страны в ЕС. Современное понимание евроскептицизма как в нынешних, так и в будущих странах – членах Союза сформировалось в процессе обсуждения Маастрихтского договора³⁷⁵. Чаще других приводится определение евроскептицизма П. Таггарта: «Евроскептицизм выражает идею ограниченной или сопровождающейся оговорками оппозиции процессу европейской интеграции, в том числе оппозицию прямую и безоговорочную»³⁷⁶.

Евроскептики, выступающие за сохранение/расширение роли национальных государств, совершенно необязательно выступают против проекта единой Европы как таковой. Противодействие вызывает именно современный интеграционный проект,

³⁷⁵ Harmsen R. Concluding Comment: On Understanding the Relationship between Populism and Euroscepticism. *Perspectives on European Politics and Society*, 2010, vol. 11, №3. P. 334.

³⁷⁶ Taggart P. A Touchstone of Dissent: Euroscepticism in Contemporary Western European Party Systems. *European Journal of Political Research*. 1998, vol. 33, №3. P. 366.

предполагающий формирование общеевропейской лояльности на базе гражданской идентичности³⁷⁷, в то время как возможное неинституционализированное единство этнических государств, «белых этнократий» лишь приветствуется. Сам термин «евроскептицизм» во многом неточен, так как обычно сторонники этой идеи выступают не против Европы или сотрудничества европейских государств, а именно против Европейского союза. Поэтому, к примеру, К. Флад предлагает заменить термин «евроскептицизм» на более точный – «ЕС-скептицизм»³⁷⁸.

Для использования в данной работе мы считаем возможным предложить следующее определение евроскептицизма: *негативное отношение к интеграции в рамках Европейского союза как к идее либо к отдельным её аспектам в программах и риторике политических партий.*

Евроскептицизм представляет собой одну из структурных характеристик дискурса европейских популистов – как в Европейском союзе, так и за его пределами. Следуя схеме, описанной Э. Лакло, популизм возникает там, где имеется структурное противоречие в дискурсе³⁷⁹, «разрыв», кливаж, как назвал бы это С. Роккан³⁸⁰. И в данном случае мы имеем дело с идеологическим «разрывом» между еврооптимистами (сторонниками углубления или, по крайней мере, признания положительной роли европейской интеграции) и евроскептиками (которые либо настроены против углубления интеграции, либо отрицают её как таковую). Поскольку после 1992 г., как отмечают исследователи, с подписанием Маастрихтского договора, евроскептицизм стал существенным фактором европейской политики и существ-

³⁷⁷ Тэвдой-Бурмули А.И. Этнополитическая динамика Европейского союза. М.: Аспект-Пресс, 2018. С. 167.

³⁷⁸ Flood Ch. Euroscepticism: a problematic concept (illustrated with particular reference to France). UACES 32nd Annual Conference. Belfast, 2-4 September 2002. URL: <https://www.uaces.org/documents/papers/0201/flood.pdf>. P. 6.

³⁷⁹ Казула Ф. «Популизм» и «гегемония» у Эрнесто Лакло — десять лет спустя. В кн.: Символическая политика. Вып. 5: Политика идентичность. М.: ИНИОН РАН, 2017. С. 336.

³⁸⁰ По С. Роккану, кливаж – такой раскол в обществе, который создаёт собственную идентичность по обе стороны разделительной линии. См.: Lipset S.M., Rokkan S. Party Systems and Voter Alignments: Cross-National Perspectives. NYC: Free Press, 1967. 554 p.

венной разделительной линией, естественно, что популисты (как правые, так и левые) взяли его на вооружение.

Демонстрация преданности национальному государству и, соответственно, антиглобализма/евроскептицизма представляется одним из проявлений коммуникативной архаики в дискурсе правопопулистских партий³⁸¹. Стремление к расширению роли национальных государств сталкивается с глобализацией, в которой евроскептикам видится прямая угроза национальным интересам. Для большинства европейских националистических партий персонификацией врага становится Европейский союз, «рука Брюсселя». Здесь очевидна параллель и с популистским антиэлитизмом: если народ противопоставляют национальной элите, то национальное государство в целом противопоставляют брюссельской бюрократии³⁸². К. Фоссен называет в числе имманентно присущих национал-популизму черт противодействие экономической и культурной глобализации и предпочтение традиционных ценностей³⁸³. Швейцарский учёный У. Альтерматт утверждает, что «популизм и евроскепсис представляют собой две стороны одного и того же феномена»³⁸⁴, а П. Таггарт отмечает, что «трудно представить себе современную западноевропейскую популистскую партию, для которой не был бы характерен евроскептицизм»³⁸⁵.

Уровень евроскептицизма, его природа и роль в идеологических платформах различается в разных странах и в разных партиях. Классической представляется классификация П. Таггарта и А. Щербяка, которые разделили евроскептиков на «мягких» и

³⁸¹ Подробнее см.: Харкевич М.В., Музалевский В.А., Осолков П.В. Архаика и современный правый популизм в Европе. Современная Европа, 2018, №1. С. 59-68. Слово «архаика» в данном случае не имеет негативных коннотаций и означает лишь условную ориентацию евроскептиков на некий утраченный идеал прошлого.

³⁸² Шибкова М.О. Фактор евроскептицизма в международной деятельности итальянских политических партий : дис. ... канд. полит. наук : 23.00.04 / Шибкова Мария Олеговна ; науч. рук. О.Н. Барабанов ; МГИМО МИД России. Москва, 2018. С. 71-72.

³⁸³ Vossen K. Classifying Wilders: The Ideological Development of Geert Wilders and His Party for Freedom. Politics, 2011, vol. 31, №3. P. 184.

³⁸⁴ Альтерматт У. Этнонационализм в Европе. М.: РГГУ, 2000. С. 232.

³⁸⁵ Taggart P. Populism in Western Europe. In: Oxford Handbook of Populism. Oxford: OUP, 2018. P. 257.

«жестких». «Жесткий» евроскептицизм подразумевает требование пересмотреть условия членства страны в Европейском союзе или даже покинуть его, в то время как «мягкий» требует лишь модификации механизмов функционирования европейских институтов³⁸⁶. Данную классификацию многократно критиковали и модифицировали; в частности, более актуальным рядом исследователей представлялось деление, которое предложили П. Копецки и К. Мюдде. Оно основано на разделении поддержки/отрицания самой идеи европейской интеграции и способов воплощения этой идеи на практике³⁸⁷.

Реагируя на критику своей изначальной концепции «мягкого» и «жесткого» евроскептицизма, П. Таггарт и А. Щербяк выступили в 2008 г. с обновлённой версией данной теории. Теперь «жесткий» евроскептицизм подразумевал не отрицание членства страны в ЕС, а «отрицание проекта европейской интеграции, воплощаемого Европейским союзом»³⁸⁸ (что, на наш взгляд, является лишь перефразированием: если некая партия отрицает «проект ЕС», логично предположить, что она противостоит также и членству своей страны в данном «неправильном» интеграционном объединении). В. Эмануэле, Н. Маджини и Б. Марино, продолжая уже традиционную в определённых кругах политологов критику концепции Таггарта и Щербяка, вообще предлагают отказаться от категории «мягкий евроскептицизм», так как, по их мнению, она включала бы в себя слишком много партий³⁸⁹. С подобным предложением достаточно трудно согласиться, если учитывать разнообразие партийных проявлений евроскепти-

³⁸⁶ Taggart P., Szczerbiak A. Contemporary Euroscepticism in the party systems of the European Union candidate states of Central and Eastern Europe. *European Journal of Political Research*, 2004, vol. 43, №1, P. 3-4.

³⁸⁷ Kopecký P., Mudde C. The Two Sides of Euroscepticism. Party Positions on European Integration in East Central Europe. *European Union Politics*, 2002, vol. 3, №3, P. 297-326.

³⁸⁸ Taggart P., Szczerbiak A. Theorizing Party-Based Euroscepticism: Problems of Definition, Measurement, and Casuality. In: *Opposing Europe? The Comparative Party Politics of Euroscepticism*. Vol. 2. Oxford: Oxford University Press, 2008. P. 247.

³⁸⁹ Emanuele V., Maggini N., Marino B. Gaining Votes in Europe against Europe? How National Contexts Shaped the Results of Eurosceptic Parties in the 2014 European Parliament Elections. *Journal of Contemporary European Research*, 2016, vol. 12, №3, P. 698.

цизма в различных европейских государствах. Если для Нидерландов, как мы увидим далее, такое предложение действительно кажется не лишённым рационального зерна, то для большинства стран Центральной и Восточной Европы разделение на «мягкий» и «жёсткий» евроскептицизм по-прежнему актуально, и ни одну из категорий нельзя назвать чрезмерно инклюзивной вследствие наличия в ряде стран партийно-политического консенсуса относительно положительной роли европейской интеграции в жизни государства.

Мы предполагаем осветить евроскептицизм преимущественно, во-первых, в партийном поле государств ЕС, что исключает анализ непартийных движений и объединений, во-вторых, в правой части политического спектра. В некоторых странах Европейского союза евроскептицизм более заметен на левом фланге – причём независимо от субрегиона: это и западноевропейская Ирландия (Шинн Фейн), и южноевропейская Португалия. Как правило, для правопопулистских партий основаниями евроскептицизма служат опасения за национальный суверенитет и культурную гомогенность, в отличие от левых популистов, которые опасаются за социальное государство и противостоят либерализации рынков³⁹⁰. Однако, разумеется, это идеальные модели – на деле встречаются пересечения оснований евроскептицизма справа и слева, – в частности, в последние годы для левых евроскептиков также иногда характерны обращения к категории национального суверенитета.

Будет ошибкой считать, что евроскептические силы относятся исключительно к право- и левопопулистским. Так, во Франции с позиций евроскептицизма разной степени выступают, помимо радикальных «Национального объединения» М. Ле Пен и «Левого фронта» Ж.-Л. Меланшона, такие партии как «Народный республиканский союз» Ф. Асселино, «Движение за Францию» Ф. де Вилье, «Вставай, Франция» Н. Дюпон-Эньяна и «Солидарность и прогресс» Ж. Шеминада справа, «Новая антикапиталистическая партия» Ф. Путу и «Рабочая борьба» Н. Ар-

³⁹⁰ Van Elsas E.J., Nakhverdian A., van den Brug W. United against a common foe? The nature and origins of Euroscepticism among left-wing and right-wing citizens. *West European Politics*, 2016, vol. 39, №6. P. 1182.

то слева.

Необходимо отметить, что для оппозиционных и маргинальных партий евроскептицизм характерен в большей степени, чем для правящих, и является зачастую одной из форм протеста против политического истеблишмента³⁹¹. При этом помимо того, что евроскептицизм выступает в качестве «универсальной оппозиции неолиберальной европейской элите»³⁹², в случае принятия на вооружение правыми силами он выступает в качестве органического следствия национализма и встраивается в националистическую риторику.

По наблюдению немецкого политолога Ф. Хартлеба, евроскептическая программа европейских популистов включает в себя три аспекта. Это: 1) критика евро и функционирования еврозоны (отказ от принципа солидарности в странах-донорах, общей фискальной политики и мер экономии, особенно в странах Южной Европы), 2) критика структур ЕС и пресловутого демократического дефицита как недостатка транспарентности в деятельности последних (предпочтение модели «Европы наций/регионов», боязнь создания излишне централизованного, бюрократизированного, сложно устроенного, дорогого и неэффективного «супергосударства» или «Соединённых Штатов Европы»), часто в сочетании с критикой слабости европейской компромиссной внешней политики и отсутствия европейской армии, критика видения евроинтеграции как «однаправленного движения» в сторону «расширения вглубь»), 3) опасения за сохранность культурной и региональной идентичности (предложения о выходе из ЕС по примеру Брекзита, возложение на ЕС вины за массовую миграцию и миграционный кризис, критика мультикультурализма, страх Брюсселя как «новой Москвы», т.е. нового политического гегемона, в посткоммунистических странах)³⁹³.

³⁹¹ Mikkel E., Kasekamp A. Emerging Party-Based Euroscepticism in Estonia. In: *Opposing Europe? The Comparative Party Politics of Euroscepticism: Case Studies and Country Services*. Vol. 1. Oxford: Oxford University Press, 2008. P. 305; Harmsen R. *Op. cit.* P. 335.

³⁹² Георгиев Г. Европеизм vs евроскептицизм в странах Центральной и Восточной Европы. *Контуры глобальных трансформаций*, 2017, т. 10, № 1. С. 164.

³⁹³ Hartleb F. Die Stunde der Populisten: wie sich unsere Politik trumpetisiert und

Некоторые исследователи также выделяют «социальный» евроскептицизм – возложение на ЕС вины за меры экономии и последствия экономического кризиса; «евроскептицизм предубеждения», основанный на критике мультикультурализма и массового миграционного притока; «рациональный евроскептицизм», в основе которого лежит критика деятельности институтов единой Европы; и «нормативный евроскептицизм», критикующий нормы ЕС, регулирующие те или иные сферы деятельности³⁹⁴. Как нам представляется, последние две категории представляют собой разные стороны одного и того же феномена. Очевидно, что данные разновидности целиком укладываются в трёхзвенную систему Ф. Хартлеба. Заслуживает внимания тезис, согласно которому большинство евроскептиков критикуют в той или иной форме различные нарушения принципа субсидиарности в работе органов Европейского союза (как правило, они проявляются в ограничении национального суверенитета)³⁹⁵. Это доказывают конкретные примеры риторики европейских правопопулистских партий. Однако стоит иметь в виду степень евроскептицизма, поскольку субсидиарность представляет собой один из принципов интеграционного процесса, постольку для «жестких» евроскептиков встаёт вопрос о самом участии в каких-либо формах интеграции.

София Василовулу предлагает три модуса противодействия европейской интеграции: отрицающий (автор концепции относится к данному модусу французское «Национальное объединение», итальянское «Трёхцветное пламя», «Лигу польских семей» и «Британскую национальную партию»), частичный («Австрийская партия свободы», «Фламандский интерес», «Атака», «Датская народная партия», «Лига» (ранее – «Лига Севера»)) и компромиссный (латвийское «Национальное объединение») евроскептицизм. Она опирается в данной классификации на отноше-

was wir dagegen tun können. Schwalbach: Wochenschau Verlag, 2017. S. 90-92.

³⁹⁴ Boros T., Vasali Z. The Rise of Euroscepticism and Possible Responses prior to the 2014 European Parliament Elections. Brussels: Foundation for European Progressive Studies, 2013. P. 10.

³⁹⁵ Доманов А.О. Влияние депутатов-евроскептиков на «коммунитарность» законодательства ЕС. В кн.: Многосторонние институты и диалоговые форматы. М.: МГИМО-Университет, 2016. С. 133.

ние акторов к четырём аспектам: понимание Европы как общего культурно-исторического пространства, принцип многостороннего сотрудничества в рамках ЕС, политическая практика ЕС и стремление выстраивать будущую европейскую политику (всё более сплочённый союз)³⁹⁶. Представители всех трёх видов евроскептицизма принимают общее понимание Европы как единого культурного ареала, основанного на христианстве, греческой демократии и римском праве, и отвергают построение будущей общеевропейской политики. Разница между частичным и компромиссным видами заключается в том, что последний принимает необходимость работы в рамках европейских институтов и по правилам ЕС, а первый предпочитает ограниченное межгосударственное (а не надгосударственное) сотрудничество и Европу как конфедерацию полностью суверенных государств³⁹⁷.

Чрезвычайно интересным представляется Индекс отношения к европейской интеграции (ИОЕИ), разработанный Н.Ю. Кавешниковым и А.О. Домановым. Авторы предлагают на основании контент-анализа программных текстов ранжировать европейские политические партии по значению индекса от 1 (отрицательное отношение) до 13 (аффективная поддержка). Они опираются на такие параметры, как отношение к общей идее интеграции, аффективная и инструментальная поддержка ЕС и восприятие его как (не)подотчётной организации³⁹⁸. Подробно механизм расчёта ИОЕИ представлен на рисунке 2.

Далее ИОЕИ задействуется нами, в том числе как один из факторов сравнения правопопулистских партий.

3.2. Страновые случаи евроскептицизма

3.2.1. Евроскептицизм в Западной Европе

Евроскептицизм в Западной Европе мы считаем возможным рассмотреть на примере стран Бенилюкса. Страны Бенилюкса – три из «шестёрки», составившей изначальное ядро современной европейской интеграции, поэтому исследование феномена

³⁹⁶ Vasilopoulou S. European integration and the radical right. Three patterns of opposition. In: *The Populist Radical Right: A Reader*. London: Routledge, 2017. P. 124.

³⁹⁷ Ibid. P. 130.

³⁹⁸ Кавешников Н.Ю., Доманов А.О. Методика оценки евроскептических настроений на примере политических партий Великобритании. *Международные процессы*, 2018, т. 16, №1. С. 82.

евроскептицизма в данных государствах представляет особый интерес.

Нидерланды – одна из стран, стоявших у истоков европейской интеграции, однако евроскептицизм здесь также распространён и имеет множественные основания. Одно из таких оснований даже для партий истеблишмента – боязнь политической централизации Союза по федеративной модели и дальнейшей передачи суверенитета национальных государств на наднациональный уровень. Нидерландский министр иностранных дел Франс Тиммерманс, впоследствии ставший первым вице-председателем Еврокомиссии, последовательно отстаивал принцип субсидиарности, согласно которому максимальное количество сфер управления должно оставаться на национальном уровне, а ЕС должен вмешиваться только тогда, когда это действительно необходимо⁴⁰⁰.

³⁹⁹ Доманов А.О. Оценка уровня евроскептицизма партий Франции на основе контент-анализа их предвыборных программ. *Контуры глобальных трансформаций*, 2018, т. 11, №3. С. 201.

⁴⁰⁰ Кортевер Р. Почему голландцы разлюбили Евросоюз. *Московский Центр*

Олицетворение нидерландского правого популизма и евроскептицизма – «Партия свободы». В риторике партии Г. Вилдерса евроскептицизм, наряду с антиэлитизмом и антииммигрантским посылом, занимает существенное место. В 2014 г. Вилдерс представил Генеральным штатам доклад под названием «Некзит» о позитивных последствиях, которые имел бы для Нидерландов выход из ЕС. Представителям истеблишмента, учитывая популярность призывов Вилдерса среди электората, также пришлось прокомментировать данный вопрос. К примеру, премьер-министр Марк Рютте заявил, что европейскую интеграцию «не следует углублять или ускорять»⁴⁰¹. В программе, представленной партией перед выборами 2017 г., также присутствовал пункт о выходе из Европейского союза: «Нидерланды снова [должны стать] независимыми. Так что – выход из ЕС»⁴⁰². Таким образом, позицию партии по вопросу европейской интеграции можно охарактеризовать как отрицательное отношение, ИОЕИ по классификации Н.Ю. Кавешникова и А.О. Доманова составляет I.

Один из основных объектов критики партии «Форум за демократию» – «демократический дефицит» ЕС, ограниченность возможностей граждан влиять на принятие решений европейскими институтами. Т. Бодэ пишет в своей программной книге «Атака на национальное государство»: «Публичное обсуждение на европейском уровне невозможно, так что Европейский союз действует в политическом и демократическом вакууме»⁴⁰³. Отдельной критики удостоивается Комиссия ЕС: «Власть Комиссии ЕС не ограничена специальными задачами, а принцип субсидиарности используется, чтобы централизовать всё больше сфер управления»⁴⁰⁴. Индекс отношения к европейской интегра-

Карнеги, 15.03.2017. URL: <http://carnegie.ru/2017/03/15/ru-pub-68270> (дата обращения: 15.09.2017).

⁴⁰¹ Rutte in Brussel: EU niet versnellen. Nederlands Dagblad, 24.06.2016. URL: <https://www.nd.nl/nieuws/actueel/binnenland/rutte-in-brussel-eu-niet-versnellen.1822396.lynkx> (дата обращения: 15.09.2017).

⁴⁰² Partij Voor de Vrijheid: officiële website. URL: <https://pvv.nl/visie.html> (дата обращения: 15.09.2017).

⁴⁰³ Baudet T. De aanval op de natiestaat: Immigratie, de Europese Unie en de democratische crisis van nu. Amsterdam: Prometheus, 2017. P. 229.

⁴⁰⁴ Ibid. P. 228.

ции определяется требованиями концентрации полномочий на уровне национальных государств при упоминании неподотчётности ЕС и, таким образом, равен 3. В 2019 г. «Партия свободы» не набрала достаточно голосов, чтобы быть представленной в Европейском парламенте нового созыва, в отличие от «Форума за демократию», который получил 10,9% голосов и 3 места в ЕП (депутаты от ФзД присоединились к фракции «Европейских консерваторов и реформистов»).

В той или иной форме евроскептицизм характерен для многих нидерландских партий, в идеологии которых он выступает лишь в качестве фонового элемента. Евроскептические элементы заметны в риторике «Христианского союза», «Реформатской партии», «Социалистической партии» и «Партии защиты животных». Но эти партии – не правопопулистские; по этой же причине здесь не рассматриваются такие маргинально-националистические акторы как «Нидерландский народный союз» (*Nederlandse Volkspartij*) и паннидерландистское движение «Форпост».

Большинство партий мейнстрима осознаёт важность европейской интеграции для небольшого европейского государства. По данным исследовательского центра Pew, только 18% нидерландцев считают, что их стране надо выйти из ЕС. Однако необходимо учитывать, что жёсткая постановка вопроса отпугивает часть опрошиваемых⁴⁰⁵; за референдум о членстве в ЕС, аналогичный проведённому в Великобритании, выступают уже 42% граждан Нидерландов, а 52% не одобряют европейскую миграционную политику⁴⁰⁶. У 64% населения сложился позитивный образ ЕС⁴⁰⁷. По данным Евробарометра, 79% нидерландцев считают, что членство их страны в ЕС – позитивное явление (при среднеевропейском показателе 57%); в 2016 г. этот показатель составлял 72%⁴⁰⁸, так что налицо рост положительного воспри-

⁴⁰⁵ Осколков П.В., Сергеев Е.А. Нидерландская партийная система: между системой опор и европейской интеграцией. *Контурь глобальных трансформаций: политика, экономика, право*, 2017, т. 10, №6. С. 165.

⁴⁰⁶ Stokes B., Wike R., Manevich D. Post-Brexit, Europeans More Favorable Toward EU. Pew Research Center: *Global Attitudes & Trends*, 15.06.2017. URL: <http://www.pewglobal.org/2017/06/15/post-brexit-europeans-more-favorable-toward-eu/> (дата обращения: 15.09.2017).

⁴⁰⁷ Ibid.

⁴⁰⁸ Nancy J. Two years until the 2019 European elections: Special Eurobarometer

ятия ЕС в Нидерландах.

Бельгийская партия «Фламандский интерес» отличается достаточно радикальным евроскептицизмом – на выборах 2014 г. одним из лозунгов стал «За Европу, т.е. против ЕС». В социально-экономической программе партии (2012 г.) указано: «через десять лет после введения евро дальнейшее существование единой валюты и, шире, европейского проекта, уже не кажется само собой разумеющимся». Далее: «...ЕС организован по модели... федералистского бюрократического молоха... Соединённых Штатов Европы. Такая конструкция нежизнеспособна, потому что не существует европейского языка, европейского народа, общеевропейского политического пространства... “Фламандский интерес” горд быть еврокритической и евроскептической партией»⁴⁰⁹. Таким образом, отношение к европейской интеграции сводится к отрицательному отношению, ИОЕИ равен 1.

Правопопулистский «Новый фламандский альянс» позиционирует себя как умеренного актора, поэтому его евроскептическая риторика намного мягче. Он лишь предостерегает против превращения ЕС в «европейское супергосударство» и «Соединённые Штаты Европы», обвиняя ЕС в чрезмерной элитарности⁴¹⁰, что напоминает о классической риторике «мягких евроскептиков» (по классификации П. Таггарта и А. Щербяка). По наблюдению И. Мали, партия опасается ужесточать свой евроскептицизм, т.к. при этом утратит одно из наиболее существенных различий с конкурирующим «Фламандским интересом», и использует наличие эффективной европейской бюрократии как обоснование «ненужности бельгийской прокладки» между независимой Фландрией и ЕС: «На что неспособна Фландрия сама по себе, на это неспособна и Бельгия [однако способен ЕС]»⁴¹¹. В том же ключе НФА говорит о «внутреннем расширении» ЕС

of the European Parliament. Brussels: European Parliamentary Research Service, 2017. P. 48.

⁴⁰⁹ Vlaams Sociaal-Economisch Belang: sociaal-economisch programma. Brussel: Vlaams Belang Studiedienst, 2012. P. 138-139.

⁴¹⁰ De Paepe H. Het eurorealisme van de N-VA. Doorbraak, 28.11.2015. URL: <http://www.doorbraak.be/nl/nieuws/het-eurorealisme-van-de-n-va> (дата обращения: 15.09.2017).

⁴¹¹ Maly I. N-VA: Analyse van een politieke ideologie. Berchem: EPO, 2013. P. 164-165.

за счёт образования новых независимых государств – в первую очередь, Фландрии, Шотландии, Каталонии и Страны Басков⁴¹². НФА, таким образом, считает, что ЕС необходимо скорректировать политический курс при сохранении существующем объёме полномочий, однако упоминает, что ЕС неподотчётен собственным гражданам. ИОЕИ равен 7.

Валлонская «Национальная демократия» (*Démocratie Nationale*), действующая в южной части Бельгии, практически не предоставляет о себе никакой информации в Интернете; *de-facto* данная правопопулистская партия уже перешла в разряд маргинальных, однако ещё в начале XXI в. она имела определённый вес в принятии политических решений в Бельгии. Лидер партии М. Санти в ответ на вопрос, относится ли «Национальная демократия» к евроскептическим партиям, заявил: «мы не против Европы, но мы против Европейского союза, который навязывает нам вторжение иммигрантов»⁴¹³. Таким образом, НД всё же можно отнести к евроскептикам.

В 2017 г., по данным Евробарометра, 64% бельгийцев считали членство их страны в ЕС позитивным явлением, что намного ниже нидерландского показателя, но выше средневропейского; в 2016 г. этот показатель был равен 63%, т.е. налицо позитивная динамика⁴¹⁴. Однако на выборах в Европарламент-2019 обе фламандские правопопулистские партии получили по три места (НФА получил 13,73% голосов, ФИ – 11,68%)⁴¹⁵.

В Люксембурге основным евроскептическим актором является «Альтернативная демократическая партия реформ». Её евроскептические идеи весьма мягки. Депутат люксембургской Палаты депутатов Г. Жиберьен подчёркивает проевропейскую ориентацию АДПР, впрочем, допускающую критику отдельных аспектов деятельности институтов ЕС⁴¹⁶. Один из лозунгов пар-

⁴¹² De Paere H. Op. cit.

⁴¹³ Экспертное интервью автора с М. Санти, проведённое 17.06.2017.

⁴¹⁴ Nancy J. Op. cit. P. 48.

⁴¹⁵ 2019 European Election Results. URL: <https://www.election-results.eu/belgium/> (дата обращения: 25.10.2019).

⁴¹⁶ Besch N., Lessing G. Europhile by Nature: The Case of the Small Grand Duchy of Luxembourg. In: Euroskepticism in Small EU Member States. Riga: Latvian Institute of International Affairs, 2016. P. 12.

тии – «Меньше Европы, больше Люксембурга», – классический призыв «мягких евроскептиков», выступающих против «демократического дефицита» и дальнейшей передачи функций национального государства на наднациональный уровень; ИОЕИ АДПР можно определить как 8. В Европарламенте АДПР не представлена. Маргинально-националистическая Социал-демократическая народная партия также отличается евроскептицизмом, но до её входа в политический истеблишмент пока далеко. В Люксембурге, как и в Нидерландах, уверенные позиции занимает «евроскептицизм слева», это ярко проявляется в риторике партии «Левые» (Déi Lénk), считающей ЕС орудием «неолиберального проекта, обслуживающего лишь интересы банковского сектора»⁴¹⁷. В Люксембурге, по данным Евробарометра, самая высокая доля населения из европейских стран поддерживает членство страны в ЕС: 84%⁴¹⁸.

Нет оснований утверждать, что рост поддержки правых популистов в странах Бенилюкса связан именно с евроскепсисом: программы данных партий охватывают широкий спектр явлений, это далеко не «партии одного вопроса», и электорат скорее привлекает антиэлитистская и антииммигрантская риторика, нежели анти-ЕСовская; это подтверждается высокими (гораздо выше среднего по Союзу) показателями симпатии граждан стран Бенилюкса к ЕС.

3.2.2. *Евроскептицизм в ЦВЕ и в странах Балтии*⁴¹⁹

Восточная Европа имеет иное историческое наследие и в большинстве своём восприняла крах коммунистической системы как надежду на возрождение и укрепление национальных государств, а никак не начало пути в сторону передачи полномочий на наднациональный уровень. Соответственно, евроскептицизм имеет там другие основания. В странах, ранее входивших в Организацию Варшавского договора или в СССР, одно из таких оснований – «переход из одного союза в другой», сме-

⁴¹⁷ Déi Lénk. URL: <http://dei-lenk.lu/les-chefs-detat-et-de-gouvernement-continuent-a-miser-sur-le-chantage-et-le-diktat/> (дата обращения: 15.09.2017).

⁴¹⁸ Nancy J. Op. cit. P. 48.

⁴¹⁹ Учитывая, что последняя классификация ООН относит Эстонию, Латвию и Литву к Северной Европе, но в политической литературе их продолжают относить к ЦВЕ, мы считаем необходимым выделить их в отдельную категорию.

на «диктата Москвы» на «диктат Брюсселя»⁴²⁰. Однако, хотя некоторые авторы утверждают, что только в ЦВЕ, в силу данного обстоятельства, политическая система смогла инкорпорировать евроскептицизм⁴²¹, с этим сложно согласиться: достаточно взглянуть на приведённые выше примеры евроскептицизма не-маргинальных партий Нидерландов и Франции.

Основания евроскептицизма в ЦВЕ различаются от страны к стране. Различия очевидны даже на уровне субрегиональных кластеров, в том числе на примере трёх стран Балтии. В Латвии, при существенно большей радикализации партийной системы и дискурса местных правых популистов, чем в Эстонии, евроскептицизм практически не заметен. Основная причина состоит в том, что доверие граждан к институтам ЕС выше, чем к национальным⁴²². Этого нельзя сказать об Эстонии, поэтому и евроскептическая риторика правопопулистской ЭКНП более жёстка.

Необходимо отметить, что страны Балтии вступали в ЕС в рамках волны «возвращения в Европу», каковое понятие шире и охватывает в целом евроатлантические структуры⁴²³, т.е. ЕС наряду с НАТО. Как отмечает В.В. Воротников, в странах Балтии евроскептицизм слабо институализирован; парламентские партии используют риторику «мягкого» евроскептицизма в популистских целях, в то время как маргиналы могут себе позволить более радикальные позиции⁴²⁴.

Программа «Эстонской консервативной народной партии» (ЭКНП) обвиняет Европейский союз в превращении Эстонии в «одного из своих подданных». Один из программных пунктов – невыполнение обязательств в рамках Европейского стабилизационного механизма⁴²⁵. Партия стремится сформировать у гражд-

⁴²⁰ Mikkel E. Op. cit. P. 296.

⁴²¹ См.: Георгиев Г. Указ. соч. С. 174.

⁴²² Austers A. The case of Latvia: Popular euroscepticism in impasse. In: Euroscepticism in small EU member states. Riga: Latvian Institute for International Affairs, 2016. P. 87.

⁴²³ Воротников В.В. Страны Балтии в условиях Brexit: еврооптимизм vs евро-скептицизм. Контуры глобальных трансформаций, 2017, т. 10, №1. С. 124.

⁴²⁴ Там же. С. 122.

⁴²⁵ Kund O. EKRE – from club status to parliament rank. Postimees, 18.03.2015. URL: <http://news.postimees.ee/3127159/ekre-from-club-status-to-parliament-rank> (дата обращения: 15.09.2017).

дан образ ЕС как неповоротливой бюрократической структуры, неподотчётной населению и далёкой от насущных проблем европейцев⁴²⁶. Партия организовала массовый митинг в поддержку брексита. В программе ЭКНП отмечается: «Членство в ЕС и наличие единой валюты не должно ограничивать суверенитет Эстонии и препятствовать её развитию»⁴²⁷. Отношение партии к европейской интеграции определяется требованием декоммунитаризации (т.е. возвращению полномочий, переданных «опорам» ЕС, на уровень национальных государств) и упоминанием неподотчётности ЕС, так что ИОЕИ можно полагать равным 3. На выборах в Европарламент в 2019 г. ЭКНП набрала 12,7% голосов и провела в Европарламент одного депутата.

Литовская партия «Порядок и справедливость» Р. Паксаса характеризуется умеренным евроскептицизмом и выступает против федерализации ЕС, за сохранение национальной идентичности, и даже пыталась в 2016 г. провести референдум о выходе из зоны евро⁴²⁸. Поскольку речь идёт о декоммунитаризации (без упоминания подотчётности), ИОЕИ можно полагать равным 4. В Европарламенте-2019 «Порядок и справедливость» оказалась не представлена. В числе литовских евроскептиков также называют «Литовскую партию центра» Р. Озоласа, которая критикует миграционную политику ЕС. По нашему мнению, это спорный критерий, т.к. с критикой квот распределения мигрантов выступала и президент страны Д. Грибаускайте, в остальном зарекомендовавшая себя как убеждённый еврооптимист. По такому же принципу мы не относим к евроскептическим «Свободную партию Эстонии», также критикующую миграционные квоты. К евроскептикам периодически причисляют и «Литовскую народную партию» Р. Паулаускаса, заявляющую о неприемлемости курса на дальнейшую федерализацию ЕС. Однако остаёт-

⁴²⁶ Petsinis V. Contentious politics in the Baltics: the «new» wave of right-wing populism in Estonia. Open Democracy, 28.04.2016. URL: <https://www.opendemocracy.net/can-europe-make-it/vassilis-petsinis/contentious-politics-in-baltics-new-wave-of-right-wing-populism> (дата обращения: 15.09.2017).

⁴²⁷ EKRE Programm. EKRE, 2015. URL: <https://ekre.ee/wp-content/uploads/2015/07/EKRE-PROGRAMM-KONSERVATIIVNE-PROGRAMM.pdf> (дата обращения: 15.09.2017).

⁴²⁸ Воротников В.В. Указ. соч. С. 128.

ся открытым вопрос, насколько ЛПЦ и ЛНП можно считать правыми популистами. Маргинальный «Союз националистов» («таутининки») делает в своей идеологии акцент на возможности использования инструментов, которые предоставляет ЕС, для достижения целей, стоящих перед внешней политикой Литвы⁴²⁹. Радикальный евроскептицизм также находится в центре идеологии «Социалистического народного фронта» (как и «Социалистической партии Латвии»), однако они не относятся к правопопулистским партиям.

В Латвии основным правопопулистским актором можно считать партию «Национальное объединение». Однако эта партия отвергает евроскептицизм, приводя в качестве основания такой позиции опасность, исходящую с Востока: «Недопустимо, чтобы международные организации участвовали в управлении Латвией путём директив и рекомендаций. Единственным исключением здесь является Европейский союз, которому Латвия добровольно делегировала часть своего суверенитета в обмен на влияние в институтах ЕС. ЕС играет особую роль. Это важно, потому что на постсоветском пространстве стремительно развивается возглавляемый Россией Евразийский союз»⁴³⁰. Таким образом, ИОЕИ партии, в отличие от большинства рассматриваемых здесь акторов, высок и, предположительно, равен 10 (поддержка без требований реформ, без упоминания подотчётности). Подобная позиция «Национального объединения» не лишена оговорок: лидер партии Р. Зелтис говорит, что «НА рассматривает членство Латвии в ЕС как вопрос геополитики и безопасности (...). Мы не согласны с концепцией еврофедерализма»⁴³¹. По результатам выборов в Европейский парламент в 2019 г. «Национальное объединение» набрало 16,4% голосов и получило два депутатских кресла⁴³².

⁴²⁹ Там же. С. 129.

⁴³⁰ Nacionālās apvienības «Visu Latvijai!» – «Tēvzemei un Brīvībai»/LNNK» programma (Versija 4.1. 03.12.2012.) Nacionālā apvienība. URL: http://www.nacionalaapvieniba.lv/wp-content/uploads/2016/03/Nacionalas_apvienibas_VL_TB-LNNK_programma_v4.1.pdf. P. 37 (дата обращения: 15.09.17).

⁴³¹ Цит. по: Braghiroli S., Petsinis V. Between party-systems and identity-politics: the populist and radical right in Estonia and Latvia. *European Politics and Society*, 2019, vol. 20, №3. P. 438.

⁴³² 2019 European Election Results. URL: <https://www.election-results.eu/latvia/>

В отличие от «Национального объединения», правопопулистская партия «Евроскептики – партия действия» (с 2018 г. – просто «Партия действия», Rīcības partija), эволюционировавшая от левых к правым убеждениям, выступила с призывом «освободить Латвию от безропотного подчинения требованиям еврокомиссаров» и «выйти из блока НАТО»⁴³³. Впрочем, данная партия крайне маргинальна, и большинство жителей Латвии не воспринимают её как серьёзного политического игрока. Один из опрошенных по поводу отношения к данной партии заявил автору, что «сама партия – два клоуна и три алкоголика»⁴³⁴. Также в 2013 г. была образована правоконсервативная партия (с заметными популистскими тенденциями) «От сердца – Латвии» (No sirds Latvijai), в программе которой отмечается: «Мы будем активно защищать национальные интересы латвийского государства, как в Европейском союзе, так и в отношениях с другими международными партнёрами. Остановим дальнейшее ограничение внешнего и внутреннего суверенитета Латвии в результате федерализации и централизации функций Европейского союза»⁴³⁵.

В Польше евроскептицизм традиционно имеет под собой культурно-цивилизационную основу. Европейский союз видится польским правым оплотом секуляризма и чуждых ценностей постмодерна, от которых необходимо оберегать польское общество; польские евроскептики охотно прибегают к использованию религиозных образов и авторитета Римско-Католической церкви. «Лига польских семей» ориентируется на консервативных католических избирателей, представляя себя защитницей таких ценностей как «семья, патриотизм, религия, свобода и собственность»⁴³⁶. Партия выступает за выход Польши из ЕС и категорически противится замене злотого на евро. Она связывает с европейской интеграцией грядущий кризис морали и поль-

(дата обращения: 25.10.2019).

⁴³³ Цит. по: Воротников В.В. Указ. соч. С. 129.

⁴³⁴ Из бесед автора с представителями латвийской интеллигенции.

⁴³⁵ No Sirds Latvijai: Programma. URL: <http://nosirdslatvijai.lv/lv/partija/programma>

(дата обращения: 15.09.17).

⁴³⁶ Ачкасов В.А. Национал-популизм в посткоммунистических странах Центральной и Восточной Европы: причины роста электоральной поддержки. Вестник МГИМО-Университета, 2011, т. 5, №5. С. 150.

ской идентичности⁴³⁷.

Правящая ныне в Польше партия «Право и справедливость» пропагандирует сохранение ведущей роли национальных государств (находясь, соответственно, в оппозиции к «федералистской» концепции развития ЕС) и введение евро в очень долгосрочной перспективе⁴³⁸. Представитель партии, президент Польши А. Дуда, сравнил вступление Польши в ЕС с аннексией и историческими разделами Польши между крупными державами⁴³⁹, а премьер-министр М. Моравецкий 4 июля 2018 г. в очередной раз подверг критике идею превращения Европейского союза в «супергосударство» и призвал интеграционное объединение уважать национальную идентичность⁴⁴⁰. Однако эти заявления скорее можно рассматривать как эмоциональный ответ на оценку руководящими органами ЕС внутривнутриполитического курса партии. В программе ПиС от 2014 г. отмечено, что членство в ЕС «не может быть дорогой к созданию структур федеративного государства (федерации). Составные части федерации не могут быть государствами с точки зрения международного права. С возникновением такого государства его субъекты теряют независимость. ЕС является и должен оставаться международной организацией (...), то есть объединением суверенных независимых государств»⁴⁴¹. Таким образом, отношение «Права и справедливости» к ЕС можно охарактеризовать как «корректировка политики при существующем объёме полномочий», с опасением неподотчётности ЕС национальным государствам, т.е. ИОЕИ равен 7. По результатам выборов в Европейский парламент в 2019 г. «Право и справедливость» получила 45,38% голосов польских избирателей и 26 депутатских кресел⁴⁴².

⁴³⁷ Jasiewicz K. The New Populism in Poland: The Usual Suspects? Problems of Post-Communism, 2008, vol. 55, №3. P. 7.

⁴³⁸ FitzGibbon J., Guerra S. Not Just Europeanization, Not Necessarily Populism: Potential Factors Underlying the Mobilization of Populism in Ireland and Poland. Perspectives on European Politics and Society, 2010, vol. 11, №3. P. 284.

⁴³⁹ Bulletin Quotidien Europe. 2018. №11982. 16.03.

⁴⁴⁰ Bulletin Quotidien Europe. 2018. №12055. 05.07.

⁴⁴¹ Zdrowie, praca, rodzina: program Prawa i Sprawiedliwosci 2014. Warszawa: PiS, 2014. S. 150-151.

⁴⁴² 2019 European Election Results. URL: <https://www.election-results.eu/poland/> (дата обращения: 25.10.2019).

Лидер «Кукиз-15», одной из наиболее молодых правопопулистских партий стран ЦВЕ, П. Кукиз высказывается о ЕС жёстче, чем программа «Права и справедливости»: «Я сторонник Европейского союза, но как сообщества суверенных государств, а не управляемых из Германии объектов политики Ангелы Меркель. Результаты референдума в Соединённом Королевстве должны привести к обсуждению реформы Европейского союза, работа которого основана на огромной бюрократии и гиперрегуляции. Либо ЕС будет реструктурирован на основе принципов свободного рынка и суверенитета европейских стран, либо процесс дезинтеграции продолжится»⁴⁴³. ИОЕИ определяется требованием декоммунитаризации с упоминанием неподотчётности ЕС населению и, таким образом, равен 3.

Президент Венгрии В. Орбан на мероприятии, посвящённом 60-летию венгерских событий 1956 г., заявил: «Свободолюбивые люди должны спасти Брюссель от советизации и от людей, которые хотят решать за нас!»⁴⁴⁴. Однако Орбан, лидер популистской партии «Фидес» (Fidesz), – умеренный евроскептик, он не требует выхода страны из Союза, а лишь призывает к большей прозрачности институтов ЕС и реформе Союза в направлении конфедерации сильных национальных государств. Учитывая недавнее высказывание Орбана о том, что он «готов воровать с [лидером польской партии «Право и справедливость»] Качинским лошадей»⁴⁴⁵, можно предположить, что их отношение к ЕС во многом сходно.

При наличии общего основания для евроскептицизма в странах ЦВЕ и Балтии – видения Брюсселя как «новой Москвы» – характеристики евроскептицизма в разных странах сильно отличаются. В целом в странах Балтии имеется компромисс элит по поводу благотворности евроинтеграции для полноценного «возвращения в Европу», поэтому евроскепсис слабо институ-

⁴⁴³ Paweł Kukiz o Unii Europejskiej. Ruch Kukiza, 27.06.2016. URL: <http://ruchkukiza.pl/pawel-kukiz-o-unii-europejskiej/> (дата обращения: 16.12.2018).

⁴⁴⁴ Hartleb F. Op. cit. S. 90.

⁴⁴⁵ Банехевич Ю. Форум в Крынице: Больше регионального, меньше Европы. УкрИнформ, 12.09.2016. URL: <https://www.ukrinform.ru/rubric-world/2081810-forum-v-krynice-bolse-regionalnogo-mense-evropy.html> (дата обращения: 15.09.2017).

ционализирован и характерен в большей степени для маргинальных и оппозиционных партий. В Польше и Венгрии евроскептицизм (впрочем, умеренный), напротив, высоко институционализирован и пользуется поддержкой исполнительной и законодательной власти благодаря укоренению во властных структурах евроскептических акторов; в качестве дополнительного основания выступает предположительная угроза неолиберализма, олицетворяемого ЕС, христианским ценностям.

С помощью базы данных «European Manifesto Project», применив индикатор 110 (негативные упоминания европейской интеграции), мы обнаружили элементы предвыборных программ данных партий, носящие евроскептический характер (см. таблицу 3). Данные таблицы в целом подтверждают выводы о «жестком» характере евроскептицизма нидерландской «Партии свободы», демонстрирующей, наряду с ПНСК, наиболее высокие евроскептические показатели (в случае ПНСК очевидно влияние брекзита). Относительно небольшие показатели Польши и Венгрии также подтверждают умеренный характер венгерского и польского евроскептицизма. Невысокий (по сравнению с «Партией свободы») показатель французского «Национального фронта» за 2017 г. связан, по всей видимости, с уходом из партии Ф. Филиппо, ближайшего соратника М. Ле Пен, который был одним из идеологов партийного евроскептицизма. Показатели же «Фламандского интереса» и «Эстонской консервативной народной партии» вызывают вопросы в свете приведённых выше цитат из их программ; очевидно, по каким-то (вероятно, техническим) причинам совершенно определённые жестко евроскептические дискурсивные элементы не были учтены в программе дискурс-анализа ЕМР.

Также, опираясь на методику расчёта индекса отношения к европейской интеграции Н.Ю. Кавешникова и А.О. Доманова, мы подсчитали ИОЕИ для партий, находящихся в центре внимания в данной книге (таблица 4).

Эти данные подтверждают ориентацию (с оговорками) латвийского «Национального объединения», «Нового фламандского альянса», польской «Права и справедливости» и люксембургской «Альтернативной демократической партии реформ» на ев-

Таблица 3

Частотность употребления евроскептических индикаторов
в программах некоторых европейских правопопулистских партий

Партия	Уровень евроскептицизма в программе
Новый фламандский альянс (Бельгия, 2010)	0,147
Эстонская консервативная народная партия (2015)	0,449
Фламандский интерес (Бельгия, 2010)	0,733
Национальный фронт (Франция, 2017)	0,775
Фидес (Венгрия, 2014)	0,85
Право и справедливость (Польша, 2011)	0,93
Йоббик (Венгрия, 2014)	1,527
Рассвет прямой демократии (Чехия, 2013)	1,718
Альтернативная демократическая партия реформ (Люксембург, 2013)	1,757
Шведские демократы (2014)	2,532
Истинные финны (2011)	4,113
Австрийская партия свободы (2013)	4,348
Датская национальная партия (2011)	6,34
Словацкая национальная партия (2012)	10,28
Альтернатива для Германии (2017)	13,699
Партия независимости Соединённого королевства (2015)	16,531
Партия свободы (Нидерланды, 2012)	19,633

Источник: составлено автором на основе базы данных European Manifesto Project⁴⁴⁶.

Таблица 4

Индекс отношения к европейской интеграции партий,
рассматривающихся в данном исследовании

Партия	ПС	ФзД	ФИ	НФА	АДПР	ЭКНП	НО	ПиС	КСН	К15
ИОЕИ	1	3	1	7	8	3	10	7	1	3

Источник: составлено автором на основе методики Н.Ю. Кавешникова и А.О. Доманова.

ропейскую интеграцию, а также явно антиинтеграционную направленность нидерландских «Партии свободы» и «Форума за демократию», бельгийского «Фламандского интереса», польских партий «Кукиз-15» и «Конфедерация Свободы и Независимости» и «Эстонской консервативной народной партии». Также становится ещё более очевидным разброс в степени евроскеп-

⁴⁴⁶ Volkens A., Lehmann P., Matthieß T., Merz N., Regel S., Weßels B. The Manifesto Data Collection. Manifesto Project (MRG/CMP/MARPOR). Version 2017b. Berlin: Wissenschaftszentrum Berlin für Sozialforschung (WZB), 2017. URL: <https://doi.org/10.25522/manifesto.mpds.2017b> (дата обращения: 17.03.2018).

тицизма правопопулистских партий.

3.3. Евроскептицизм и правый популизм в Европейском парламенте

Существование правопопулистских партий на национальном уровне делает возможным, казалось бы, парадоксальную ситуацию: евроскептики оказываются избранными в управляющие органы Европейского союза. Так, в Дании и во Франции правые популисты заняли первые места на выборах в ЕП созыва 2014–2019 гг. по количеству голосов, полученных на национальном уровне⁴⁴⁷. Соответственно, правопопулистские партии являются одновременно и объектом и субъектом европейского интеграционного процесса: европейская интеграция неизбежно влияет на их дискурс (добавляя евроскептицизм и заставляя вписывать социально-экономические требования в общеевропейский контекст), но и сами правые популисты могут влиять на функционирование органов ЕС и принимаемые на наднациональном уровне решения.

В контексте деятельности правых популистов в наднациональных органах Европейского союза, прежде всего в Европарламенте, необходимо учитывать их присутствие на трёх партийно-организационных уровнях: на уровне национальных партий, на уровне европартий (возможно, корректнее называть их «федерациями национальных партий» или «транснациональными партийными сетями»⁴⁴⁸) и на уровне фракций, являющихся основными субъектами политического процесса в ЕП⁴⁴⁹.

Представители евроскептических/правопопулистских национальных партий после выборов 2014 г. входили в следующие европартии:

– Альянс консерваторов и реформистов в Европе (АКРЕ, 50 депутатов по результатам выборов 2014 г.; были представлены

⁴⁴⁷ Деркач М.А. Праворадикальные партии в Европарламенте седьмого и восьмого созывов. Политика и Общество, 2014, №8. С. 974.

⁴⁴⁸ Стрежнева М.В. Структурирование политического пространства в Европейском союзе (демократизация). Мировая экономика и международные отношения, 2010, №1. С. 64.

⁴⁴⁹ Пешеньков А.С., Жуковский И.И. О некоторых особенностях наднациональной партийной системы Европейского союза. Балтийский регион, 2016, т. 8, №2. С. 142.

депутаты от национальных партий «Истинные финны», латвийского «Национального объединения», люксембургской АДПР, польской ПиС);

– Альянс за прямую демократию в Европе (АПДЕ, 27, были представлены партии «Альтернатива для Германии», «Шведские демократы», литовская «Порядок и справедливость» и «Партия независимости СК»);

– Движение за Европу наций и свобод (ДЕНС, 33, были представлены австрийская и нидерландская «Партии свободы», «Фламандский интерес», французский «Национальный фронт», итальянская «Лига» и чешская «Свобода и прямая демократия»);

– Европейский альянс за свободу (ЕАС, 5, входили депутаты от «Шведских демократов» и «Партии независимости СК»).

Фракции могут формироваться только при условии включения в них не менее 25 депутатов, представляющих как минимум семь стран – членов ЕС. Фракции играют важную роль при определении состава парламентских комитетов, распределении функций членов Европарламента, формировании повестки дня и проведении голосования⁴⁵⁰. Фракции могут включать в себя не только европартии, но и национальные партии, и независимых депутатов⁴⁵¹. Из восьми существовавших в предыдущем созыве Европейского парламента фракций три включали в себя евроскептические европартии: Европейские консерваторы и реформисты (АКРЕ), Европа за свободу и прямую демократию (АПДЕ), Европа наций и свобод (ЕАС, ДЕНС) (см. таблицу 5). Последнюю лидер фракции «Прогрессивный альянс социалистов и демократов» Дж. Пителла назвал «антиесовской ксенофобской группой»⁴⁵², так как её фактически сформировали французские, нидерландские и бельгийские евроскептики. Европартии «Европейское объединение за демократию» (ЕОД, 2) и «Европейский альянс национальных движений» (ЕАНД, 3, представлены депутаты от венгерского «Йоббика») не входили в какие-

⁴⁵⁰ Кавешников Н.Ю., Стрежнева М.В. Институты ЕС. В кн.: Европейская интеграция. М.: Аспект-Пресс, 2016. С. 119.

⁴⁵¹ Пешеньков А.С. Указ. соч. С. 148.

⁴⁵² Levy-Abegnoli J. MEPs vow to unite against far-right ENF group. The Parliament Magazine, 17.06.2015. URL: <https://www.theparliamentmagazine.eu/articles/news/meps-vow-unite-against-far-right-enf-group> (дата обращения: 18.04.2018).

либо фракции, посему их влияние ограничено. Также в 2014–2019 гг. 15 мест в Европарламенте принадлежало независимым депутатам, большинство из которых также были евроскептиками.

Отдельного внимания заслуживает принцип формирования коалиций: это наиболее наглядная демонстрация гетерогенности правопопулистского лагеря и отсутствия согласия между различными партиями по множеству вопросов. Как отмечает М. Стойка, кризисы в ЕС оказались недостаточным фактором для обеспечения продолжительного и стабильного существования транснационального европопулизма⁴⁵³ – в первую очередь как раз из-за его гетерогенности. Несмотря на то что правопопулистские партии можно рассматривать в качестве самостоятельной партийной семьи, на наднациональном уровне они подчас оказываются отделены друг от друга рамками фракционных групп. Главным образом это связано с тем, что практически для любой партии приоритетны национальные проблемы, а здесь взгляды и степень радикализма различных правопопулистских партий различаются. Отмечается несовместимость позиций ряда ключевых правопопулистских партий по вопросам экономической политики (противоречие между «Альтернативой для Германии» и французским «Национальным объединением»), миграционной политики и многим другим⁴⁵⁴.

Наибольшее внимание привлекала к себе коалиция между французским «Национальным фронтом» и нидерландской «Партией свободы». За несколько месяцев до выборов в ЕП 2014 г. Г. Вилдерс и М. Ле Пен заявили о своей готовности «нанести поражение брюссельскому монстру»⁴⁵⁵. Но для М. Ле Пен и Г. Вилдерса оказались чрезмерно радикальными «Йоббик», греческая «Золотая заря» и «Национал-демократическая партия Гер-

⁴⁵³ Stoica M. Populismul în Europa contemporană. Dezvoltare istorică, discurs politic și susținători ai dreptei radicale. Cluj-Napoca: Presa Universitară Clujeană, 2017. P. 176.

⁴⁵⁴ Schulz F. How strong is right-wing populism after the European elections? EURactiv, 04.06.2019. URL: <https://www.euractiv.com/section/eu-elections-2019/news/how-strong-is-right-wing-populism-after-the-european-elections/> (дата обращения: 26.09.2019).

⁴⁵⁵ Stoica M. Political myths of the populist discourse. Journal for the Study of Religions and Ideologies, 2017, vol. 16, №46. P. 72.

мании» (во многом из-за антисемитской риторики), и они отказались формировать коалицию с венгерскими, греческими и немецкими крайне правыми. В ответ лидер «Йоббика» Г. Вона назвал «Австрийскую партию свободы» и французский «Национальный фронт» «сионистскими партиями»⁴⁵⁶. Не стал вступать в коалицию с «Йоббиком» и правящий в Венгрии «Фидес» В. Орбана. Однако для таких партий как «Шведские демократы» и «Истинные финны», стремящихся выйти из политической изоляции у себя на родине, чрезмерно радикальными оказались уже «Национальный фронт» и «Партия свободы»⁴⁵⁷. В итоге европартию ДЕНС пришлось создавать в достаточно усечённом составе по сравнению с первоначальными планами.

Случай «Фидеса» заслуживает отдельного упоминания. В. Орбан предпочёл присоединиться к уважаемому объединению христианско-демократических сил – Европейской народной партии, куда входят, к примеру, немецкие ХДС и ХСС, нидерландский ХДП, бельгийские ХДФ и польская «Гражданская платформа». Однако в связи с проявлениями популистского авторитаризма в законодательстве и наличием явно националистических элементов в предвыборной кампании 2018 г. Европейская народная партия провела 11 апреля 2018 г. совещание о членстве депутатов от «Фидеса». Бельгийский депутат Европейского парламента П. Аримон однозначно потребовал исключения венгерских популистов, однако глава пресс-службы ЕНП П. Лопес де Пабло заявил, что членство в европартии позволяет сдерживать наиболее радикальные шаги «Фидеса». В целом совещание завершилось декларацией о намерении установить некие «красные линии», которые представители партии Орбана не должны пересекать⁴⁵⁸. Однако 20 марта 2019 г. было принято решение приостановить членство «Фидес» в ЕНП: к такому

⁴⁵⁶ Ungarische Jobbik bezeichnet FPÖ als «zionistische Partei». Oberösterreichische Nachrichten, 26.06.2014. URL: <http://www.nachrichten.at/nachrichten/ticker/Ungarische-Jobbik-bezeichnet-FPOE-als-zionistische-Partei;art449,1425026> (дата обращения: 18.04.2018).

⁴⁵⁷ Деркач М.А. Указ. соч. С. 979.

⁴⁵⁸ Zalan E. What to do with Orban? EU centre-right ponders. EU Observer, 11.04.2018. URL: <https://euobserver.com/political/141577> (дата обращения: 23.06.2018).

шагу призвали лидеры христианско-демократических партий Финляндии, Бельгии, Люксембурга, Португалии и Швеции. Непосредственным поводом для приостановления членства стала начатая партией в венгерских СМИ кампания против миграционной политики ЕС, в которой использовались плакаты с портретами Ж.-К. Юнкера и Дж. Сороса с негативными коннотациями. Коллеги по ЕНП расценили данную кампанию как нарушение этических норм⁴⁵⁹.

Таблица 5

Правые популисты в Европейском парламенте
по результатам выборов 2014 г.

Фракции	Европартии	Национальные партии
Европейские консерваторы и реформисты (ЕКР)	АКРЕ (50 депутатов)	«Истинные финны», «Национальное объединение» (Латвия), АДПР (Люксембург), «Право и справедливость» (Польша), «Шведские демократы» (с 2018 г.)
Европа за свободу и прямую демократию (ЕСПД)	АПДЕ (27 депутатов); распалась в 2016 г.	«Альтернатива для Германии», «Шведские демократы», «Порядок и справедливость» (Литва), «Партия независимости Соединённого королевства»
Европа наций и свобод (ЕНС)	ЕАС (5 депутатов); распалась в 2016 г.	«Шведские демократы», «Партия независимости Соединённого королевства»
	ДЕНС (33 депутата)	«Австрийская партия свободы», «Партия свободы» (Нидерланды), «Фламандский интерес» (Бельгия), «Национальный фронт» (Франция), «Лига» (Италия), «Свобода и прямая демократия» (Чехия)

Голосование данных фракций по отдельным политическим резолюциям ЕП наглядно демонстрирует как позицию фракций, так и внутрифракционную сплочённость (см. таблицу 6). Очевидна солидарность евроскептических фракций с правопопулистскими правящими партиями в Венгрии и Польше (нежелание голосовать за осуждающие их действия резолюции), их единство относительно борьбы с терроризмом, а также стремление «сохранить лицо» в голосовании по поводу антисемитизма (его формальное осуждение). Над всеми проявлениями антисеми-

⁴⁵⁹ Hungary Orban: Europe's centre-right EPP suspends Fidesz. BBC, 20.03.2019. URL: <https://www.bbc.com/news/world-europe-47622921> (дата обращения: 23.03.2019).

тизма в Европе довлеет тень Холокоста, и слова Т. Джадта о том, что «признание Холокоста – современный входной билет в Европу»⁴⁶⁰, по-прежнему актуальны, и их признают в том числе правые популисты (за исключением граничащих в своей риторике с экстремизмом партий «Атака», «Йоббик» и «Золотая заря»; хотя даже лидер «Йоббика» Г. Вона в 2016 г. демонстративно поздравил венгерских евреев с Ханукой). В отношении антицыганизма не всё столь однозначно, однако, чтобы не продемонстрировать антицыганскую направленность ряда партий-членов, большинство евродепутатов указанных фракций воздержалось при голосовании по этому вопросу.

Таблица 6

Голосование евроскептических фракций ЕП
по ряду политических резолюций в 2017–2018 гг.

Резолюция	Фракция	Голосование фракции			
		за	против	воздержались	сплочённость
Решение Комиссии применить ст. 7 (1) Договора о ЕС в отношении ситуации в Польше (01.03.2018)	ЕКР	6	49	1	81,25%
	ЕСПД	0	23	11	51,47%
	ЕНС	2	26	0	89,29%
Аспекты фундаментальных прав в отношении интеграции цыган в ЕС: борьба с антицыганизмом (25.10.2017)	ЕКР	5	10	51	65,91%
	ЕСПД	1	8	22	56,45%
	ЕНС	0	19	12	41,94%
Борьба с антисемитизмом (01.06.2017)	ЕКР	57	4	1	87,9%
	ЕСПД	14	0	19	36,36%
	ЕНС	25	5	1	70,97%
Ситуация в Венгрии (относительно гражданских прав и свобод – П.О.) (17.05.2017)	ЕКР	3	61	1	90,77%
	ЕСПД	0	18	14	34,38%
	ЕНС	1	34	0	95,71%
Борьба с терроризмом (16.02.2017)	ЕКР	49	0	12	70,49%
	ЕСПД	17	1	1	84,21%
	ЕНС	20	11	5	33,33%

Источник: составлено автором на основе базы данных голосований в Европейском парламенте VoteWatch⁴⁶¹.

⁴⁶⁰ Judt T. Postwar: A History of Europe Since 1945. NYC: Penguin Press, 2005. P. 803.

⁴⁶¹ VoteWatch. URL: www.votewatch.eu (дата обращения: 18.04.2018).

Традиционно отмечается, что на выборах в Европарламент у антисистемных и популистских партий больше шансов привлечь электорат, чем на выборах в национальные легислатуры. Это связано, в первую очередь, с тем, что эти выборы рассматриваются как «выборы второго порядка» (термин К. Райфа и Г. Шмитта⁴⁶²), на которых можно относительно безопасно для национального управления выразить протест против существующей политической системы, проголосовав за «аутсайдера»⁴⁶³. Имеет место и обратная взаимосвязь: правопопулистские партии зачастую используют своё представительство в ЕП как средство поднятия авторитета на родине. Нельзя упускать из виду и специфику избирательных систем: к примеру, в странах с мажоритарной избирательной системой (Франция, Великобритания) шансы на успех у популистских партий больше на выборах в Европарламент хотя бы в силу того, что эти выборы проходят по пропорциональной, а не по мажоритарной системе⁴⁶⁴.

Также не стоит забывать о финансировании, которое евроскептические европартии получают наряду со всеми остальными. Показателен пример французского «Национального объединения», руководство которого в 2018 г. подозревали в неправомерном использовании нескольких миллионов евро, предназначенных для работы партии в Брюсселе, в целях финансирования партийной работы во Франции⁴⁶⁵. Как отмечает каталонский исследователь К. Коломина, «европейский популизм не смог бы достичь нынешнего высокого уровня представительства и влияния без денег и политических инструментов, предоставленных

⁴⁶² См.: Reif K., Schmitt H. Nine Second-Order National Elections – A Conceptual Framework for the Analysis of European Election Results. *European Journal of Political Research*, 1980, vol. 18, №1. P. 3-44.

⁴⁶³ Harmsen R. Concluding Comment: On Understanding the Relationship between Populism and Euroscepticism. *Perspectives on European Politics and Society*, 2010, vol. 11, №3. P. 338; Стрежнева М.В. Указ.соч. С. 64; Шибкова М.О. Современный евроскептицизм как вызов европейской солидарности. *Вестник МГИМО-Университета*, 2016, №6(51). С. 33.

⁴⁶⁴ Автор хотел бы поблагодарить президента фонда «Центр политических технологий» профессора НИУ ВШЭ Б.И. Макаренко, рекомендовавшего ему обратить внимание на этот аспект европейского голосования.

⁴⁶⁵ French far right party National Front charged over «fake jobs». RFI, 12.12.2017. URL: <http://en.rfi.fr/france/20171212-french-far-right-party-national-front-charged-over-fake-jobs> (дата обращения: 18.04.2018).

Европейским союзом, который он пытается разрушить»⁴⁶⁶.

Часто депутатами Европарламента могут стать одиозные личности, и это не только знаменитые представители «Национального фронта» Ж.-М. Ле Пен и Б. Голльниш. К примеру, член «Датской народной партии» и комитета Европейского парламента по конституционным вопросам М. Мессершмидт в 2002 г. был приговорён к двум неделям ареста за расистские высказывания⁴⁶⁷, член «Национал-демократической партии Германии» и комитета ЕП по гражданским свободам, юстиции и внутренним делам У. Фойгт в 2013 г. выступал с антисемитскими высказываниями⁴⁶⁸, член «Австрийской партии свободы» и комитета ЕП по международной торговле Ф. Обермайр выступил против празднования в Австрии 8 мая как дня «поражения немецкого народа»⁴⁶⁹, а член «Йоббика» и комитета ЕП по правам женщин и равенству полов К. Морваи известна неоднократными антисемитскими и конспирологическими заявлениями про «либерально-большевистских сионистов».

Попав в Европарламент, представители правопопулистских партий, как правило, максимально используют его как трибуну для саморекламы (работая как на внешнюю, так и на внутреннюю аудиторию) и пропаганды собственных идей. По словам К. Коломины, парламентская трибуна для многих правопопулистских парламентариев – не более чем «телестудия»⁴⁷⁰. Однако они могут и участвовать в формировании повестки, прежде всего, в отношении миграционных и ряда экономических проблем. А.О. Доманов отмечает, что чаще всего евроскептические партии вносят поправки в законопроекты ЕП на стадии подготовки доклада для рассмотрения в соответствующем комитете⁴⁷¹. Напомним, места в комитетах распределяются пропорционально представительству на пленарном заседании, а также в соот-

⁴⁶⁶ Colomina C. Populism «made in the EU». In: Populism in Europe: from symptom to alternative? Barcelona: Centre for International Affairs, 2017. P. 23.

⁴⁶⁷ Albrecht J.P. Europa rechtsausen: Die radikale Rechte im Europäischen Parlament nach den Europawahlen 2014. Brüssel: Die Grünen/EGA im Europäischen Parlament, 2015. S. 35

⁴⁶⁸ Ibid. S. 48.

⁴⁶⁹ Ibid. S. 115.

⁴⁷⁰ Colomina C. Op. cit.

⁴⁷¹ Доманов А.О. Указ. соч. С. 139.

ветствии с профессиональными компетенциями того или иного члена парламента.

В мае 2019 г. прошли очередные выборы в Европейский парламент, в результате которых партийно-фракционный расклад существенно поменялся. Широко обсуждавшуюся инициативу по введению «транснациональных списков» депутатов (согласно которой, часть депутатов будет представлять не то или иное государство, а интеграционное объединение в целом), Европарламент отверг. В связи с ожидавшимся выходом Великобритании из ЕС предполагалось, что в период 2019–2024 гг. количество членов Европейского парламента будет урезано с 751 до 705 мест; из урезанных 46 мест 30 окажутся просто сокращены, 16 – зарезервированы за будущими членами ЕС. Ещё 27 мест, ранее принадлежавших Великобритании, будут перераспределены между 14 недопредставленными государствами-членами⁴⁷². Однако Великобритания не успела завершить выход из интеграционного объединения до выборов в Европейский парламент, и вышеупомянутые схемы оказались пока невостребованными.

Выборы в ЕП в 2019 г. характеризовались двумя основными трендами: ослаблением центристских партий (хотя Европейская народная партия и социал-демократы сохранили своё влияние) и дальнейшей внутрипарламентской поляризацией по вопросу о границах влияния ЕС на национальную политику⁴⁷³. На смену «Европе наций и свобод» пришла фракция «Европейский альянс народов и наций» (ЕАНС/ЕАРН) (вскоре переименованная в «Идентичность и демократию»). К национальным партиям, чьи депутаты уже были представлены в идеологической предшественнице данной фракции в прошлом созыве, прибавились «Альтернатива для Германии» (перешедшая из «Европы за свободу и прямую демократию»), «Датская народная партия»,

⁴⁷² Потемкина О.Ю. Европейский парламента 2019: подготовка к выборам. Современная Европа, 2018, №3. С. 41.

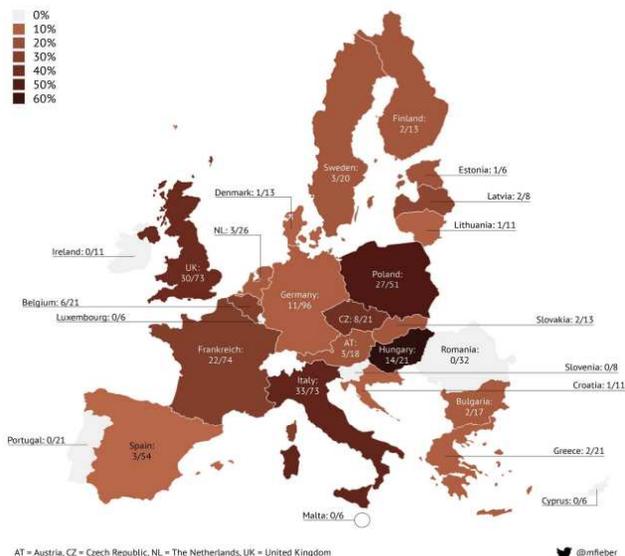
⁴⁷³ Кавешников Н.Ю. Полёт нормальный. Известия, 28.05.2019. URL: <https://iz.ru/882384/nikolai-kaveshnikov/polet-normalnyi> (дата обращения: 09.09.2019); Wiebrecht F., Downes J.F. Five key trends from the 2019 European Parliament elections. The London School of Economics and Political Science, 29.05.2019. URL: <https://blogs.lse.ac.uk/europpblog/2019/05/29/five-key-trends-from-the-2019-european-parliament-elections/> (дата обращения: 09.09.2019)

«Истинные финны» (перешедшие из «Европейских консерваторов и реформистов»), впервые прошедшая в ЕП «Эстонская консервативная народная партия»; нидерландская «Партия свободы» в Европарламент не прошла. Фракция «Европа за свободу и прямую демократию» распалась, т.к. перестала соответствовать критерию о членстве депутатов как минимум из семи стран – членов ЕС. Таким образом, в Европарламенте-2019 ключевой силой, объединяющей основных правопопулистских игроков, стала фракция «Идентичность и демократия».

Результаты правопопулистских партий на выборах в Европарламент нового созыва схематично представлены на картограмме, подготовленной журналистом М. Фибером (см. рис. 3).

Рисунок 3

Количество мест в ЕП, полученное правопопулистскими партиями в 2019 г., от общего количества мест, которыми располагает то или иное государство⁴⁷⁴

Источник: аккаунт М. Фибера в социальной сети Twitter (@mfieber).

⁴⁷⁴ М. Фибер указал, что одно из 11 мест, имеющихся у Литвы, отошло к правым популистам; по всей видимости, он имел в виду депутатское кресло, доставшееся представителю «Партии труда» – партии действительно популистской, но при этом не правой, а левоцентристской.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Основные выводы исследования сформулированы в следующих тезисах.

1. Приступая к анализу феномена популизма и его различных проявлений, исследователь должен осуществить ряд первоначальных шагов:

- избежать соблазна экстраполяции: большая часть подходов разработана на европейском / североамериканском материале и неприменима к Латинской Америке, Африке, Азии;

- выбрать подход для концептуализации: идеационный, дискурсивный либо мобилизационно-стратегический; оптимальным представляется интегративный подход, комбинирующий черты трёх указанных выше;

- выбрать уровень и единицу анализа. Наиболее оптимальное сочетание уровня анализа и базовой единицы – политические партии на национальном уровне. Безусловно, есть возможность и необходимость анализа популизма лидеров и популизма движений, но и то, и другое гораздо труднее поддаётся операционализации. К тому же, выход на субнациональный и наднациональный уровни исследования затруднён, соответственно, слабой сравнимостью кейсов или их нехваткой;

- выбрать исходные типологии популизма, на основе которых будет строиться авторский анализ, а также определить переменные, по которым будет проводиться сравнение; сравнение может быть как однофакторным, так и полифакторным;

- определить выборку кейсов, исходя из различных дизайнов и исследовательских целей. Отправной точкой может быть выбор из стратегий «максимальных различий» либо «минимальных различий», но дальнейшие шаги определяются задачами, которые стоят перед исследователем.

2. Правый популизм можно определить как политическую стратегию, сочетающую национализм, антиэлитизм, антиплюрализм (проявляющийся в представлении о народе как о гомогенной группе и стремлении исключить «нарушителей» гомогенности) и самоотождествление с народной волей, направленную на достижение электоральных успехов. Подобное опреде-

ление позволяет синтезировать три, как правило, применяемых по отдельности подхода к пониманию популизма – идеационный, дискурсивный и мобилизационно-стратегический. Одним из основных критериев также является электоральная успешность партии, так как, не будучи встроенным в парламентскую систему, правый популизм перестаёт существовать.

3. Правопопулистские партии следует считать отдельной партийной семьёй на основе их позиционирования в «двойной биполярности» (типологизации партий по осям идеологии и системности): будучи умеренно антисистемными (не требуя полной перестройки либерально-демократической системы), они разделяют популистскую стратегию достижения электоральных успехов и ряд ключевых идеологических позиций.

4. Определяющим признаком именно правого популизма, позволяющим отграничить его от «просто популизма», выступает эксклюзивный национализм. Основными объектами такого национализма в странах Европы выступают евреи, цыгане и иммигранты из мусульманских стран. Антисемитизм в большинстве стран ЕС стигматизирован, и поэтому его отрицают либо не афишируют. Антицыганизм свойствен, прежде всего, странам ЦВЕ. Однако антииммигрантская и антимусульманская риторика характерна практически для всех правопопулистских партий Европы (если ранее антимусульманский дискурс был, прежде всего, уделом западноевропейских правых, то миграционный кризис и распределение мигрантов по всем странам интеграционного объединения сделали данный вопрос актуальным для всех европейских субрегионов).

5. Основные характеристики правого популизма связаны с особенностями политической истории и политической культуры конкретной страны либо региона. Принадлежность социума конкретной политики к партиципаторной, парохияльной либо подданнической политической культуре, а также их сочетаниям, определяет как возможности и стратегии привлечения электората правопопулистскими партиями, так и саму склонность населения создавать соответствующие партийные институты. Особенности истории и политической культуры конкретных регионов определяют характер присущего правопопулистским

партиям национализма (в Западной Европе речь идёт, прежде всего, о цивилизационном национализме, в то время как в странах ЦВЕ и Балтии наблюдается этнический национализм), пределы влияния правопопулистских партий (характерны примеры Польши и Венгрии, где у власти находятся, по сути, правопопулистские правительства), выбор объектов стигматизации (для правых популистов стран ЦВЕ в большей степени характерен антицыганизм, а также стигматизация сексуальных меньшинств), отношение к европейской интеграции (для стран ЦВЕ характерны одновременно риторика «возврата в Европу», определяющая более положительное восприятие ЕС, и боязнь последствий «вступления в очередной союз» после негативного опыта пребывания в Восточном блоке), роль религии в дискурсе (в странах ЦВЕ в большей степени, чем в западноевропейских полициях, религия воспринимается в качестве одной из основ национальной идентичности).

6. Партиципаторная политическая культура в странах Бенилюкса определяет высокую степень институционализации правопопулистских акторов. Исторически сложившаяся секулярная либерально-демократическая парадигма, в свою очередь, налагает определённые ограничения на уровень радикализма и восприятия гражданами биополитических и религиозных сюжетов. Правопопулистский лагерь в этом субрегионе представлен целым рядом относительно успешных акторов, причём если особенность нидерландского правого популизма – опора на либертарианскую традицию, то для бельгийских правых популистов характерно абсолютное доминирование фламандских партий и регионалистская/сепаратистская повестка, а для соответствующей партии Люксембурга особое значение имеет языковая ситуация в стране. В Польше доминировавшая вплоть до 1980-х гг. подданическая культура сформировала высокий уровень восприимчивости к популистским лозунгам, а сложившаяся устойчивая ориентация на религиозные ценности определила высокий уровень восприятия биополитической и религиозной риторики. Исторически обусловленная необходимость артикуляции образов «внутреннего» и «внешнего» Другого предопределяет важную роль этнического национализма и геополитических сю-

жетов в польском популизме, а также двойственное отношение к Европейскому союзу в русле риторики ресуверенизации. «Право и справедливость» – пример правопопулистской партии, вытеснившей более радикальных конкурентов, пришедшей к власти в соответствующей стране и начавшей авторитарные реформы. Для *стран Балтии* также справедливы утверждения о высокой восприимчивости к популистской риторике в контексте исторически доминировавшей подданической политической культуры и об исторической актуальности «внутреннего» и «внешнего» Другого в деколонизационном/ресуверенизационном контексте. В Латвии и Эстонии успешные правопопулистские партии возникли в результате слияния консервативных партий периода трансформации с новыми радикальными акторами. В Литве популизм носит центристский характер, и успешные правопопулистские партии отсутствуют. Данная абберация обусловлена конкретными особенностями литовского партийного строительства в последние годы и заслуживает отдельного исследования.

7. Одна из основных характеристик риторики правых популистов в ЕС – евроскептицизм, который можно определить как артикулированное в программах и риторике политических партий негативное отношение к интеграции в рамках Европейского союза как к идее либо к отдельным её аспектам. Евроскептицизм – одно из проявлений архаики в правопопулистском дискурсе, логическое следствие национализма европейских национальных государств и популистского антиэлитизма (в форме антагонизма с «брюссельской элитой»). *Таким образом, основными дихотомиями европейского правопопулистского дискурса становятся «народ vs. элита», «наш народ vs. этнокультурные Другие», «национальное государство vs. Брюссель».* При этом степень евроскептицизма не коррелирует с успешностью партии на национальных выборах, т.к. последняя определяется, прежде всего, национальной повесткой.

8. В Европейском парламенте правые популисты присутствуют на трёх партийно-организационных уровнях: на уровне национальных партий, европартий и фракций. Правопопулистские партии являются одновременно и объектом и субъектом

европейского интеграционного процесса: европейская интеграция неизбежно влияет на их дискурс, но и сами они способны влиять на функционирование органов ЕС и принимаемые на наднациональном уровне решения. Процесс коалиционного строительства, необходимого для формирования фракций, демонстрирует неоднородность правопопулистского лагеря и невозможность на данном этапе создать транснациональный правопопулистский альянс. Поскольку избиратели часто рассматривают выборы в Европейский парламент как «выборы второго порядка», у антисистемных и правопопулистских партий в данном случае больше шансов привлечь электорат, чем на выборах в национальные легислатуры. В свою очередь, правопопулистские партии используют представленность в ЕП как средство поднятия авторитета на родине, как возможность привлечения финансирования, а также как дополнительную «трибуну» для озвучивания своих идей.

Важнейшие характеристики европейских правопопулистских партий, рассмотренных в данной работе, обобщены в таблице 7.

Таблица заставляет задаться вопросом о корреляции между степенью евроскептицизма партии и её электоральной успешностью. Таковую корреляцию обнаружить не удалось: в дискурсе партии может присутствовать как евроскептицизм, так и умеренный еврооптимизм, и от этого её успехи на национальном уровне зависят достаточно слабо. Объясняется это тем, о чём мы уже писали применительно к кейсу Бенилюкса (но теперь возможно экстраполировать этот вывод и на правопопулистские партии в целом в ЕС): евроскептицизм представляет собой лишь инструментальный элемент правопопулистского дискурса; от партий, действующих в странах – членах ЕС, а ргіогі ждут каких-либо заявлений о евроинтеграции, но их успех на выборах определяется национальной повесткой⁴⁷⁵.

⁴⁷⁵ Cf: Why populists could struggle to capitalise on EU elections success. The Guardian, 28.05.2019. URL: <https://www.theguardian.com/politics/2019/may/28/why-populists-could-struggle-to-capitalise-on-eu-elections-success> (дата обращения: 09.09.2019).

Таблица 7

Основные характеристики правопопулистских партий,
рассмотренных в работе

Кластер	Партия	Успешность (1-6)	ИОЕИ (1-13)	Национализм	Антиэлитизм	Прямая демократия
Бенилюкс	ПС	3	1	Цивилизационный, коллективного Запада	Направлен против национальных и наднациональных элит (в случае Бельгии – в основном франкоязычных), «леволиберального консенсуса»	Требования широкого применения и обязательности результатов референдумов, выборности выборов на настоящий момент должностей (бургомистры, президенты), развития интернет-платформ голосования
	ФзД	1	3			
	ФИ	2	1	Цивилизационный + регионализм		
	НФА	5	7			
	АДПР	2	8	Цивилизационный + языковой	Слабо выражен	
ЦВЕ и Балтия	Пис	6	7	Гражданский, религиозный, этнический (этничность как компонент гражданственности)	Направлен против национальных и наднациональных элит, «либеральных реформаторов»	
	К15	2	3			
	КСН	2	1			
	ЭКНП	4	3	Преимущественно этнический		
	НО	3	10			

Источник: составлено автором.

Таким образом, выявленные специфические черты конкретных национальных/региональных кейсов правого популизма действительно обусловлены конкретно-страновыми/региональными версиями национализма и евроскептицизма, а также особенностями национальной политической культуры. В то же время, не обнаружена прямая корреляция между успешностью партийных проектов и такой значимой для правопопулистского дискурса внешней переменной как уровень евроскептицизма – что мы склонны объяснять упомянутым выше преимущественно инструментальным характером популистской риторики.

В силу причин объективного характера за рамками этой работы оказались такие вопросы, как структура электората правых

популистов, взаимосвязь популизма с регионализмом, связь правопопулистских партий с непартийными акторами, а также множество иных кейсов. Мы надеемся, что указанные проблемы дождутся своего исследователя, и данные лакуны в отечественной политической науке будут заполнены.

ОСНОВНАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. Альтерматт У. Этнонационализм в Европе. М.: РГГУ, 2000. 368 с.
2. Вайнштейн Г.И. Популизм. В кн.: Идентичность: личность, общество, политика. Москва, 2017. С. 607-614.
3. Водак Р. Политика страха. Что значит дискурс правых популистов? Харьков: Гуманитарный центр, 2018. 402 с.
4. Гаман-Голутвина О.В. Развитие категории «политическая культура» в общественно-политической мысли. Политическая экспертиза, 2005, №2. С. 38-49.
5. Декер Ф. Популизм как вызов либеральным демократиям. Актуальные проблемы Европы, 2004, №2. С. 56-73.
6. Дюверже М. Политические партии. М.: Академический проект, 2018. 538 с.
7. Кавешников Н.Ю., Доманов А.О. Методика оценки евроскептических настроений на примере политических партий Великобритании. Международные процессы, 2018, т. 16, №1. С. 80-89.
8. Казула Ф. «Популизм» и «гегемония» у Эрнесто Лакло – десять лет спустя. В кн.: Символическая политика. Вып. 5: Политика идентичность. М.: ИНИОН РАН, 2017. С. 330-441.
9. Кіянка І.Б. Популізм в історії та сучасності: ідеологічні течії, рухи та політичні технології. Львів: Простір, 2016. 386 с.
10. Крастев И. После Европы. М.: Дело, 2018. 144 с.
11. Литвин В.С. Популістські партії у структурі модерних партійних систем країн Центральної Європи: порівняльний аналіз. Освіта регіону: Політологія, психологія, комунікації, 2012, №2. С. 69-77.
12. Лункин Р.Н. Религия и европейский популизм: христианский фактор в политических дискуссиях. Современная Европа, 2018, №1. С. 102-113.
13. Макаренко Б.И. Популизм и политические институты: сравнительная перспектива. Вестник общественного мнения, 2017, №1-2(123). С. 8-23.
14. Маслова Е.А. Евроскептицизм и популизм в Италии: пример «Движения пяти звёзд». Контуры глобальных трансформаций, 2017, т. 10, №1. С. 141-157.

15. Медушевский А.Н. Популизм и конституционная трансформация: Восточная Европа, постсоветское пространство и Россия. *Полития*, 2018, №3. С. 113-139.

16. Мусихин Г.И. Популизм: структурная характеристика политики или «ущербная идеология»? *Полития. Анализ. Хроника. Прогноз*, 2009, №4. С. 40-53.

17. Мюллер Я.-В. Что такое популизм? М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2018. 144 с.

18. Налевайко Э. Политический популизм и социальный страх. *Социология*, 2009, №4. С. 36-49.

19. Партии и партийные системы: современные тенденции развития. М.: РОССПЭН, 2015. 304 с.

20. Погорельская С.В. «Вечно вчерашние»: правый популизм и правый радикализм в Западной Европе. *Мировая экономика и международные отношения*, 2004, №3. С. 51-63.

21. Потемкина О.Ю. Европейский парламент 2019: подготовка к выборам. *Современная Европа*, 2018, №3. С. 35-45.

22. Прохоренко И.Л. Европейская интеграция и проблема сепаратизма в государствах – членах Европейского союза. М.: ИМЭМО РАН, 2018. 93 с.

23. Романюк А. Популізм і розвиток партійної системи в Україні. В кн.: *Партійна система сучасної України: еволюція, тенденції та перспективи розвитку: матеріали міжнародної науково-практичної конференції, 24-25 листопада 2011 р.* К.: ІПіЕНД, 2012. С. 242-258.

24. Тэвдой-Бурмули А.И. Европейский правый радикализм на рубеже веков: формы и тенденции эволюции. В кн.: *Социальное согласие против правого экстремизма.* М.: Изд-во Института социологии РАН, 2005. С. 368-404.

25. Тэвдой-Бурмули А.И. Этнополитическая динамика Европейского союза. М.: Аспект Пресс, 2018. 224 с.

26. Урбинати Н. Искажённая демократия: мнение, истина и народ. М.: Издательство Института Гайдара, 2016. 448 с.

27. Фишман Л.Г. Популизм – это надолго. *Полис. Политические исследования*, 2017, №3. С. 55-70.

28. Функе Х., Ренсманн Л. Новый правый популизм в Европе: сравнительный анализ политических партий и движений.

Актуальные проблемы Европы, 2004, №2. С. 74-98.

29. Хенкин С.М. Феномен сепаратизма: опыт Испании. М.: МГИМО-Университет, 2017. 120 с.

30. Arzheimer K. Conceptual Confusion is Not Always a Bad Thing – The Curious Case of European Radical Right Studies. In: Demokratie und Entscheidung. Beiträge zur Analytischen Politischen Theorie. Berlin: Springer, 2018. P. 23-40.

31. Auers D., Kasekamp A. Comparing Radical Right Populism in Estonia and Latvia. In: Right-Wing Populism in Europe: Politics and Discourse. London: Routledge, 2013. P. 235-248.

32. Betz H.-G. Rechtspopulismus: Ein internationaler Trend? Aus Politik und Zeitgeschichte, 1998, №9-10. S. 3-12.

33. Blau L. Histoire de l'extrême-droite au Grand-Duché de Luxembourg au XXe siècle. Luxembourg: Le Phare, 1998. 660 p.

34. Bornschieer S. Cleavage Politics and the Populist Right. Philadelphia: Temple University Press, 2010. 260 p.

35. Brubaker R. Between nationalism and civilizationism: the European populist moment in comparative perspective. Ethnic and Racial Studies, 2017, vol. 40, №8. P. 1191-1226.

36. Canovan M. Populism. London: Junction Books, 1981. 351 p.

37. De Cleen B., Glynos J., Mondon A. Critical Research on Populism: Nine Rules of Engagement. Organization, 2018, vol. 25, №5. P. 649-661.

38. Emanuele V., Maggini N., Marino B. Gaining Votes in Europe against Europe? How National Contexts Shaped the Results of Eurosceptic Parties in the 2014 European Parliament Elections. Journal of Contemporary European Research, 2016, vol. 12, №3. P. 697-715.

39. FitzGibbon J., Guerra S. Not Just Europeanization, Not Necessarily Populism: Potential Factors Underlying the Mobilization of Populism in Ireland and Poland. Perspectives on European Politics and Society, 2010, vol. 11, №3. P. 273-291.

40. Freedman M. Conclusion: ideology – balances and projections. In: Reassessing political ideologies: the durability of dissent. New York, 2001. P. 193-208.

41. Gidron N., Bonikowski B. Varieties of Populism: Literature Review and Research Agenda. Weatherhead Center for International

al Affairs Working Paper Series, 2013, №13-0004. 38 p.

42. Grabow K. Mapping Present-Day Right-Wing Populists. In: *Exposing the Demagogues: Right-wing and National Populist Parties in Europe*. Berlin, 2013. P. 13-44.

43. Harmsen R. Concluding Comment: On Understanding the Relationship between Populism and Euroscepticism. *Perspectives on European Politics and Society*, 2010, vol. 11, №3. P. 333-341.

44. Hartleb F. *Die Stunde der Populisten: wie sich unsere Politik trumpetisiert und was wir dagegen tun können*. Schwalbach: Wochenschau Verlag, 2017. 238 S.

45. Inglehart R., Norris P. *Trump, Brexit, and the Rise of Populism: Economic Have-Nots and Cultural Backlash*. HKS Faculty Research Working Paper Series, 2016, RWP16-026. 52 p.

46. Ionescu G., Gellner E. (Eds.) *Populism: Its Meaning and National Characteristics*. Oakland: University of California Press, 1969. 263 p.

47. Jagers J., Walgrave S. Populism as political communication style: An empirical study of political parties' discourse in Belgium. *European Journal of Political Research*, 2007, vol. 46, №3. P. 319-345.

48. Kopecký P., Mudde C. The Two Sides of Euroscepticism. Party Positions on European Integration in East Central Europe. *European Union Politics*, 2002, vol. 3, №3. P. 297-326.

49. Laclau E. *On Populist Reason*. London: Verso, 2005. 288 p.

50. Maly I. *N-VA: Analyse van een politieke ideologie*. Berchem: EPO, 2013. 607 p.

51. Minkenberg M. The Radical Right in Post-Socialist Central and Eastern Europe: Comparative Observations and Interpretations. *East European Politics and Societies*, 2002, vol. 16, №2. P. 335-362.

52. Mudde C. Populist Zeitgeist. *Government and Opposition*, 2004, №39(4). P. 541-563.

53. Mudde C. The Populist Radical Right: A Pathological Normalcy. *West European Politics*, 2010, vol. 33, №6. P. 1167-1186.

54. Pappas T. Dealing with modern illiberal democracies: From vintage electoral autocracy to today's jumble of populism with nativism. In: *Will Human Rights Survive Illiberal Democracy?* Amsterdam: Amnesty International Netherlands, 2018. P. 25-31.

55. Priester K. Wesensmerkmale des Populismus. Aus Politik und Zeitgeschichte, 2012, №5-6. S. 3-8.

56. Rooduijn M. State of the field: How to study populism and adjacent topics? A plea for both more and less focus. European Journal of Political Research, 2018, №58. P. 362-372.

57. Rovira Kaltwasser C. The ambivalence of populism: threat and corrective for democracy. Democratization, 2012, vol. 19, №2. P. 184-208.

58. Rydgren J. Radical right-wing parties in Europe. What's populism got to do with it? Journal of Language and Politics, 2017, vol. 16, №4. P. 485-496.

59. Stanley B. Populism in Central and Eastern Europe. In: The Oxford Handbook of Populism. Oxford: OUP, 2017. P. 140-160.

60. Stoica M. Political myths of the populist discourse. Journal for the Study of Religions and Ideologies, 2017, vol. 16, №46. P. 63-76.

61. Stoica M. Populismul în Europa contemporană. Dezvoltare istorică, discurs politic și susținători ai dreptei radicale. Cluj-Napoca: Presa Universitară Clujeană, 2017. 349 p.

62. Taggart P. Populism in Western Europe. In: Oxford Handbook of Populism. Oxford: OUP, 2018. P. 248-266.

63. Taggart P., Szczerbiak A. Theorizing Party-Based Euroscepticism: Problems of Definition, Measurement, and Casuality. In: Opposing Europe? The Comparative Party Politics of Euroscepticism. Vol. 2. Oxford: Oxford University Press, 2008. P. 238-262.

64. Taguieff P.-A. La revanche du nationalisme. Paris: PUF, 2015. 324 p.

65. Vasilopoulou S. European integration and the radical right. Three patterns of opposition. In: The Populist Radical Right: A Reader. London: Routledge, 2017. P. 124-137.

66. Vossen K. Populism in the Netherlands after Fortuyn: Rita Verdonk and Geert Wilders Compared. Perspectives on European Politics and Society, 2010, vol. 11, №1. P. 22-38.

ОБ АВТОРЕ

Осколков Пётр Викторович, кандидат политических наук, научный сотрудник Отдела исследований европейской интеграции Института Европы РАН. В Институте Европы работает с 2017 г. по настоящее время. Преподаватель кафедры сравнительной политологии МГИМО МИД России, старший преподаватель кафедры региональных проблем мировой политики МГУ им. М.В. Ломоносова. Область научных интересов: партийно-политические исследования, этнополитология, федерализм. Участник проектов Российского научного фонда, посвящённых региональной политике и электоральному поведению. Автор ряда публикаций по данной тематике в ведущих российских и зарубежных рецензируемых журналах, соавтор монографии «Объединение регионов Российской Федерации», учебников «Политическая компаративистика» и «Мировое комплексное регионоведение в педагогической практике».

ABOUT THE AUTHOR

Petr Oskolkov, PhD in Political Science, researcher at the Department for European Integration Studies, Institute of Europe (Russian Academy of Sciences) since 2017. Lecturer at the Department for Comparative Politics at MGIMO University, senior lecturer at the Department of Regional Aspects of World Politics in the Lomonosov Moscow State University. Field of research: party-political studies, ethnic politics, federalism. Participated in several Russian Scientific Foundation projects devoted to regional politics and electoral behavior. Authored a number of peer-reviewed articles in Russian and foreign academic journals, co-authored the monograph «Merger of the Russian Federation Regions», the textbooks «Comparative Political Studies» and «Complex Area Studies in Education».

**В 2017–2019 гг. были выпущены следующие
доклады Института Европы**

346. Н.Б.Кондратьева. Европейский союз: становление единого рынка. Монография. ДИЕ РАН № 346, М., 2017 г.
347. Выборы во Франции 2017 г.: итоги и перспективы. Под ред. В.Я.Швейцера (отв. ред.) и др. ДИЕ РАН № 347, М., 2017 г.
348. С.Н.Гончаренко. Черноморское экономическое сотрудничество: первые 25 лет. ДИЕ РАН № 348. М., 2018 г.
349. Современная Италия: старые проблемы, новые вызовы. Под ред. Е.А. Масловой (отв. ред.) и др. ДИЕ РАН № 349. М., 2018 г.
350. Большое Причерноморье: на перекрестках сотрудничества и конфликтов. Отв. ред. Д.А.Данилов. ДИЕ РАН № 350. М., 2018 г.
351. Будущее Европы: глобальные вызовы и возможные ответы. Отв. ред. Л.О.Бабынина. ДИЕ РАН № 351. М., 2018 г.
352. В.С.Циренчиков. Прогностическая деятельность европейских компаний. ДИЕ РАН № 352. М., 2018 г.
353. Европа 2017: партии, выборы, власть. Отв. ред. В.Я.Швейцер. ДИЕ РАН № 353. М., 2018 г.
354. Германия. 2017. Под ред. В.Б.Белова (отв. ред.) и др. ДИЕ РАН № 354, М., 2018 г.
355. Ю.А.Борко. Восточное партнёрство: проект, реальность, будущее. ДИЕ РАН № 355. М., 2018 г.
356. Правительство меньшинства Терезы Мэй – год у власти. Отв. ред. Е.В.Ананьева. ДИЕ РАН № 356. М., 2018 г.
357. Партии и движения политической альтернативы в современной Европе. Отв. ред. В.Я.Швейцер. ДИЕ РАН № 357. М., 2018 г.
358. И.С.Гладков, Е.Ю.Горбатенко. Внешняя торговля Европейского союза: особенности на современном этапе. ДИЕ РАН № 358. М., 2018 г.
359. А.И.Бажан. Перспективы евроинтеграции: валютно-финансовые аспекты. ДИЕ РАН № 359. М., 2018 г.
360. Экономика и политика Германии: через год после выборов. Отв. ред. Е.П.Тимошенкова. ДИЕ РАН № 360. М., 2019 г.
361. Германия. 2018. Под ред. В.Б.Белова (отв. ред.) и др. ДИЕ РАН № 361, М., 2019 г.
362. Свет и тени «эры Макрона». Отв. ред. В.Я. Швейцер. ДИЕ РАН № 362, М., 2019 г.
363. Большое Причерноморье: политика, экономика, безопасность. Отв. ред. О.В.Буторина. ДИЕ РАН № 363, М., 2019 г.
364. Итоги правления Терезы Мэй. Под ред. Е.В.Ананьевой. ДИЕ РАН № 364, М., 2019 г.

«Reports of Institute of Europe» published in 2017–2019

346. N.B.Kondratyeva. The European Union: shaping the single market. Monography. Reports of the IE RAS, № 346, M., 2017.
347. Elections in France – 2017: Results and Perspectives. Ed. by V.Ya.Shveitser and others. Reports of the IE RAS, № 347, M., 2017.
348. S.N.Goncharenko. Black Sea Economic Cooperation: the First 25 Years. Reports of the IE RAS, № 348, M., 2018.
349. Modern Italy: old problems, new challenges. Ed. by E.A.Maslova and others. Reports of the IE RAS, № 349, M., 2018.
350. The Wider Black Sea Region: at the Crossroads of Cooperation and Conflicts. Ed. by D.A.Danilov. Reports of the IE RAS, № 350, M., 2018.
351. The Future of Europe: global challenges and possible responses. Ed. by L.O.Babynina. Reports of the IE RAS, № 351, M., 2018.
352. V.S.Tsirenschchikov. Prognostic Activities of European Companies. Reports of the IE RAS, № 352, M., 2018.
353. Europe 2017: parties, elections, power. Ed. by V.Ya.Shveitser. Reports of the IE RAS, № 353, M., 2018.
354. Germany. 2017. Ed. by V.B.Belov and others. Reports of the IE RAS, № 354, M., 2018.
355. Yu.A.Borko. The Eastern Partnership: project, realities, future. Reports of the IE RAS, № 355, M., 2018.
356. Th. May's Minority Government – a Year in Power. Ed. by E.V. Ananieva. Reports of the IE RAS, № 356, M., 2018.
357. Parties and Movements of Political Alternative in Contemporary Europe. Ed. by V.Ya.Shveitser. Reports of the IE RAS, № 357, M., 2018.
358. I.S.Gladkov, E.Yu.Gorbatenko. The foreign trade of the European Union: features at the present stage. Reports of the IE RAS, № 358, M., 2018.
359. A.I.Bazhan. Prospects for European integration: monetary and financial aspects. Reports of the IE RAS, № 359, M., 2018.
360. Economy and Politics of Germany – a year after the elections. Ed. by E.P.Timoshenkova. Reports of the IE RAS, № 360, M., 2019.
361. Germany. 2018. Ed. by V.B.Belov and others. Reports of the IE RAS, № 361, M., 2019.
362. Light and Shadows of the «Macron Era». Ed. by V.Ya.Shveitser. Reports of the IE RAS, № 362, M., 2019.
363. The Wider Black Sea Region: Politics, Economy, Security. Ed. by O.V.Butorina. Reports of the IE RAS, № 363, M., 2019.
364. Theresa May's Governance – Summing Up. Ed. by E.V.Ananieva. Reports of the IE RAS, № 364, M., 2019.

Научное издание

П. В. Осколков
ПРАВЫЙ ПОПУЛИЗМ
В ЕВРОПЕЙСКОМ СОЮЗЕ

Монография

Доклады Института Европы

№ 365

Подписано в печать 09.12.2019. Формат 60×90 $\frac{1}{16}$
Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл.-печ. л. 10,25
Тираж 200 экз. Заказ № 2018

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт Европы Российской академии наук
125009 Россия, Москва, ул. Моховая, д. 11., стр. 3.
Тел.: 495-692-10-51, факс: 495-629-92-96.
E-mail: europe-ins@mail.ru
Web: <http://www.instituteofeurope.ru>

Отпечатано с готового оригинал-макета
в типографии издательства «Нестор-История»
Тел. (812)235-15-86